

Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: ПОЛИТОЛОГИЯ

Идентичность в политических конструкциях современности

2021 Том 23 № 4

DOI: 10.22363/2313-1438-2021-23-4

<http://journals.rudn.ru/political-science>

Научный журнал
Издается с 1999 г.

Издание зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-61179 от 30.03.2015 г.

Учредитель: Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Российский университет дружбы народов»

Главный редактор

Почта Ю.М., доктор философских наук, профессор кафедры сравнительной политологии Российского университета дружбы народов, Москва, Российская Федерация
E-mail: pochta-yum@rudn.ru

Ответственный секретарь

Казаринова Д.Б., кандидат политических наук, доцент кафедры сравнительной политологии факультета гуманитарных и социальных наук Российского университета дружбы народов, Москва, Российская Федерация
E-mail: kazarinova-db@rudn.ru

Заместитель главного редактора

Попова Ольга Валентиновна – доктор политических наук, профессор и заведующая кафедрой политических институтов и прикладных политических исследований Санкт-Петербургского государственного университета, Санкт-Петербург, Российская Федерация

Редакционная коллегия

Акчурина Виктория – доктор политических наук, преподаватель Университета Париж Дофин и ассоциативный исследователь при Французской высшей школе ENS/Paris/Центр геополитических исследований, Париж, Франция; старший преподаватель Академии ОБСЕ, Бишкек, Кыргызстан

Белл Дэниел – доктор политических наук, профессор, декан факультета политологии и публичного администрирования Университета Шаньдун, Цзинань, Китай

Витковска Марта – доктор политических наук, профессор, научный сотрудник факультета политических наук и международных исследований Варшавского университета, Варшава, Польша

Дюфи Каролин – доктор политических наук, научный сотрудник Центра Эмиля Дюркгейма Института политических исследований Сьянс По Университета Бордо, Бордо, Франция

Дуткевич Пиотр – доктор политических наук, профессор, директор Института европейских, российских и евразийских исследований при Карлтонском университете, Оттава, Канада

Када Никола – доктор политических наук, профессор Университета Гренобль Альпы, Гренобль, Франция

Капустин Борис Гурьевич – доктор философских наук, профессор Йельского университета, Нью-Хейвен, США

Морозова Елена Васильевна – доктор философских наук, профессор кафедры государственной политики и государственного управления Кубанского государственного университета, Краснодар, Российская Федерация

Мчедлова Мария Мирановна – доктор политических наук, профессор, заведующая кафедрой сравнительной политологии Российского университета дружбы народов, ученый секретарь Центра «Религия в современном обществе» Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН, Москва, Российская Федерация

Панкратов Сергей Анатольевич – доктор политических наук, профессор, заведующий кафедрой международных отношений, политологии и регионоведения Волгоградского государственного университета, Волгоград, Российская Федерация

Парашар Свати – доктор политических наук, доцент факультета глобальных исследований Университета Гетеборга, Гетеборг, Швеция

Фадеева Любовь Александровна – доктор исторических наук, профессор кафедры политических наук Пермского государственного научно-исследовательского университета, Пермь, Российская Федерация

Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: ПОЛИТОЛОГИЯ

ISSN 2313-1446 (online); 2313-1438 (print)

Периодичность: 4 выпуска в год (ежеквартально)

<http://journals.rudn.ru/political-science>

Входит в перечень рецензируемых научных изданий ВАК РФ.

Языки: русский, английский.

Индексация: РИНЦ, ВАК, RSCI, Google Scholar, Ulrich's Periodicals Directory, WorldCat, East View, Cyberleninka, DOAJ, Dimensions, ResearchBib, Lens, Microsoft Academic, Research4Life

Подписной индекс издания в каталоге агентства Роспечать 20827.

Цели и тематика

Журнал *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология* – периодическое международное рецензируемое научное издание в области политических исследований. Журнал является международным как по составу редакционной коллегии, так и по авторам и тематике публикаций.

Научный журнал издается с 1999 г. С момента своего создания журнал ориентировался на высокие научные и этические стандарты и сегодня является одним из ведущих и старейших политологических журналов России.

Журнал предназначен для публикации результатов фундаментальных и прикладных научных исследований по актуальным вопросам политической науки. Научный журнал *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология* ставит своей задачей сопряжение западной и незападной политической теории, что лежит в основе исследовательских направлений научной школы РУДН. Помимо исследований, выполненных с использованием методологии традиционного для политической науки институционального анализа, редакция приветствует использование методологии цивилизационного и ценностного подходов к изучению политической реальности, а также кросс-региональных сравнительных исследований.

Традиционной проблематикой журнала являются: политические процессы в России, социокультурные факторы политики, диалог цивилизаций в координатах сравнения ценностных систем и политических культур, институциональных особенностей и мировоззренческих ориентиров. Редакция приветствует исследование социально-политических процессов и явлений в соотношении традиционного и современного на основе инновационного характера теории и методологического разнообразия.

Цель журнала – способствовать научному обмену и сотрудничеству между российскими и зарубежными политологами. Формат публикаций: научные статьи, обзорные статьи, научные сообщения, посвященные исследовательским проблемам в сфере политологии. Целевой аудиторией журнала являются специалисты-политологи, а также аспиранты и докторанты, обучающиеся по направлениям «Политология» и «Международные отношения».

В своей деятельности редакционная коллегия руководствуется принципами, определяемыми ВАК России для научных журналов, в том числе: наличие института рецензирования для экспертной оценки научных статей; информационная открытость издания; наличие и соблюдение правил и этических стандартов представления рукописей авторов.

Журнал строго придерживается международных стандартов публикационной этики, обозначенных в документе *COPE (Committee on Publication Ethics)* <http://publicationethics.org>

Полные сведения о журнале и его редакционной политике, требования к подготовке и публикации статей, архив (полнотекстовые выпуски с 2008 года) и дополнительная информация размещены на сайте: <http://journals.rudn.ru/political-science>

Электронный адрес: politj@rudn.ru

Литературный редактор: И.Л. Панкратова

Компьютерная верстка: Ю.Н. Ефремова

Адрес редакции:

115419, Москва, Россия, ул. Орджоникидзе, д. 3

Тел.: (495) 955-07-16; e-mail: publishing@rudn.ru

Адрес редакционной коллегии журнала:

117198, Москва, Россия, ул. Миклухо-Маклая, д. 10/2

Тел.: (495) 936-85-28;

e-mail: politj@rudn.ru

Подписано в печать 10.11.2021. Выход в свет 25.11.2021. Формат 70×108/16.

Бумага офсетная. Печать офсетная. Гарнитура «Times New Roman».

Усл. печ. л. 18,2. Тираж 500 экз. Заказ № 1136. Цена свободная.

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования

«Российский университет дружбы народов» (РУДН)

117198, Москва, Россия, ул. Миклухо-Маклая, д. 6

Отпечатано в типографии ИПК РУДН

115419, Москва, Россия, ул. Орджоникидзе, д. 3,

тел. (495) 952-04-41; e-mail: publishing@rudn.ru

RUDN JOURNAL OF POLITICAL SCIENCE

Identity in the Political Constructions of Modernity

2021 VOLUME 23 No. 4

DOI: 10.22363/2313-1438-2021-23-4

<http://journals.rudn.ru/political-science>

Founded in 1999

Founder: PEOPLES' FRIENDSHIP UNIVERSITY OF RUSSIA

CHIEF EDITOR

Yuriy M. Pochta, Doctor of Philosophy,
Full Professor of the Department of Comparative
Politics, Peoples' Friendship University of Russia
(RUDN University), Moscow, Russian Federation
E-mail: pochta-yum@rudn.ru

EXECUTIVE SECRETARY

Daria B. Kazarinova, PhD in Political Science,
Associate Professor of the Department
of Comparative Politics, Peoples' Friendship
University of Russia (RUDN University),
Moscow, Russian Federation
E-mail: kazarinova-db@rudn.ru

DEPUTY EDITOR

Olga V. Popova – Doctor of Political Science, Professor and Head of the Department of Political Institutions and Applied Political Science, Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russian Federation

EDITORIAL BOARD

Viktoria Akchurina – PhD in Political Science, Adjunct Lecturer in International Relations Department of International Politics and Peace Studies, Dauphine University, Associate Researcher of the Chair of the Geopolitics of Risk, Ecole Normale Supérieure, Paris, France; Senior Lecturer at the OSCE Academy, Bishkek, Kyrgyzstan

Daniel A. Bell – PhD in Political Theory University of Oxford, Professor and Dean, School of Political Science and Public Administration, Shandong University, Qingdao, China

Marta Witkowska – Doctor of Political Science, Professor at the Faculty of Political Science and International Studies of the University of Warsaw, Warsaw, Poland

Caroline Dufy – PhD in Political Science, Research Fellow of the Centre Emile Durkheim, Science Po Bordeaux, Bordeaux, France

Piotr Dutkiewicz – Doctor of Political Science, Full Professor, Director of the Institute of European, Russian and Eurasian Studies, Carleton University, Ottawa, Canada

Nicolas Kada – Doctor of Political Science, Full Professor, University Grenoble Alpes, Grenoble, France
Boris G. Kapustin – Doctor of Philosophy, Professor of Yale University, New Haven, The United States of America

Elena V. Morozova – Doctor of Philosophy, Professor Chair of Public Policy and Public Administration, Kuban State University, Krasnodar, Russian Federation

Maria M. Mchedlova – Doctor of Political Science, Full Professor and Head of the Department of Comparative Politics, Peoples' Friendship University of Russia, Scientific Secretary of the Center "Religion in Modern Society" of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Science, Moscow, Russian Federation

Sergey A. Pankratov – Doctor of Political Science, Professor and Head of the Department of International Relations, Political Science and Regional Studies, Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation

Swati Parashar – PhD in Politics and International Relations Lancaster University, Associate Professor at the School of Global Studies, University of Gothenburg, Gothenburg, Sweden

Lyubov A. Fadeeva – Doctor of Historical Science, Professor of the Department of Political Science, Perm State University, Perm, Russian Federation

RUDN JOURNAL OF POLITICAL SCIENCE
Published by the Peoples' Friendship University of Russia
(RUDN University), Moscow, Russian Federation

ISSN 2313-1446 (online); 2313-1438 (print)

Publication frequency: quarterly

<http://journals.rudn.ru/political-science>

Languages: Russian, English

Indexation: RSCI, Russian Index of Science Citation (elibrary.ru), Google Scholar, Ulrich's Periodicals Directory, WorldCat, Cyberleninka, East View, DOAJ, Dimensions

Aims and Scope

RUDN Journal of Political Science is a peer-reviewed international academic journal that publishes research in political science. The journal is international with regard to its editorial board members, contributing authors and publication topics. The journal has been published since 1999. Ever since its first issue, the journal has been complying with the highest scientific and ethical standards and is one of the leading and oldest contemporary political science journals in Russia.

The aim of the journal is to promote broad academic exchange and cooperation between Russian and international political scientists. The journal publishes original results of fundamental and applied research on the topical issues of political science. The RUDN Journal of Political Science makes a focus on the conjunction of the European, American and non-Western political theory which the RUDN research school is based on. The RUDN Journal is fully committed to publishing a high quality research papers, based on plurality of methodological and theoretical approaches. The journal is interdisciplinary with a focus on the social sciences, policy studies, law, and international affairs. The goals of the journal are to provide an accessible forum for research and to promote high standards of scholarship.

The journal covers such sub-areas as Russian and international politics, sociocultural factors of politics, the dialogue of civilizations in terms of values and political cultures' comparison, institutional features and cultural outlooks. The journal welcomes research articles and reviews devoted to various problems of political science. The target audience of the journal are Russian and foreign specialists, political scientists and post-graduate students in the fields of political science and international relations.

The journal is published in accordance with the policies of COPE (Committee on Publication Ethics) <http://publicationethics.org>

Further information regarding the journal, its editorial board, requirements to articles for contributors, and the journal's archive (full-text issues from 2008) and additional information are available at <http://journals.rudn.ru/political-science>

E-mail: politj@rudn.ru

Review editor *I.L. Pankratova*
Computer design *Yu.N. Efremova*

Address of the Editorial Board:
3 Ordzhonikidze St, 115419 Moscow, Russia
Ph. +7 (495) 952-04-41; e-mail: publishing@rudn.ru

Postal address of the editorial board
RUDN Journal of Political Science:
Miklukho-Maklaya St, 10a, Moscow, Russia, 117198
Ph. 936-85-28, fax 936-85-22;
e-mail: politj@rudn.ru

Printing run 500 copies. Open price

Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University), Moscow, Russian Federation
6 Miklukho-Maklaya St, 117198 Moscow, Russia

Printed at RUDN Publishing House:
3 Ordzhonikidze St, 115419 Moscow, Russia,
Ph. +7 (495) 952-04-41;
e-mail: publishing@rudn.ru

© Peoples' Friendship University of Russia, 2021

СОДЕРЖАНИЕ

Fadeeva L.A. Identity in the Political Constructions of Modernity: Editorial Introduction (Фадеева Л.А. Идентичность в политических конструкциях современности: представляю номер)	521
---	-----

ГРАНИ ИДЕНТИЧНОСТИ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Гуторов В.А., Ширинянц А.А. Интерпретации коммунизма и посткоммунистических трансформаций в России: современные теоретические дискуссии	525
--	-----

Nisnevich Yu.A. The Revolution is Over, Forget it: To the 30th Anniversary of the Russian Federation (Нисневич Ю.А. Революция закончена, забудьте: к 30-летию Российской Федерации)	545
--	-----

Думлер Д.А. Политическая и гражданская идентичность либертарианцев в современной России: проблемы и перспективы	560
--	-----

Щекотуров А.В. Политическое доверие и ценности лояльной и оппозиционной молодежи в эксклавному регионе России	570
--	-----

Кришталь М.И. Идеологические предпочтения жителей Калининградской области в системе социально-политических отношений	584
---	-----

Shikher N.D. Political Implications of Orthodox Identity: An Example of the World Russian People's Council (Шихер Н.Д. Политические импликации православной идентичности: пример Всемирного русского народного Собора)	600
---	-----

ИДЕНТИЧНОСТЬ НА ПОСТСОВЕТСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ

Фадеева Л.А., Плотников Д.С. Политика идентичности и международная безопасность европейских государств постсоветского пространства	614
---	-----

Панкевич Н.В. Политические ценности в европейском постсоветском пространстве: идентичность и суверенитет перед лицом интеграционных процессов	630
--	-----

Мчедлова М.М., Саркисян О.Л. Гражданская идентичность: разнообразие смыслов и достижение солидарности	648
--	-----

ИДЕНТИЧНОСТЬ В ЕВРОПЕ И ЕЕ АКТОРЫ

Помигуев И.А., Салахетдинов Э.Р. Политика памяти о Второй мировой войне в бывших республиках социалистической Югославии: символические и коммеморативные аспекты	659
---	-----

Djokic A., Pichelin G. The Role of Civic Identity in the Evolution of Relations Between Serbian and Croatian Civil Societies (Джокич А., Пишлен Г. Роль гражданской идентичности в развитии отношений между сербским и хорватским гражданскими обществами)	675
Петров И.И. Не только ультраправые: какие партии занимают нишу культурного протекционизма в странах Евросоюза?	692
Бурмистрова Е.С. Трансформация партийной идентичности немецких правых радикалов: в поисках «женской поддержки»	706

Номер подготовлен при поддержке гранта РФФИ 20-511-05025 «Развитие гражданской идентичности на постсоветском пространстве: тенденции, вызовы, риски (на примере России и Армении)».

CONTENTS

Fadeeva L.A. Identity in the Political Constructions of Modernity: Editorial Introduction	521
--	-----

THE DIMENSIONS OF IDENTITY IN MODERN RUSSIA

Gutorov V.A., Shirinyants A.A. Interpretation of Communism and Post-Communist Transformations in Russia: Modern Theoretical Discussions	525
--	-----

Nisnevich Yu.A. The Revolution is Over, Forget It: To the 30th Anniversary of the Russian Federation	545
---	-----

Dumler D.A. Political and Civic Identity of Libertarians in Contemporary Russia: Problems and Perspectives	560
---	-----

Shchekoturov A.V. Political Trust and Values of Loyal and Oppositional Youth in the Exclave Region of Russia	570
---	-----

Krishtal M.I. Ideological Preferences of Kaliningrad Residents in the Socio-Political System	584
---	-----

Shikher N.D. Political Implications of Orthodox Identity: an Example of the World Russian People's Council	600
---	-----

IDENTITY IN THE POST-SOVIET SPACE

Fadeeva L.A., Plotnikov, D.S. Identity Politics and International Security of the Post-Soviet European States	614
--	-----

Pankevich N.V. Political Values in the European Post-Soviet Space: Identity and Sovereignty in the Face of Integration Processes	630
---	-----

Mchedlova M.M., Sargsyan H.L. Civic Identity: Diversity of Meanings and Achievement of Solidarity	648
--	-----

IDENTITY IN EUROPE AND ITS ACTORS

Pomigiev I.A., Salakhedinov E.R. The Memory Policy of the Second World War in the Post-Yugoslav Republics: Symbolic and Commemorative Aspects	659
--	-----

Djokic A., Pichelin G. The Role of Civic Identity in the Evolution of Relations Between Serbian and Croatian Civil Societies	675
Petrov I.I. Not the Far-Right Only: Which Parties Occupy the Niche of Cultural Protectionism in the EU Countries?	692
Burmistrova E.S. Transforming the Party Identity of German Radical Right: In Search of Female Support	706

The issue is supported RFBR Grant N 20-511-05025 “The development of civic identity in the post-Soviet space: trends, challenges, risks (on the example of Russia and Armenia)”.

DOI: 10.22363/2313-1438-2021-23-4-521-524

Editorial article / Редакционная статья

Identity in the Political Constructions of Modernity: Editorial Introduction

L.A. Fadeeva

Perm State University, Perm, Russian Federation

Abstract. L.A. Fadeeva is the author of numerous publications and key co-author of fundamental encyclopedias published by the Russian Academy of Sciences (Identity: The Individual, Society and Politics. An Encyclopedia, 2017) and the Russian Political Science Association (Trends and problems of the development of Russian political science in the global context: Tradition, reception and innovation, 2018), representing the leading scientific school for identity studies in Russia (see: Perm School of Political Science: Sources, Development, Content, 2019), who has served multiple times as guest editor for the thematic issues of the best Russian political science journals on this topic (Political science (RU), 2020, No. 4). In this introductory article, our guest editor L.A. Fadeeva presents the materials of the current issue of our journal, interpreting their cross-cutting themes as the politicization of the non-political through the prism of identity processes at the macro-regional, regional and national levels.

Keywords: identity, identity politics, political self-identification, multi-subject nature, post-Soviet space

For citation: Fadeeva, L.A. (2021). Identity in the political constructions of modernity: Editorial introduction. *RUDN Journal of Political Science*, 23(4), 521–524. DOI: 10.22363/2313-1438-2021-23-4-521-524

Идентичность в политических конструкциях современности: представляю номер

Л.А. Фадеева

Пермский государственный национальный исследовательский университет, Пермь,
Российская Федерация

Аннотация. Во вводной статье приглашенный редактор Л.А.Фадеева, автор многочисленных публикаций и ключевой соавтор фундаментальных энциклопедий, издаваемых РАН («Идентичность: Личность, общество, политика: энциклопедическое издание», 2017) и РАПН («Тенденции и проблемы развития российской политической науки в мировом контексте: традиция, рецепция и новация», 2018), представляющая ведущую в России научную школу (см: «Пермская политологическая школа: истоки, становление, специфика», 2019) по исследованиям

© Fadeeva L.A., 2021

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

идентичности и не в первый раз выступающая приглашенным редактором тематических номеров лучших российских политологических журналов по этой тематике (журнал «Политическая наука», 2020, № 4) представляет материалы номера, трактуя их сквозную тематику как политизацию неполитического через призму идентитарных процессов на макрорегиональном, региональном и национальном уровне.

Ключевые слова: идентичность, политика идентичности, политическая самоидентификация, многосубъектность, постсоветское пространство

Для цитирования: *Fadeeva L.A.* Identity in the political constructions of modernity: Editorial introduction // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2021. Т. 23. № 4. С. 521–524. DOI: 10.22363/2313-1438-2021-23-4-521-524

In the analysis of identity, the key problem is combining the macro and micro levels of research. As is the case for political science in general, it is important to identify how the politicization of the non-political occurs, and what influences this process. The multi-subject nature of identity politics is of particular interest, regardless of the interpretation of this concept. These problems are reflected in this issue of the journal.

The articles presented in this issue cover a wide range of problems and dimensions of identity. The research questions and dimensions of identity raised in them intersect, overlapping the geographical framework of the three blocks they are divided into: the Identity of Russia, the Identity of Post-Soviet Countries and the Identity of Europe.

The first article by leading professors of St. Petersburg and Moscow State Universities Vladimir Gutorov and Alexander Shirinyants analyzes the post-communist transformations of the post-Soviet space through rethinking Marxist approaches. It provides a historical perspective on the conversation about identity and the variety of research optics that can be used to approach this topic.

Higher School of Economics professor Yuliy Nisnevich suggests considering the post-Soviet transformation in Russia to analyze the dramatic disengagement of the democratic movement from the new ruling stratum – the Russian nomenclature.

The crisis of traditional parties and the search for new political trends and brands are characterized in an article by Denis Dumler, a young scholar from Perm State University, dedicated to the political self-identification of Russian libertarians in a comparative perspective and the reasons for their popularity among young people.

The political sentiments of young people are the focus of our constant attention. In this issue, Aleksandr Shchekoturov, the Head of the Sociological Laboratory of the Institute for Geopolitical and Regional Studies, Immanuel Kant Baltic Federal University, offers a political and sociological analysis of the values of loyal and oppositional youth in the Kaliningrad region. His colleague Mikhail Krishtal reveals the relationship between the ideological attitudes of the region's residents of all ages and their political behavior.

The confessional dimension of identity politics is attracting increased attention from the scientific community. Natalya Shikher, a postgraduate student at the

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, and the Head of the Department of the Office of the Commissioner for Human Rights in the Russian Federation, characterizes the political dimension of Orthodox identity in the context of how the activities of the World Russian People's Council impact state policies in the field of the freedom of conscience in modern Russia.

The guest editor of this issue Lyubov Fadeeva and Dmitriy Plotnikov from Perm State University discuss the classical understanding of identity politics, analyzing the algorithms of identity politics in the European countries of the post-Soviet space. The authors describe the aggravating confrontation between the countries of the region over the choice of the European vector of identity politics along the West/Russia axis.

The topic of the competition between states in the space of values and the value expansion of the EU among the European post-Soviet countries is continued in the article by Natalia Pankevich, an associate professor at the Institute of Philosophy and Law, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, who defines the institutional mechanisms of the value expansion of the EU and the possibilities of protective strategies.

RUDN University professor Maria Mchedlova and Russian-Armenian (Slavonic) University professor Hovhannes Sargsyan, talk about civic identity through the prism of project and protest identity in research, conducted within a joint scientific project on civic identity in the post-Soviet space.

When studying identity problems in European countries, the case of the former Yugoslavia is of particular interest to Russian readers. The parallels between the post-Soviet and post-Yugoslavian space are obvious, which opens up a broad perspective for comparative analysis.

Ilya Pomigiev (HSE University, ISSS of Russian Academy of Sciences, Financial University under the Government of the Russian Federation) and Eldar Salakhedinov (Institute for African Studies of the Russian Academy of Sciences, University of South Africa) consider one of the directions of identity politics – the politics of memory in Yugoslavia and post-Yugoslav states, in a historical perspective.

Aleksandar Djokic, a young scholar from RUDN University, together with his colleague Guillaume Pichelin from the Bordeaux Institute of Political Studies, based on their qualitative and quantitative research, explain not only the inability to build a common Yugoslav civic identity but also the impact of this failure on the relationship between Serbian and Croatian civil societies, defining the prospects for reconciliation and civic identity building in Serbia and Croatia.

Identity politics, as a political course focused on protecting the rights of oppressed (deprived) minorities, activates right-wing politics throughout the world. HSE University postgraduate student Ivan Petrov, comparing the databases of right-wing parties in Europe, reveals serious differences in the structure of the party spectrum in, on the one hand, Northwest and, on the other hand, Central and Eastern European countries. The researcher challenges the traditional identification of the

ultra-right, which does not take into account the regional differences and the factor of spatial competition.

The transformation of the party identity of German right-wing radicals is analyzed in an article by Ekaterina Burmistrova, a lecturer of the Perm State University, who characterizes the attempts of the right-wing in Germany at demarginalizing by addressing human rights issues and protecting European identity.

Received / Поступила в редакцию: 14.08.2021

Accepted / Принята к публикации: 15.08.2021

References / Библиографический список

- Fadeeva, L.A. (2018). Political identity. In O.V. Gaman-Golutvina & S.V. Patrushev (Eds.), *Trends and problems of the development of Russian political science in the global context: Tradition, reception and innovation* (pp. 431–445). Moscow: Political encyclopedia. (In Russian).
Фадеева Л.А. Политическая идентичность // Тенденции и проблемы развития российской политической науки в мировом контексте: традиция, рецепция и новация / отв. ред. О.В. Гаман-Голутвина, С.В. Патрушев. М.: Политическая энциклопедия, 2018. С. 431–445.
- Fadeeva, L.A. (2019). Perm School of Political Science: Sources, Development, Content. *Political Expertise: Politex*, 15(1), 122–138. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu23.2019.109> (In Russian).
Фадеева Л.А. Пермская политологическая школа: истоки, становление, специфика // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС. 2019. Т. 15. № 1. С. 122–138. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu23.2019.109>
- Fadeeva, L.A. (2020). Introducing the issue. *Political science (RU)*, 4, 9–12. (In Russian).
Фадеева Л.А. Представляю номер // Политическая наука. 2020. № 4. С. 9–12.
- Identity: The Individual, Society and Politics. An Encyclopedia. (2017). I. Semenenko (Ed.). Moscow, Ves Mir. (In Russian).
Идентичность: Личность, общество, политика. Энциклопедическое издание / отв. ред. И.С. Семенов. М.: Издательство «Весь Мир», 2017.

About the author:

Lyubov A. Fadeeva – Doctor of Historical Science; Professor, Political Science Department, Perm State University; Chief Editor, “Bulletin of Perm University. Political Science”; Editorial Board Member, “World Economy and International Relations”, “South-Russian Journal of Social Sciences”; Member of the Scientific Council and the Board of the Russian Political Science Association (e-mail: polsci@yandex.ru) (ORCID ID: 0000-0002-3389-750X)

Сведения об авторе:

Фадеева Любовь Александровна – доктор исторических наук, профессор кафедры политических наук Пермского государственного научно-исследовательского университета (e-mail: polsci@yandex.ru) (ORCID ID: 0000-0002-3389-750X)

ГРАНИ ИДЕНТИЧНОСТИ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ THE DIMENSIONS OF IDENTITY IN MODERN RUSSIA

DOI: 10.22363/2313-1438-2021-23-4-525-544

Научная статья / Research article

Интерпретации коммунизма и посткоммунистических трансформаций в России: современные теоретические дискуссии

В.А. Гуторов¹, А.А. Ширинянец²¹Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург,
Российская Федерация²Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва,
Российская Федерация

Аннотация. Анализ дискуссий по различным аспектам эволюции современного государства, специфики посткоммунистических трансформаций позволяет судить о той роли, которую могут в ближайшей перспективе играть марксизм и традиция радикальной социалистической мысли в поисках выхода из кризиса, порожденного агонией неолиберального глобального миропорядка. В качестве исходного момента анализа были выбраны некоторые теоретические статьи, опубликованные во втором издании сборника «Коммунизм, антикоммунизм, русофобия в постсоветской России» (2-е изд., доп. / авт. кол.: П.П. Апрышко и др. М.: Мир философии, Алгоритм, 2021. 607 с.). Сравнительный анализ полемических работ отечественных ученых, политических теоретиков и философов с теми дискуссиями, которые вот уже не одно десятилетие ведутся их коллегами за рубежом, отчетливо свидетельствует, что сегодня ни одна из существующих идеологий, равно как и парадигм экономической и социально-политической теории, не могут претендовать на роль монопольного спасительного средства. Опыт последних десятилетий явно исключает саму возможность преобразования экономики и социума на основе некоей универсальной синтетической модели. В посткоммунистической России накал политических страстей, стимулирующий крайнюю поляризацию политических программ выхода из кризиса, также препятствует достижению согласия и поиску приемлемого для всех решения.

Ключевые слова: политические идеологии, неолиберализм, коммунизм, марксистская традиция, глобальный капитализм, демократия, модернизация, национальное государство, посткоммунистические трансформации, еврокоммунизм

Для цитирования: Гуторов В.А., Ширинянец А.А. Интерпретации коммунизма и посткоммунистических трансформаций в России: современные теоретические дискуссии // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2021. Т. 23. № 4. С. 525–544. DOI: 10.22363/2313-1438-2021-23-4-525-544

© Гуторов В.А., Ширинянец А.А., 2021

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

Благодарности: Статья подготовлена при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований и Экспертного института социальных исследований, проект № 21-011-31167 «Неолиберализм в современном политическом дискурсе: “посттрадиционный порядок” и кризис идентичности».

Interpretation of Communism and Post-Communist Transformations in Russia: Modern Theoretical Discussions

V.A. Gutorov¹, A.A. Shirinyants²

¹Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russian Federation

²Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation

Abstract. The analysis of discussions on various aspects of the evolution of the modern state, the specifics of post-communist transformations and the role that Marxism and the tradition of radical socialist thought can play in the near future in their search for a way out of the crisis generated by the agony of the neoliberal global world order. As a starting point for the analysis, theoretical articles published in the second edition of the collection “Communism, Anticommunism, Russophobia in post-Soviet Russia. 2nd ed., Add. / Auth.: P.P. Apryshko et al. – Moscow: World of Philosophy, Algorithm, 2021 (607 p.) were selected. A comparative analysis of the polemical works of domestic scientists, political theorists and philosophers with those discussions that for many decades have been conducted by their colleagues abroad clearly indicates that today none of the existing ideologies, as well as the paradigms of economic and socio-political theory, can pretend to be the only recourse. The experience of recent decades clearly excludes the very possibility of transforming the economy and society on the basis of a certain universal synthetic model. In post-communist Russia, the heat of political passions, which stimulates the extreme polarization of political programs for overcoming the crisis, also hinders the achievement of agreement and the search for a solution acceptable to all.

Keywords: political ideologies, neoliberalism, communism, Marxist tradition, global capitalism, democracy, modernization, nation state, post-communist transformations, Eurocommunism

For citation: Gutorov, V.A., & Shirinyants, A.A. (2021). Interpretation of communism and post-communist transformations in Russia: Modern theoretical discussions. *RUDN Journal of Political Science*, 23(4), 525–544. (In Russian). DOI: 10.22363/2313-1438-2021-23-4-525-544

Acknowledgements: The article was prepared with the support of the Russian Foundation for Basic Research and the Expert Institute for Social Research, project No. 21-011-31167 “Neoliberalism in modern political discourse: ‘post-traditional order’ and the crisis of identity”.

Введение

Непосредственным поводом для нашей работы стал выход в свет второго издания сборника «Коммунизм, антикоммунизм, русофобия в постсоветской России» (2-е изд., доп. / авт. кол.: П.П. Апрышко и др. М.: Мир философии, Алгоритм, 2021. 607 с.). Опубликованные в нем теоретические статьи и литературные эссе, яркая политическая публицистика, философские диалоги и мемуарные очерки представляют собой убедительное свидетельство того, что

идеи принявших в нем участие отечественных ученых, философов и литераторов не только актуальны, но и вполне созвучны с теми дискуссиями, которые вот уже не одно десятилетие ведутся их коллегами за рубежом. Центральное место в сборнике занимает анализ природы социально-экономического строя и политической системы, сложившейся в России в результате Октябрьской революции 1917 г., а также той роли, которую играли коммунистические идеи в формировании их идентичности внутри страны и системе международных отношений. «Если судить только по названию книги, – отмечают в предисловии редакторы книги П.П. Апрышко и А.П. Поляков, – может сложиться впечатление, что она представляет собой эхо довольно отдаленного времени, когда критика антикоммунизма была атрибутом всех учебных программ по общественным наукам и одним из основных направлений государственной пропаганды. Однако такое впечатление будет ошибочным. Предлагаемая книга по своей сути – о нынешнем этапе истории, взгляд на его содержание и направленность в свете исторического опыта, взятого во всей его полноте. Подчеркиваем этот последний момент, он принципиально важен. Ибо не только в пропаганде, публицистических выступлениях, но и в текстах, претендующих на научность, присутствует тенденция сознательного искажения очень многого из Великого Октября, опыта строительства и развития нового общества в СССР, других странах. А ведь то была целая эпоха – великая эпоха противостояния социализма и капитализма. Она и сейчас не ушла полностью из жизни ни России, ни человечества в целом» [Коммунизм... 2021:5].

Переосмысление русской революции

На наш взгляд, мысли о том, что стремление посткоммунистических элит выкорчевать из общественного сознания любые позитивные ассоциации, связанные с Октябрьской революцией, является неправомерным и безнадежным в интеллектуальном и политическом плане, занимают воображение и привлекают внимание не только российских ученых. Например, в своей работе «Ленин жив! Переосмысление русской революции. 1917–2017» британский политолог Филип Канлифф отмечает: «Сто лет спустя после русской революции, которая должна была смести капитализм, глобальный капитализм остается нетронутым и неоспоримым. СССР, государство, основанное русской революцией, лежит на свалке истории. Поражение русской революции развеяло надежды на революционные социальные преобразования посредством захвата государственной власти. Оно положило конец мечтам о радикально лучшем мире, в котором устранены социальные разделения и всякое угнетение. Ее поражение обнажило тщетность стремления человечества изменить общество и сознательно формировать свою судьбу» [Cunliffe 2017:5]. «И все же, – продолжает Канлифф, – как ни странно, эпический триумф капитализма оставил нам лишь ограниченное представление о его многочисленных преимуществах и достижениях. Чудеса массового потребления продолжают рутинно бранить как грубый материализм. Экономический рост и индустриализация рассматриваются как поляризующие и разрушительные по своей природе. Чудесная

синергия глобальной урбанизации рассматривается как марш трупов и убожества или, для разнообразия, как распространение провинциальной низости существования. Бесконечные чудеса промышленного сельского хозяйства считаются ядовитыми и разрушительными, в то время как постоянные улучшения в сфере коммуникации воспринимаются как отчуждающие и навязчивые» [Cunliffe 2017:5]. Переводя проблему в область массового сознания и социальной психологии, британский политолог приходит к выводу о том, что «мы съезживаемся перед перспективой планетарной катастрофы и экологического коллапса. Нас мучает каждое новое научное открытие и возможность большего контроля, который оно порождает. Мы живем в коллективном страхе перед чудесами ядерной энергетики и болезненно поглощены фантазией о том, что однажды наши собственные творения могут доминировать над нами, когда роботы возьмут верх, а компьютеры начнут осознавать себя. Учитывая все это, простительным выглядит желание понять – а не было ли разрушено что-нибудь еще вместе с поражением русской революции» [Cunliffe 2017:5].

Два полюса оценок коммунизма

Широко представленные в современном мире попытки решения обозначенных Ф. Канлиффом проблем имеют множество измерений, и их практически невозможно свести к некоему знаменателю, в том числе и идеологическому. На наш взгляд, вот уже многие десятилетия спектр или, вернее, континуум многообразных оценок коммунизма по-прежнему располагается между двумя крайними суждениями, играющими роль условных пунктов, которые также могут варьироваться во времени и интеллектуальном пространстве. Первое из них уже давно было сформулировано Джорджем Оруэллом в рецензии на книгу Ф.А. Хайека «Дорога к рабству»: «Капитализм ведет к очередям за пособиями по безработице, борьбе за рынки и войнам. Коллективизм ведет к концентрационным лагерям, поклонению вождям и войнам. Из этого не существует выхода до тех пор, пока плановая экономика не сможет быть каким-то образом объединена со свободой интеллекта. Это может произойти только в том случае, если в политике будут возрождены понятия справедливого и безнравственного» [Orwell 2017:82]. Вторая, диаметрально противоположная, «базовая» характеристика коммунизма обозначена в книге Майкла Хардта и Антонио Негри «Империя»: «Сегодня продуктивность, богатство и создание социальных излишков принимают форму совместной интерактивности через языковые, коммуникативные и эмоциональные сети. Таким образом, как представляется, нематериальный труд в выражении своей собственной творческой энергии обеспечивает потенциал для своего рода *спонтанного и элементарного коммунизма* (Курсив наш. – В.Г., А.Ш.)» [Hardt, Negri 2000:294, 413].

Оба крайних пункта обрисованного выше континуума, как правило, являются источниками многообразных этических оценок коммунистической идеи и опыта ее практической реализации в различных регионах мира. Этические

оценки присутствуют в работах ученых скрыто или явно. Они могут выражаться в негативных или позитивных констатациях, проявлять себя в соответствующих приоритетах и расстановке акцентов: одни факты выступают на передний план, другие отодвигаются или просто игнорируются. Например, в современных отечественных работах, написанных с радикальных православных позиций, обычно преобладает чисто обвинительный уклон. «Исходя из марксистско-ленинской идеологии, – отмечает историк В.М. Лавров, – компартия проводила политику социального расизма и геноцида – физического уничтожения предпринимателей и дворянства, старой русской интеллигенции и духовенства, трудовых крепких крестьян и казаков... Социальный расизм коммунистов означал и антирусский расизм» [Лавров 2018:34]. «Большевизм, – пишет историк и публицист Л.П. Решетников, – ставил своей целью уже не только смену русского цивилизационного кода, а полное уничтожение России как исторического государства, превращение ее в плацдарм для мировой революции» [Решетников 2019:145].

Односторонность таких оценок очевидна. Например, философ В.М. Межуев, решительно опровергая в ходе дискуссии, организованной в апреле 2004 г. журналом «Вестник аналитики» на тему «Постсоветский либерализм: кризис или крах?», гипотезу политолога А.С. Ципко о «большевистских корнях» антипатриотизма российских псевдолибералов образца 1990-х гг., в частности, отмечал: «К большевикам намного ближе те, кто считают себя сегодня радетьями традиционной России. Большевики не были либералами, это верно, но не были и анти-патриотами, и анти-государственниками. Их патриотизм (они называли его советским) был не либеральным, а, скорее, консервативным, сохранявшим веру в спасительную силу централизованной, основанной на ничем не ограниченном насилии власти, что и помогло им создать одну из самых мощных держав XX века» [Гаман-Голутвина и др. 2004:243].

Не следует также забывать, что попытки возложить исключительно на большевиков ответственность за крах имперской России явно противоречат историческим фактам, и их этический пафос довольно сомнителен. На этом тезисе постоянно настаивал Н.А. Бердяев. «Русский народ, – подчеркивал философ, – не захотел выполнить своей миссии в мире, не нашел в себе сил для ее выполнения, совершил внутреннее предательство. Значит ли это, что идея России и миссия России... оказалась ложью? Нет, я продолжаю думать, что я верно понимал эту миссию. Идея России остается истинной и после того, как народ изменил своей идее, после того, как он низко пал. Россия, как Божья мысль, осталась великой, в ней есть неистребимое онтологическое ядро, но народ совершил предательство, соблазнился ложью... Я знал, что в русском народе и в русской интеллигенции скрыты начала самоистребления. Но трудно было допустить, что действие этих начал так далеко пойдет. Вина лежит не на одних крайних революционно-социалистических течениях. Эти течения лишь закончили разложение русской армии и русского государства. Но начали это разложение более умеренные либеральные течения. Все мы к этому приложили руку» [Бердяев 1990b:III–IV].

Неолиберальные реформы

Многие выводы авторов сборника «Коммунизм, антикоммунизм, русофобия в постсоветской России» имеют явный полемический оттенок и в этом плане они также полностью вписываются в контекст современных международных научных дискуссий об особенностях советской коммунистической модели. Главная причина повсеместного обострения споров по данному вопросу лежит на поверхности. Продолжающиеся вот уже несколько десятилетий попытки новых посткоммунистических элит интегрироваться в глобальный капиталистический рынок путем реализации катастрофической по своим последствиям неолиберальной программы экономических реформ постоянно стимулируют крайнюю поляризацию не только политического и идеологического, но и научного дискурса. «Более апологетические описания „реформ“ изображают их как прагматичный и необходимый, хотя и болезненный, метод выхода из позднесоветского кризиса, модернизации страны и перехода к рыночной экономике. Янош Корнай описывает это как возвращение на путь капиталистического развития из социалистического тупика, навязанного странам коммунизмом... Нелиберальная и антилиберальная критика „реформ“ еще более беспощадна. По мнению консерваторов, „реформы“ являются синонимом безжалостного уничтожения самобытности России и самих основ ее исторического существования, бросая все ее материальные и моральные ценности в некую „черную дыру“. Для левых авторов „реформы“ – это „второе издание“ в России „неравномерного и комбинированного“ капитализма – зависимого, экономически неэффективного, политически авторитарного и разрушительного для науки и культуры – который сохраняет значительные элементы докапиталистических и некапиталистических форм экономической деятельности. Одним словом, „реформы“ по большому счету были возвращением к тому типу общественного строя, который был характерен для Российской империи до большевистской революции» [Капустин 2016:11].

Ученые и политики, изучающие причины кризиса и фактического краха российской неолиберальной модели рыночной экономики, вполне естественно стремятся анализировать труды специалистов, в которых исследуется аналогичный, не менее травматический по своим последствиям опыт реализации неолиберальных реформ в различных регионах современного мира. Интерес других групп ученых (к ним относятся и авторы указанного выше сборника) сосредоточен преимущественно на ретроспективном анализе внутренних причин кризиса советской политической и экономической системы и попытках выявить всю совокупность субъективных и объективных факторов, сделавших крах коммунистической модели неизбежным и до известной степени закономерным.

Тем не менее, на наш взгляд, между обозначенными позициями различных групп ученых существует немало точек соприкосновения. Например, изучение современных российских экономических и социальных реалий на фоне кризисных тенденций в экономике и социальной политике в Западной и

Восточной Европе так или иначе стимулирует стремление к сравнительному анализу советской и западных моделей «государства всеобщего благосостояния», возникших в послевоенный период и на протяжении нескольких десятилетий демонстрировавших свою эффективность.

«Коммунистическая формация»

Изучение конкретных причин эрозии и распада СССР, анализ природы посткоммунистических трансформаций и той роли, которую играли политические элиты в деструктивных процессах на рубеже 1980–1990-х годов образуют в совокупности один из наиболее важных сегментов современного исследовательского поля. Сборник «Коммунизм, антикоммунизм, русофобия в постсоветской России» не является в этом плане исключением. Его авторы стремятся дать обстоятельные ответы на вопросы, которые более десятилетия назад были очень емко обозначены в книге Стивена Роузфилда и Стефана Хедлунда «Россия с 1980 года: упорная борьба с вестернизацией»: «Советская цивилизация рухнула. Это был вердикт ее лидеров и суд истории. Какими бы ни были его достоинства, их затмили материальные и духовные недостатки системы. Что же пошло не так? Был ли большевизм дегенеративной формой русской идеи? Находятся ли русские на более низкой стадии развития? Или же вина ложится на социализм? Невзирая на любые ответы, следует спросить: куда же Россия держит путь: к американскому демократическому свободному предпринимательству, социальной демократии Европейского Союза, Московии, славянофильскому анархо-популизму или некоему пятому пути по китайскому образцу?» [Rosefielde, Hedlund 2008:XXI].

В наши дни большая часть зарубежных и отечественных специалистов уже не склонны уделять избыточное внимание различным экзотическим версиям анализа исторических корней и своеобразия русского коммунизма, например концепции «нового средневековья», инициированной Н.А. Бердяевым в 1920-е гг., а в послевоенный период активно развиваемой М.С. Восленским, В. Шляпентохом, Д. Лестером и др. [Бердяев 1990а; Восленский 1991:583–586, 600–602, 606–609; Shlapentokh 1996:393–411; Lester 1998:193–203]. Отрицая «историческую самодостаточность» российского коммунистического проекта, многие аналитики стали вновь довольно энергично поддерживать уже давно сформировавшуюся гипотезу, в соответствии с которой возникший в СССР экономический уклад вполне может рассматриваться в качестве одной из многочисленных форм государственного капитализма [Althusser 2014:13, 31, 43–44, 53–56; Therborn 1978:23–31, 148–153, 162–171; Therborn 2008:60, 68, 84, 117, 147, 169; Therborn 1995; ср. Aron 1970:58; Ellul 1964:183–184; Alford, Friedland 1985:26, 139, 143, 227–238, 359, 362; Wallerstein 1984:124–125; Mann 1988:24–25, 47–48, 160–161; Zimmermann, Werner 2013:203; см. также: Musacchio, Lazzarini 2014:2–4, 283–290; Coffey, Thornley 2009; Buchwalter, 2015].

Одна из последних довольно примечательных попыток представить развернутую аргументацию, направленную на отрицание существования в СССР

«коммунистической формации» и самой дихотомии «капитализм/коммунизм» в качестве исторических реалий, встречается в эссе Б.Г. Капустина под характерным названием «Народ при отсутствии народа, или Взгляд на посткоммунизм снизу», опубликованном несколько лет назад в одном из сборников издательства «Рутледж» «Социальная история посткоммунистической России». «Визуализация посткоммунистической трансформации как перехода от плана к рынку или от тоталитаризма к демократии, – пишет автор эссе, – означает попытку сыграть в гипостазирующую игру, в которой абстрактные понятия объективируются и получают независимое существование... Несмотря на постоянные трудности с обеспечением четкого социологического описания доминирующего класса СССР, известного как *номенклатура*, нет сомнений в том, что политическая экономия советского общества была основана на отчуждении этим классом прибавочного продукта, производимого трудящимися. Он также был организован вокруг накопления капитала и воспроизводил основные формы неравенства и подчинения, характерные для капиталистических обществ. В то же время многие советские методы контроля над трудом были более грубыми и менее эффективными, чем те, которые типичны для „нормального“ капитализма, не говоря уже о варварском угнетении крестьянства и его принудительной „кабальной службе“ (смягченной только в 1974 г., когда колхозникам были выданы внутренние паспорта)». «Мы также не можем сомневаться в том, – продолжает Капустин, – что значительная часть национального продукта существовала и находилась в обращении в товарной форме; и этот труд в основном был наемным и проявлял все признаки „отчуждения“ и подчинения капиталу как „ранее накопленный труд“, как его описывал Маркс применительно к „классическому капитализму“», и приходит к выводу о том, что «СССР был капиталистическим или государственно-капиталистическим обществом (несмотря на свою „идеологию“ или, возможно, даже благодаря ей), и, следовательно, в постсоветский период не могло быть никаких капиталистических преобразований». Логика аргументации Капустина проста: «Мы можем говорить только о естественном колебании маятника от одного способа накопления капитала к другому, от государственного капитализма к (в основном) частному капитализму, а не об эпохальном сдвиге. „Двойственность“ советского общества проистекает из сочетания угнетения и „наследия Октября“» (Октябрьской революции), которое власти никогда не сводили только к ритуальной легитимации статус-кво. Рабочий класс никогда не был „гегемоном“ или „ведущей силой“, но его „социалистическое первородство“ выглядело как нечто большее, чем просто циничный образ речи, используемый его угнетателями... Посткоммунистическая трансформация была проектом, направленным на устранение двойственности советского общества путем уничтожения „наследия Октября“. Решающий урон ее легитимизирующей роли был нанесен в период перестройки. Набор новых идеологических конструкций, таких как „демократия“, „общечеловеческие ценности“ и „вступление в общеевропейский дом“, вытеснили „наследие Октября“ как основы легитимности правящих элит... Приватизация „народной собственности“ создала „экспроприированный“ пролетариат в

собственном смысле этого слова и как абстракцию „персонификации рабочей силы“, с одной стороны, и хозяев, олицетворяющих капитал, с другой» [Карустин 2016:25, 26, 13–14, 27, 28, 29; ср.: Crouch 2013:220].

Трактовка Б.Г. Капустиним советской мифологемы «гегемонии пролетариата», на наш взгляд, сохраняет преемственность с аналитикой марксизма Н.А. Бердяева, отмечавшего, что «в русской коммунистической революции господствовал не эмпирический пролетариат, а идея пролетариата, миф о пролетариате» [Бердяев 2008:294]. Разумеется, остается открытым вопрос, насколько «естественным» можно считать «колебание маятника от одного способа накопления капитала к другому» в посткоммунистической России и возможно ли рассматривать трансформацию советской модели номенклатурного «государственного капитализма» в направлении «дикого рынка» и «первоначального накопления» как вполне закономерную стадию эволюции российской государственности, сохраняющую преемственность с предшествующими стадиями национального развития? Данный вопрос неоднократно поднимался в научной литературе с середины 1990-х гг. «Как раз в тот момент, – отмечал философ Г. Рормозер, один из наиболее влиятельных теоретиков современного немецкого консерватизма, – когда в России оказалась несостоятельной социалистическая система планового хозяйства, Запад и ФРГ, в частности, заняты поиском методов государственного планирования, то есть, по сути дела, коммунистических методов. Ибо государственная индустриальная политика означает не что иное, как употребление государством средств налогоплательщиков для того, чтобы отрасли производства, которые не находят спроса на рынке, все-таки, несмотря на это, поддержать ради сохранения рабочих мест. Спор о методах, если заглянуть за кулисы, продолжается. Участники поменялись ролями. В России практикуется анархическая система экономики, при которой каждый действует как в американской вольной борьбе любыми средствами, без правил, стараясь схватить, сколько сумеет, украв у другого. Это чистейшая рыночная анархия, если вообще можно говорить о какой-то экономической системе в России, свободной от государственной бюрократии. А в Германии, наоборот, государство играет сегодня такую роль, которая несовместима ни с какими принципами рыночной экономики. Что принесет нам экономическое объединение Европы, решают бюрократы. Запад все более прибегает к методам бывшего Советского Союза, хотя и в сочетании с другими элементами и без тотальных идеологических притязаний» [Рормозер, Френкин 1996:215].

Выводы Рормозера вполне могут свидетельствовать о том, что основным результатом отечественных трансформаций на рубеже 1980–1990-х гг. стало радикальное изменение вектора в развитии страны. Фактически был инициирован процесс вытеснения России на периферию мировой экономики и политики в условиях глобальной конкуренции, который никак нельзя именовать «объективным» и «спонтанным», поскольку субъективные установки новых российских элит играли в его рамках совершенно определенную и

немаловажную роль. Например, в статье С.Н. Мареева «Теория коммунизма К. Маркса», входящей в сборник «Коммунизм, антикоммунизм, русофобия в постсоветской России», приводятся довольно веские аргументы, свидетельствующие о том, что социальная стагнация была запрограммирована в рамках процесса экспроприации «социалистической собственности», который западные политологи обычно именуют *лицензированным пиратством* (*licensed piracy*): «Та общественная собственность в государственной форме, которая была у нас, как раз являлась всеобщей частной собственностью. И поскольку она по сути своей все-таки частная собственность, то она и становится добычей бюрократии („номенклатуры“). Номенклатурно-бюрократическая приватизация, как она произошла у нас в 90-х гг. прошлого века, просто *юридически* оформила то, что существовало *фактически*... И то и другое ведет к отчуждению: в одном случае к отчуждению производителя от вещных условий производства, которые находятся в собственности государства и делаются по существу собственностью государственных чиновников, в другом – к отчуждению производителя от производителя, которые связаны только через рынок, и, опять же, к отчуждению производителя от средств производства, которые теперь концентрируются в руках частных лиц, в том числе и бывших партийных и советских работников, из которых и сформировался в основном наш нынешний олигархический капитал» [Коммунизм... 2021:15–16, 35].

Государственный капитализм

Каковы же исторические перспективы современной отечественной модели государственного капитализма и насколько реальной выглядит сама возможность формирования в посткоммунистической России полноценных структур демократического государства? Для того чтобы ответить на данные вопросы, необходимо хотя бы кратко обозначить некоторые существенные моменты эволюции государственного капитализма в западном мире, прежде всего в США. В своей работе «Призрачная демократия» Карл Боггс, видный американский политический теоретик левого направления отмечает: «К двадцатому веку, особенно после великого рыночного краха 1930-х годов, более эффективно организованный и управляемый капитализм становится установленным фактом современной жизни, будь это фашизм, социал-демократия или кейнсианский либерализм, как в Соединенных Штатах. Данное явление, понимаемое как постепенная конвергенция корпоративной и государственной власти, которое можно было бы назвать „государственным капитализмом“, было проанализировано такими теоретиками, как Макс Вебер и Йозеф Шумпетер, наряду с мыслителями, связанными с австро-марксизмом и Франкфуртской школой критической теории. В это же время подтвердилось и пророчество Маркса относительно неумолимого движения капитализма к концентрированной и централизованной власти... Для Маркса пришествие рационализованного капитализма не было равнозначно *государственному* капитализму, основанному на социальных приоритетах, глубокой вовлеченности

государства в экономику и регулирование классовых конфликтов. Это была структура власти, которую Маркс, мировоззрение которого определялось реалиями XIX века, не мог предвидеть» [Boggs 2011:92]. Во второй половине XX века дальнейшая эволюция новой системы власти была всесторонне проанализирована в работах Ч.Р. Миллза. Анализируя ситуацию в послевоенной Америке, Миллз особенно акцентировал внимание на слиянии корпоративных, государственных и военных интересов в условиях формирования структур *военногосударственного капитализма*, обеспечивающих гегемонию США в мировой политике, включая и ее идеологическую составляющую [Mills 1956:12, 23, 212, 275].

На рубеже XX–XXI вв. обозначенные выше тенденции фактически не претерпели каких-либо существенных изменений. «В большинстве областей дебатов по вопросам публичной политики, – отмечает британский политолог К. Крауч, – их участники – политики и академические ученые – фокусируют внимание на конфронтации между государствами и рынками. Это особенно верно в отношении разногласий по поводу государства всеобщего благосостояния, поскольку так называемая маркетизация предшествующих государственных монополий на услуги здравоохранения и других аспектов социальной защиты, пенсий, образования и некоторых других областей доминирует в политике вот уже на протяжении двадцати лет. Это часть более общего феномена триумфа подчеркнута ориентированных на рынок неолиберальных политических подходов над социал-демократическими подходами, ориентированными на государство. Однако... в противоположность идеологически чистому неолиберализму фактически существующая его разновидность вовсе не так уж привержена свободным рынкам, как это часто говорят. Скорее, она всецело предается утверждению господства гигантской корпорации над общественной жизнью. Конфронтация между рынком и государством, которая, как кажется, доминирует в политическом конфликте во многих обществах, скрывает существование этой третьей силы, являющейся более мощной, чем любая другая, и трансформирующей функционирование их обеих. Полярность *на деле оказывается треугольником* (Курсив наш. – В.Г., А.Ш.).

Политика начала двадцать первого века продолжает тенденцию, инициированную в предыдущем веке. Скорее, усиливаясь и вовсе не будучи ослабленной кризисом, она вообще утратила конфликтность и превратилась в серию комфортных взаимовыгодных компромиссов между всеми тремя силами. Здесь налицо вызов демократии, поскольку политические процессы и принятие решений уходят из поля пристального внимания общественности в область, где действуют только экономические и политические элиты. Поэтому демократия и рынок могут иногда даже в совокупности казаться их жертвами... По мере того, как все большее количество жизненных сфер оказывается затронутым неолиберальным резонансом, резко усиливается тенденция к аморализму общественного существования» [Crouch 2013:219, 229].

В работе экономиста Дани Родрика «Парадокс глобализации» (2012) разработанная Краучем концепция «треугольника» представлена в виде следующей

«трилеммы»: «Как нам справиться с напряжением между национальной демократией и глобальными рынками? У нас есть три варианта. Мы можем *ограничить демократию* в целях минимизации международных транзакционных издержек, не обращая внимания на экономические и социальные удары, которые время от времени наносит глобальная экономика. Мы можем *ограничить глобализацию* в надежде на укрепление демократической легитимности у себя дома. Или же мы можем *глобализировать демократию* за счет национального суверенитета. Это дает нам меню с правом выбора способов реконструкции мировой экономики. Данное меню точно схватывает фундаментальную политическую трилемму мировой экономики: мы не можем одновременно иметь гиперглобализацию, демократию и национальное самоопределение. Мы можем иметь не более двух из трех вариантов. Если мы выбираем гиперглобализацию и демократию, нам придется отказаться от национального государства. Если мы должны сохранить национальное государство, но также стремимся к гиперглобализации, тогда нам придется забыть о демократии. И если мы хотим объединить демократию с национальным государством, то это означает – прощай глубокая глобализация» [Rodrik 2012:200].

С обозначенной Д. Родриком трилеммой Россия столкнулась только в конце 1980 – начале 1990-х годов в эпоху горбачевской «перестройки» и так называемых «бархатных революций». На раннем этапе сталинской экономической модернизации и даже в эпоху реформ 1960–1970-х гг. национальный суверенитет был гарантирован многими факторами, в том числе *отсутствием демократии как таковой*. В этом плане СССР мало чем отличался от других авторитарных режимов, лидеры которых рассматривали модернизацию в качестве наиболее приоритетной политической цели. Как справедливо отмечал американский социолог Тим Макданьел, «...коммунистические режимы в целом могут быть сгруппированы с некоторыми некоммунистическими государствами, такими как Турция Ататюрка, в качестве осуществляющих модернизацию однопартийных диктатур. Хотя вполне подходит называть таких правителей, как Сталин и Ататюрк, автократами, такая автократия имеет отличие: не стремясь к личному правлению, основанному на традиционной легитимности, эти правители рвут с прошлым, пропагандируя идеологии обновления и обеспечивая массовое участие посредством развития массовых политических организаций... Такие автократические системы мобилизации ясно доказали способность создать основы современного индустриального общества. В определенном, самом крайнем случае, продемонстрированном сталинской системой, они действовали, фактически уничтожая отдельное существование гражданского общества – факт, указывающий на ту огромную цену, которую эти режимы были готовы платить за свою версию прогресса» [McDaniel 1991:10].

В своем полемическом эссе «Советский социализм: по Марксу, Ленину, Сталину?», входящем в сборник «Коммунизм, антикоммунизм, русофобия в постсоветской России» П.П. Апрышко также приходит, на наш взгляд, к совершенно справедливому заключению о том, что сформировавшаяся в СССР

сталинская модель социализма, функционировавшая до середины 1980-х гг., не могла быть «ничем иным, кроме как диктатурой Коммунистической партии, играющей руководящую роль во всех сферах жизни страны. Партия выдвигает из своих рядов вождей, которым делегирует полномочия осуществлять руководство всем и вся. Возможно, на этапе строительства основ социализма такая концепция имела под собой реальные основания» [Коммунизм... 2021:82, 85].

Авторитаризм без альтернативы

В новейшей западной научной литературе существует немало концепций и даже целых теорий, в рамках которых сложившаяся в Советском Союзе авторитарная модель государственного управления рассматривается в качестве неизбежной и в итоге predetermined исторической зависимостью страны от избранного много столетий назад пути, альтернативы которому практически не существует. Одной из наиболее популярных является гипотеза, разработанная С. Хедлундом в книге «Российский путь зависимости: народ с беспокойной историей» (2005). «Суть этой гипотезы предполагала, что те институциональные модели, которые возникли в Московии пятнадцатого и шестнадцатого веков, содержат большую часть, если не все ключи, необходимые для раскрытия легендарной мистики, которая будет окружать последующие события в России. Вполне очевидный вывод заключался в том, что необходимо было сформулировать теорию, чтобы объяснить, каким образом такие фундаментальные институциональные модели могут сохраняться на протяжении стольких веков... Размышляя в этом направлении, я был одержим одним отрывком из книги Роберта Патнама „Чтобы демократия сработала“, в котором он предполагает, что судьба юга Италии может преподать некоторые важные уроки также и для стран „третьего мира“ и бывших коммунистических государств Евразии: „Без норм взаимодействия и сетей гражданского участия гоббсовский результат Меццоджорно – аморальная семейственность, клиентелизм, беззаконие, неэффективное правительство и экономический застой – кажется более вероятным, чем успешная демократизация и экономическое развитие. Палермо может представлять будущее для Москвы“» [Hedlund 2005, XI–XII].

Смысл развиваемой Хедлундом «рабочей гипотезы» состоит в итоге в следующем: «К середине семнадцатого века Россия, по сути, обрела свою форму, ту форму, которая будет сохраняться – во всех своих основных аспектах – на протяжении более двух последующих столетий. В более ограниченном смысле можно даже утверждать, что одна и та же форма сохранялась на протяжении всего советского периода и в эпоху Ельцина... Такой подход напоминает определение „патримониального“ государства, данное Максом Вебером: когда государь организует свою политическую власть... столь же необходимым способом, посредством которого он осуществляет свою власть над своими домочадцами, тогда мы говорим о патримониальной государственной структуре... В таких случаях политическая структура становится по

существованию идентичной структуре гигантского княжеского земельного поместья» [Hedlund 2005:125; ср.: Weber 1988:33–34].

В более поздней работе «Невидимые руки, российский опыт и социальная наука: подходы к пониманию системного провала» шведский экономист считал необходимым придать своей гипотезе еще больший архаический оттенок и ввести новые факторы, характеризующие «исторический путь» России и фатальную зависимость от него: «В нашем предыдущем обзоре российского опыта мы довольно близко следовали подходу „теории непрерывности“, стремясь проиллюстрировать модель устойчивого институционального воспроизводства на протяжении длительного временного периода. Основу этого подхода составляет идея Ричарда Хелли о повторяющихся „революциях служилого класса“. Согласно его представлению, именно „повторение революций служилого класса и перераспределение ресурсов в направлении гарнизонного государства“ является движущей силой развития и формирует „возможно, самый яркий образец в современной российской истории“» [Hedlund 2011:246–247; см. также: Hellie 2005:89; Hellie 1971; Hellie 1982].

Полемизировать с Р. Хелли, С. Хедлундом и сторонниками их метафоры относительно того, является ли посткоммунистическая Россия «патримонильным государством» и представляет ли собой современная российская бюрократия некий «подвид» или гибрид сталинской номенклатуры с московскими «служилыми людьми» эпохи первых Романовых, на наш взгляд, так же бесполезно, как и спорить с В. Шляпентохом или Д. Лестером о степени схожести российских чиновников и новоявленных олигархов с феодальными баронами раннего западноевропейского средневековья. Дискуссии такого рода вряд ли, на наш взгляд, могут способствовать решению серьезных проблем, связанных с анализом политической и социально-экономической системы, характеризующей посткоммунистическую стадию российской истории.

Диктатура пролетариата

Возвращаясь к сборнику «Коммунизм, антикоммунизм, русофобия в постсоветской России», инициировавшему нашу работу, хотелось бы выделить еще один примечательный момент. Речь идет о трактовке идеи диктатуры пролетариата в статьях, посвященных теоретическим проблемам революционного марксизма. Концепция диктатуры пролетариата долгое время оставалась основой марксистской политической теории до тех пор, пока один из руководителей германской социал-демократии Эдуард Бернштейн, «попав под влияние английских фабианцев в годы изгнания в Лондоне, [не] пришел к выводу о том, что ортодоксальный марксизм, которого он придерживался, больше не соответствует фактам современной истории. В 1890-х годах он подверг марксистскую теорию серии критических замечаний, из которых возникла его собственная „ревизионистская“ теория» [Schorske 1983:16; см. также: Hunt 1964:17–18; Bernstein to Brandt... 1987:21–33, 45–52].

После Октябрьской революции 1917 г. и раскола международного рабочего движения идея пролетарской диктатуры, включенная в программу

Коминтерна (1919), становится главным символом революционного коммунизма до возникновения еврокоммунистического направления во второй половине 1970-х гг., инициировавшего процесс «социал-демократизации» коммунистических партий Западной Европы. Тем не менее с теоретической точки зрения понятие «диктатура пролетариата» по-прежнему рассматривается большинством современных сторонников и теоретиков коммунистического направления в качестве базового критерия, позволяющего отличать классический марксизм от его различных девиантных трактовок. Так, в работе «Диктатура пролетариата» Э. Балибар, подводя итоги своего анализа, специально отмечает: «Если ленинские аргументы верны и если дело не только в словах – а в это уже реально никто больше не верит – то диктатура пролетариата действительно является концепцией, которая составляет существенную часть марксистской теории классовой борьбы, и ее нельзя отделить от нее, не поставив целиком под сомнение эту теорию. Сама идея о том, что в истории и стратегии коммунистических партий диктатура пролетариата может быть “устаревшей”, не имеет значения для марксиста. Ведь, как мы видели, диктатура пролетариата – это не особый метод, особая модель или особый “путь перехода” к социализму. Это историческая тенденция, которая ведет от капитализма к коммунизму через переходный период социализма в условиях империализма» [Balibar 1977:154].

В этом плане нельзя не обратить внимания на тот очевидный факт, что в уже цитированной выше статье С.Н. Мареева диктатура пролетариата упоминается преимущественно в историческом контексте. «Если частная собственность, – отмечает Мареев, – является основой эксплуатации человека человеком, то с уничтожением этой основы должна исчезнуть также эксплуатация человека человеком и т.д. Но в каких *конкретных* формах будет существовать общественная собственность, в каких *конкретных* формах будет происходить распределение и потребление, – на эти вопросы Маркс и Энгельс ответить даже и не пытались. И не пытались сознательно, потому что они ясно сознавали невозможность дать конкретные ответы на эти вопросы. „Не вдаваясь в утопии, – писал Ленин, – Маркс от *опыта* массового движения ждал ответа на вопрос о том, в какие конкретные формы эта организация пролетариата, как господствующего класса, станет выливаться, каким именно образом эта организация будет совмещена с наиболее полным и последовательным ‘завоеванием демократии’“. Именно поэтому „Маркс подвергает в ‘Гражданской войне во Франции’ самому внимательному анализу“ опыт Парижской Коммуны – этой первой исторической формы диктатуры пролетариата» [Коммунизм... 2021:62–63]. При этом автор явно не намерен рассматривать в теоретическом плане совершенно конкретный вопрос, поставленный в начале его работы – в каком именно виде можно было бы реализовать общественную собственность во Франции в начале 1870-х гг., чтобы она не стала (как и в России) «добычей бюрократии», которая в эпоху раннего модерна, по справедливому замечанию А. де Токвиля, за несколько столетий приняла в этой стране поистине чудовищные формы.

Историческая канва преобладает и в статье П.П. Апрышко. «В конкретных условиях России того времени, – отмечает автор, – вероятность мирного осуществления социалистической революции была нулевой, поскольку в стране полностью отсутствовали государственные и общественные институты, способные обеспечить такой сценарий. Да и сам Ленин не придавал большого значения эволюции воззрений Маркса и Энгельса по вопросу о социалистической революции, путях ее осуществления. Лишь в работе „Государство и революция“, написанной в период между Февралем и Октябрем, он касается возможности мирных социалистических преобразований в Англии и США. Однако считает такую возможность не правилом, а исключением. В основе этой позиции – взгляд Ленина на государственную власть прежде всего как на диктатуру того или иного класса. Соответственно буржуазное государство, по Ленину, есть диктатура буржуазии, в рамках которой демократические институты не более чем декорация. Такое понимание сущности государства практически исключает допущение мирных социалистических преобразований» [Коммунизм... 2021:77].

Сам характер рассуждения свидетельствует, что вопрос о том, возможны ли мирные социалистические преобразования в современных Великобритании и США, как бы спонтанно снимается автором с «повестки дня».

Еврокоммунизм

Как это ни парадоксально, но в определенном плане идеи и позиции авторов и редакторов цитируемого сборника, на наш взгляд, перекликаются с некоторыми базовыми идеями еврокоммунизма. Этому, на наш взгляд, способствует и явный параллелизм между современной идейной атмосферой, характеризующей поиск альтернатив глобальному неолиберальному порядку, и попытками теоретиков еврокоммунизма разработать новую политическую стратегию с целью идейной консолидации левых сил и различных направлений марксистской мысли. Еще в 1980 г. в теоретическом сборнике, посвященном актуальным проблемам еврокоммунистического дискурса, его редакторы Карл Боггс и Дейвид Плотке отмечали: «Сегодня левые в целом и марксизм в частности, похоже, страдают от полной неспособности нарисовать убедительную альтернативу либеральному капитализму в Северной Америке, Западной Европе и в других местах. Старые подходы устарели или потерпели серьезное поражение, а новые, по крайней мере политически *эффективные*, как представляется, крайне мучительно и медленно обретают свои очертания. Еврокоммунизм в той мере, в которой он достиг связного ощущения идентичности, представляет собой политическое образование, которое в разгар развивающегося кризиса может заполнить эту пустоту и преодолеть неудачи и ограничения прошлого. В своем стремлении нащупать социалистический выход из нынешнего тупика он охватывает ряд идеологических и стратегических тем, которые, как представляется, отличают его как от классического ленинизма, так и от различных форм социал-демократии: отказ от традиционной повстанческой политики, авангардной партии и мифа о „диктатуре

пролетариата“; приверженность идее построения „социального блока“ сил, основанного на мультиклассовом переходе к социализму, а не на жесткой пролетарской ориентации; участие в различных видах политической борьбы, происходящей в рамках существующих представительных институтов; приверженность созданию массовой партии, которая будет по-новому формировать цель социализма, и, наконец, принципиальная поддержка социального и политического плюрализма – не только для настоящего, но и для любого будущего социалистического строя» [The Politics... 1980:7].

Аналогичные идеи мы встречаем и в тех новейших работах, авторы которых явно не склонны рассматривать еврокоммунистические идеи исключительно ретроспективно, но, напротив, стремятся акцентировать их актуальность для современного политического дискурса и практики. Как отмечает Я. Балампанидис в работе «Еврокоммунизм: от коммунистической к радикальной европейской левой», еврокоммунистическая программа «третьего пути» представляла собой первую сознательную попытку определить во второй половине XX века основной вектор концепции путей к социализму, которая в свое время была предметом острого спора между Вторым, «Вторым с половиной» и Третьим Интернационалами (1919–1921 гг.). Сегодня «радикальные левые, как представляется, сформировали общий контур, включающий в себя явное неприятие неолиберального капитализма, предпочтительный акцент на государственном вмешательстве с целью обеспечения полной занятости, защиты труда, перераспределения. Короче говоря, сегодняшние радикальные левые, похоже, развивают мощную материалистическую идентичность, привлекая элементы старой кейнсианской парадигмы с государством в качестве главной движущей силы и больше не обсуждая классовый характер государства, перспективу разрушения государственного аппарата или риск социал-демократизации, по крайней мере, до тех пор, пока социал-демократия оставляет незащищенным и уязвимым пространство слева от себя, для которого она когда-то обеспечивала как программное, так и идеологическое прикрытие... Еврокоммунистический „момент“ – это историческое связующее звено, объединяющее прошлое и настоящее европейских левых. Макроскопически еврокоммунизм был политическим проектом, посредством которого левая политика в Европе осуществила окончательный переход от революционного прошлого к совершенно иной парадигме» [Balampanidis 2018:230–231; ср.: Weil Kapitalismus... 2014:116–137].

Заключение

Представленный выше анализ дискуссий по различным аспектам эволюции современного государства, специфики посткоммунистических трансформаций и той роли, которую могут в ближайшей перспективе играть марксизм и традиция радикальной социалистической мысли в поисках выхода из кризиса, порожденного агонией неолиберального глобального миропорядка, отчетливо свидетельствует, что сегодня ни одна из существующих идеологий,

равно как и парадигм экономической и социально-политической теории, не могут претендовать на роль монопольного спасительного средства. Опыт последних десятилетий явно исключает саму возможность преобразования экономики и социума на основе некоей универсальной синтетической модели. Об этом еще в конце 1990-х годов очень убедительно предупреждал Эдвард Люттвак, автор довольно популярного термина «турбокапитализм»: «По сравнению с рабством почившей коммунистической экономики, аморального бюрократического социализма и гротескными провалами националистической экономики, турбо-капитализм в целом превосходит их материально и, по крайней мере, морально им не уступает, несмотря на все его разрушительные воздействия на общество, семьи и саму культуру. Однако признание его имперского господства над всеми аспектами жизни, от искусства до спорта и всех форм предпринимательства, не может быть кульминационным достижением человеческого существования. Исчезнет и турбо-капитализм» [Luttwak 1998:236; см. также: Haseler 2000:185–186].

Невозможно утверждать, какой порядок придет на смену «турбокапитализму», и на данный момент ответ на этот вопрос остается по-прежнему прерогативой преимущественно национального дискурса. В современной России накал политических страстей, стимулирующий крайнюю поляризацию политических программ выхода из кризиса, также препятствует достижению согласия и поиску приемлемого для всех решения. И все же, на наш взгляд, и в настоящее время трудно опровергнуть вердикт, вынесенный в начале XX века Н.А. Бердяевым: «Коммунизм есть русское явление, несмотря на марксистскую идеологию. Коммунизм есть русская судьба, момент внутренней судьбы русского народа. И изжит он должен быть внутренними силами русского народа. Коммунизм должен быть преодолен, а не уничтожен. В высшую стадию, которая наступит после коммунизма, должна войти и правда коммунизма, но освобожденная от лжи. Русская революция пробудила и расковала огромные силы русского народа» [Бердяев 2008:295].

Похоже, что отечественная история развивается «по Бердяеву» и российский народ, продолжая переосмысливать свое прошлое, пока находится в самом начале пути.

Поступила в редакцию / Received: 01.08.2021

Принята к публикации / Accepted: 15.08.2021

Библиографический список / References

- Бердяев Н. Новое средневековье. Размышления о судьбе России и Европы. М., 1990а.
Berdyayev, N. (1990a). *The new Middle Ages. Reflections on the fate of Russia and Europe.* Moscow. (In Russian).
- Бердяев Н. Русская идея. СПб., 2008.
Berdyayev, N. (2008). *Russian idea.* Saint Petersburg. (In Russian).
- Бердяев Н.А. Судьба России. Опыты по психологии войны и национальности. М., 1990б.
Berdyayev, N.A. (1990b). *The fate of Russia. Experiments on the psychology of war and nationality.* Moscow. (In Russian).

- Восленский М.С. Номенклатура. Господствующий класс Советского Союза. М., 1991.
 Voslenskij, M.S. (1991). *Nomenclature. The ruling class of the Soviet Union*. Moscow. (In Russian).
- Гаман-Голутвина О.В. и др. Постсоветский либерализм: кризис или крах?: [круглый стол. 21 апреля 2004 г.] // Вестник аналитики. 2004. № 3. С. 208–252.
 Gaman-Golutvina, O. et al. (2004). Post-Soviet liberalism: Crisis or collapse? *Vestnik analitiki*, 3, 208–252. (In Russian).
- Коммунизм, антикоммунизм, русофобия в постсоветской России. 2-е изд., доп. / авт. кол.: П.П. Апрышко и др. М., 2021.
 Apryshko, P.P. et al. (2021). *Communism, anti-communism, Russophobia in post-Soviet Russia*. Moscow. (In Russian).
- Лавров В. Православный взгляд на ленинский эксперимент над Россией. М.: Отчий дом, 2018.
 Lavrov, V. (2018). *The Orthodox view of Lenin's experiment on Russia*. Moscow. (In Russian).
- Решетников Л.П. Вернуться в Россию. М., 2019.
 Reshetnikov, L.P. (2019). *Back to Russia*. Moscow. (In Russian).
- Рормозер Г., Френкин А.А. Новый консерватизм: вызов для России. М., 1996.
 Rormozer, G., & Frenkin, A.A. (1996). *The new conservatism: A challenge for Russia*. Moscow. (In Russian).
- Alford, R.R., & Friedland, R. (1985). *Powers of theory. Capitalism, the state, and democracy*. Cambridge.
- Althusser, L. (2014). *On the reproduction of capitalism. Ideology and ideological state apparatuses*. London; New York.
- Aron, R. (1970). *Marxismes imaginaires: D'une sainte famille à l'autre*. Paris. (In French).
- Balampanidis, Y. (2018). *Eurocommunism: From the communist to the radical european left*. London; New York.
- Balibar, E. (1977). *On the dictatorship of proletariat*. London: Atlantic Highlands, New York.
- Boggs, C., & Plotke, D. (Eds.). (1980). *The Politics of Eurocommunism: Socialism in Transition*. London; Basingstoke.
- Boggs, C. (2011). *Phantom democracy: Corporate interests and political power in America*. New York.
- Buchwalter, A. (2015). *Hegel and Capitalism*. Albany.
- Coffey, D., & Thornley, C. (2009). *Globalization and varieties of capitalism. New labor, economic policy and the abject state*. New York.
- Crouch, C. (2013). From markets versus states to corporations versus civil society? In A. Schäfer & W. Streeck (Eds.), *Politics in the age of austerity* (pp. 219–238). Cambridge.
- Cunliffe, Ph. (2017). *Lenin lives! Reimagining the Russian revolution. 1917–2017*. Winchester, UK; Washington, US.
- Ellul, J. (1964). *The technological society*. New York.
- Fletcher, R. (Ed.). (1987). *Bernstein to Brandt: A Short History of German Social Democracy*. London; New York.
- Hardt, M., & Negri, A. (2000). *Empire*. Cambridge, Massachusetts; London.
- Haseler, S. (2000). *The super-rich: The unjust new world of global capitalism*. New York.
- Hedlund, S. (2005). *Russian path dependence: A people with a troubled history*. London; New York.
- Hedlund, S. (2011). *Invisible hands, Russian experience, and social science: Approaches to understanding systemic failure*. New York.
- Hellie, R. (1971). *Enserfment and military change in Muscovy*. Chicago; London.
- Hellie, R. (1982). *Slavery in Russia, 1450–1725*. Chicago; London.
- Hellie, R. (2005). The Structure of Russian Imperial History. *History and Theory*, 44, 88–112.
- Hunt, R. (1964). *German Social Democracy 1918–1933*. New Haven; London.
- Kapustin, B. (2016). A People in the Absence of the People, or a View of Postcommunism from Below. In P. Dutkiewicz, R. Sakwa & V. Kulikov (Eds.), *The Social History of Post-Communist Russia* (pp. 11–40). London; New York.

- Lester, J. (1998). Feudalism's revenge: The inverse dialectics of time in Russia. *Contemporary Politics*, 4(2), 193–203.
- Luttwak, E. (1998). *Turbo-capitalism: Winners and losers in the global economy*. New York.
- Mann, M. (1988). *States, war and capitalism*. Oxford; Cambridge.
- McDaniel, T. (1991). *Autocracy, modernization and revolution in Russia and Iran*. Princeton, New Jersey.
- Mills, C.W. (1956). *The power elite*. New York: Vintage Books.
- Musacchio, A., & Lazzarini, S.G. (2014). *Reinventing state capitalism. Leviathan in business, Brazil and beyond*. Cambridge, Massachusetts; London.
- Orwell, G. (2017). Capitalism and communism: Two paths to slavery. In *Political Writings of George Orwell*. Prabhat Prakashan.
- Rodrik, D. (2012). *The globalization paradox: Why global markets, states, and democracy can't coexist*. Oxford; New York.
- Rosa, H., Lessenich, S., Kennedy, M., & Waigel, T. (2014). *Weil Kapitalismus sich ändern muss*. Wiesbaden. (In German).
- Rosefelde, S. & Hedlund, S. (2008). *Russia since 1980: Wrestling with westernization*. New York, 2008.
- Schorske, C.E. (1983). *German social democracy, 1905–1917: The development of the great schism*. Cambridge, Massachusetts; London.
- Shlapentokh, V. (1996). Early feudalism – The best parallel for contemporary Russia. *Europe-Asia Studies*, 48(3), 393–411.
- Therborn, G. (1978). *What the ruling class do when it rules?* London; New York.
- Therborn, G. (1995). *European modernity and beyond. The trajectory of European societies, 1945–2000*. London; Thousand Oaks; New Delhi.
- Therborn, G. (2008). *From Marxism to Post-Marxism?* London; New York.
- Wallerstein, I. (1984). *The politics of the world-economy. The states, the movements, and the civilizations*. Cambridge.
- Weber, M. (1988). Zur Lage der bürgerlichen Demokratie in Russland. In J. Winckelmann (Ed.), *Gesammelte politische Schriften* (pp. 33–68). Tübingen. (In German).
- Zimmermann, J., & Werner, J.R. (2013). *Regulating capitalism? The evolution of transnational accounting governance*. New York.

Сведения об авторах:

Гуторов Владимир Александрович – доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой теории и философии политики факультета политологии Санкт-Петербургского государственного университета (e-mail: gut-50@mail.ru) (ORCID: 0000-0001-8063-2558)

Ширинянц Александр Андреевич – доктор политических наук, профессор, заведующий кафедрой истории социально-политических учений факультета политологии Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова (e-mail: jants@yandex.ru) (ORCID: 0000-0002-6949-2256)

About the authors:

Vladimir A. Gutorov – Doctor of Science in Philosophy, Professor, Head of the Department of Theory and Philosophy of Politics, Faculty of Political Science, Saint Petersburg State University (e-mail: gut-50@mail.ru) (ORCID: 0000-0001-8063-2558)

Alexander A. Shirinyants – Doctor of Science in Political Sciences, Professor, Head of the Department of History of Social and Political Doctrines of the Faculty of Political Science, Lomonosov Moscow State University (e-mail: jants@yandex.ru) (ORCID: 0000-0002-6949-2256)

DOI: 10.22363/2313-1438-2021-23-4-545-559

Research article / Научная статья

The Revolution is Over, Forget It: To the 30th Anniversary of the Russian Federation

Yu.A. Nisnevich

National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russian Federation

Abstract. After the collapse of the Soviet Union, the power in post-Soviet Russia was seized by the leaders of the democratic movement – “first wave democrats”, and the more progressive Soviet nomenclature. As a result of the miscalculations made by the leaders of the democratic movement, the representatives of the Soviet nomenclature soon started displacing the “first wave democrats” and the reformers of the “Gaidar call” from the Russian governmental bodies in order to gain full control over the governance in the country. This appeared to be a manifestation of the more general and fundamental process, where the Russian nomenclature separated from the democratic movement, emerging as a new ruling stratum – the immediate heir to the Soviet nomenclature. The turning point, which accelerated the separation and the retreat of the Russian nomenclature from liberal and democratic principles of the country’s modernization, was the beginning of the Chechen tragedy in 1994. Not only did the Chechen events separate the Russian nomenclature and the democratic movement but also split the democratic movement itself. The goal of the article is to examine the transformation of the relationship between the democratic movement and the soviet and, later on, Russian nomenclature during the revolutionary changes of the early 1990s.

Keywords: revolutionary transformations, post-Soviet Russia, democratic movement, nomenclature, Chechen fault

For citation: Nisnevich, Yu.A. (2021). The revolution is over, forget it: To the 30th anniversary of the Russian Federation. *RUDN Journal of Political Science*, 23(4), 545–559. DOI: 10.22363/2313-1438-2021-23-4-545-559

Революция закончена, забудьте: к 30-летию Российской Федерации

Ю.А. Нисневич

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва,
Российская Федерация

Аннотация. В статье рассматривается процесс трансформации взаимоотношений между демократическим движением и сначала советской, а затем нарождающейся российской номенклатурой в период революционных преобразований начала 90-х годов XX века. После

© Nisnevich Yu.A., 2021

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

распада СССР к власти в постсоветской России пришел конгломерат лидеров демократического движения – «демократов первой волны» и представителей прогрессистки настроенной части советской партийно-хозяйственной номенклатуры. В результате просчетов лидеров демократического движения представители советской номенклатуры достаточно быстро начали вытеснять из структур российской власти «демократов первой волны» и реформаторов «гайдаровского призыва», чтобы полностью овладеть рычагами управления государством. Этот процесс был проявлением более общего и фундаментального процесса размежевания демократического движения и формирующейся в качестве нового правящего слоя российской номенклатурой, которая являлась прямой наследницей номенклатуры советской. Переломным моментом, резко ускорившим процесс размежевания и отход российской номенклатуры от либеральных и демократических принципов модернизации страны, стала начавшаяся в конце 1994 года чеченская трагедия. При этом чеченские события не только окончательно развели российскую номенклатуру и демократическое движение, но и раскололи само демократическое движение.

Ключевые слова: революционные преобразования, постсоветская Россия, демократическое движение, номенклатура, чеченский разлом

Для цитирования: *Nisnevich Yu.A.* The revolution is over, forget it: To the 30th anniversary of the Russian Federation // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2021. Т. 23. № 4. С. 545–559. DOI: 10.22363/2313-1438-2021-23-4-545-559

Introduction

The adoption of the Constitution of post-Soviet Russia via a referendum on December 12, 1993 marked the end of the revolutionary transformations in the country. These transformations can be traced back to the III Extraordinary Congress of People's Deputies on March 14, 1990, as it abolished Article 6 of the USSR Constitution in the wording, which established the monopoly on power of the Communist Party of the Soviet Union, declaring it “the leading and guiding force of the Soviet society and the nucleus of its political system, of all state and public organizations”.

In full accordance with the modern theory of revolution, the revolutionary transformations of 1990–1993 were aimed at “transforming political institutions and giving a new justification for political power in the society” [Goldstone 2006, p. 61], which was legally enshrined by the 1993 Constitution. The new rationale for the political power in the society is determined by not only its new constitutionalization, but also the changes in the social structure and in the ruling social group or stratum. Significant changes in the social structure of the Russian society occurred as a result of the phenomenon of the “uprising of the Soviet masses” [Nisnevich 2018], while the issue of how the ruling stratum changed requires factual analysis.

The democratic movement and the nomenclature

Two different social groups acted as the driving forces of the revolutionary events of 1991–1993.

On the one hand, there was the relatively small, but active, democratically minded part of the Soviet society, mainly living in the two capitals and large

scientific and industrial centers. This social group included mostly middle-aged people who, as a rule, were already on the rise or even at the top of the professional career available to them under the Soviet system. However, being Soviet romantics, they were willing to spend all of their energy and time on the protest movements for the sake of a “common bright future”, even at the expense of their own careers. These passionaries were one in their revolutionary impulse, and were united in the common desire to destroy the Soviet wall, behind which there should be, though not very clear in what form, but certainly the best life for everyone.

On the other hand, there was the part of the Soviet party and economic nomenclature that possessed specific political, organizational and information resources. Under the aging Soviet regime and the gerontological ossification of the top of the nomenclature pyramid, they did not see real prospects for rapid career growth and advancement to the highest echelons of power. This progressive-minded part of the Soviet nomenclature, first of all, consisted of the middle and the lower – just beginning to climb up the career ladder – layers of the Soviet party and state bureaucracy. It was interested in the soonest elimination of the ossified upper ruling stratum and party leaders, as only this could provide its representatives with opportunities for accelerated career growth.

Thus, the social democratic movement and the progressives-minded part of the Soviet nomenclature acted as partners and allies in solving one common task – changing the existing system of political and state administration, creating new political and state institutions. At the same time, they had significantly different views on the solution of this problem, as the subsequent development of the events showed.

As a result of the failure of the August 1991 putsch and the collapse of the USSR, the power in the now sovereign Russian state was seized by the conglomerate of the leaders of the democratic movement – the “first wave democrats”, and the representatives of the progressive-minded Soviet nomenclature, primarily consisting of the party and state bureaucracy, headed by President Boris Yeltsin. At the initial stage of revolutionary transformations, this revolutionary conglomerate was supported by the part of the Russian society oriented towards democracy and market economy reforms, represented, above all, by its most massive social and political association – the Democratic Russia movement, created in 1990.

What played a decisive role in the formation of the ruling stratum of post-communist Russia, was the tactical decision to staff practically all governmental bodies and structures with the officials who had previously worked in the state and party apparatus of the USSR and Soviet Russia. This was justified by the fact that such officials know the previous economic system better than anyone else, and therefore are able to quickly resume the work of the Russian government structures. This decision was made largely due to the time pressure – the need to relaunch the government mechanism as soon as possible, but in the long term, it had negative consequences – in terms of the quality of both the Russian public power and the overall post-revolutionary political process. Besides what was mentioned, the professionalism of the “specialists” from the Soviet party and economic

nomenclature consisted, first of all, in mastering the methods of bureaucratic office work, behind-the-scenes decision-making, as well as the techniques of apparatus intrigues.

This situation was confirmed by Yegor Gaidar, who worked for the Russian government from November 6, 1991 (Deputy Chairman of the Government of the RSFSR, Minister of Economy and Finance) to December 14, 1992 (from June 16, 1992 – Acting Chairman of the Government of Russia). He later wrote in 1996 that the Chief of the Government Staff, Aleksey Golovkov, “was able to attract qualified, experienced employees from both the former Council of Ministers of the Union and the structures of the Russian government, and ensured that they really work on the preparation of regulations that ensure the implementation of reforms”. And furthermore: “When you put your signature on documents in the government, you get the feeling of walking through a minefield. Under no circumstances you can completely rely on the apparatus... there were, of course, mistakes, but Alexei managed to neutralize the overwhelming majority of the “mines” before the paper was on my desk” [Gaidar 1996, p. 120–121]. Almost as Winston Churchill said¹ – they themselves created a nomenclature “minefield”, and then started heroically getting over it. It should be noted that President Boris Yeltsin gave a slightly different assessment of Golovkov’s work: “A former junior researcher at the institute where Gaidar worked, Aleksey Golovkov became the head executive of the Council of Ministers, and this is a position that requires a strong grip and experience – purely administrative. As a result, the paperwork began to fall off to one side...” [Yeltsin 1994, 247].

Similar situations occurred at the regional level. For example, in Moscow, the new chairman of the Moscow City Council (Mossovet), Gavriil Popov, convinced the deputies of the “Democratic Russia” faction, which had a majority of 281 out of the 500 seats after the 1990 elections, to appoint the deputy chairman of the previous City Executive Committee, Yuri Luzhkov, to the post of the chairman of the new Moscow City Executive Committee (Mosgorispolkom), on the recommendation of President Boris Yeltsin. He motivated this by the fact that the democrats who have come to power will not be able to cope with the economic system of Moscow, and a person who knows this system from the inside is necessary. Later in June 1992, Popov voluntarily resigned from the post of the mayor and handed over his power to Luzhkov, which resulted in the well-known “crony capitalism”.

The abovementioned political decision led to another the uprising of the Soviet masses, namely the “vertical invasion of the barbarians”, in the words of German entrepreneur and politician Walter Rathenau [Ortega-i-Gasset 2003, p. 52], into the system of the public power of post-Soviet Russia, represented by the mass of the

¹ Winston Churchill's quote is known in two versions: “the Russians create difficulties for themselves and then heroically overcome them” and “Bolsheviks create difficulties for themselves and then overcome them brilliantly”. Aphorisms. Quotes. Winged Words and Expressions. (In Russian). URL: <http://www.bibliotekar.ru/encSlov/16/70.htm> (accessed: 17.02.2021).

Soviet nomenclature, the typological majority of whom was also the Soviet man. But at the same time, this kind of a Soviet man was even more characterized by limited self-sufficiency and aggressive rejection of everything alien and extraordinary, while striving by any means to seize the control button of the “miraculous machine of the state”. Therefore, the representatives of the Soviet nomenclature quickly began to oust the “democrats of the first wave” and the reformers of the “Gaidar’s call” from the structures of Russian power in order to gain full control over the levers of the government.

The exodus of the “first wave democrats” from the Russian governmental system began during the revolutionary transformations at the end of 1992. As a result of this process, such well-known People’s Deputies of the USSR – members of the Inter-regional Deputies’ Group, as Galina Starovoytova (November 1992), Eduard Burbulis (December 1992), Yuri Boldarev (March 1993), Sergei Stankevich (December 1993), Ella Pamfilova (March 1994), Alexey Kazannik (April 1994), Vladimir Smirnov (December 1994), as well as famous People’s Deputies of the Russian Federation who were members of the “Democratic Russia” and “Radical Democrats” factions, Bela Denisenko (December 1992), Georgy Zadonsky (October 1993), Peter Filippov (April 1994), Sergey Kovalev (March 1995), Sergey Filatov (January 1996) and others left the upper echelons of the Russian government. Some representatives of the “first wave democrats” remained in the structures of the federal government, but either lost significant political influence or did not occupy the highest positions. Similar processes took place at the regional level. For instance, in November 1992, Arkady Murashev, a member of the Inter-regional Deputies’ Group, was relieved of his post as the head of the Main Directorate of Internal Affairs of the City of Moscow. In April 1993, on charges of power abuse and corruption, the first and last President of the Mordovian SSR Vasily Guslyannikov – the co-chairman of the “Democratic Russia” movement, was dismissed of his post. In September of the same year, he was rehabilitated by the decision of the Penza Prosecutor’s Office and cleared of all charges, but the president’s post had already been abolished.

One of the reasons for this development of events was that the few representatives of the democratic movement, who were initially included in the power structures of post-Soviet Russia, relied only on the personal support by President Boris Yeltsin. They did not consider it necessary and did not pay much attention to strengthening the democratic movement as their long-term political support and personnel reserve to at least gradually replace the nomenclature. Therefore, the old nomenclature environment, which was partially new in its structure, but retained the main mechanisms of functioning in essence, rather quickly began displacing them from the power structures as alien elements both at the federal and regional levels.

Parallely, the reformers of the “Gaidar call” were being excluded from the Government of the Russian Federation. The team of reformers suffered the first losses even before the resignation of Yegor Gaidar himself – Vladimir Lopukhin (May 1992), Andrey Vorobyov (October 1992), Eduard Dneprov (December 1992),

as well as the already mentioned Gennady Burbulis (November 1992), who suggested President Boris Yeltsin including the team of the reformers led by Gaidar in the government. The exclusion of the reformers naturally intensified after, in December 1992, President Boris Yeltsin gave the post of the Chairman of the Russian Government to “strong economic manager” Viktor Chernomyrdin and not to the main ideologist of market reforms Yegor Gaidar. This decision was taken under the pressure from the Congress of People’s Deputies of Russia. This resulted in inconsistency and a slowdown in the economic reforms, which gave rise to the joke that “the country paid a high price for Chernomyrdin’s training in the fundamentals of market economy”. After Gaidar’s resignation, Petr Aven (December 1992), Boris Furmanov (December 1992), Andrey Nechaev (March 1993), Vasily Barchuk (March 1993), Ella Pamfilova (March 1994), as well as Vladimir Mashits (March 1995) left the government.

To complete the picture of the exodus of the reformers, it should be mentioned that Yegor Gaidar, at the suggestion of President Boris Yeltsin, returned to the government on September 18, 1993, taking the post of First Deputy Prime Minister of Russia. But Gaidar’s second “coming” to the government was short, and as soon as in early 1994 he wrote a letter to the president asking for resignation, which was accepted on January 20. Gaidar substantiated his decision as follows: “As of January 1994, my ability to influence the process of making fundamental economic and political decisions was practically zero. ... By agreeing to remain in the government in a purely decorative role, I would simply demonstrate my readiness to join the cohort of people for whom the very fact of being in power or near is the main purpose” [Gaidar 1996, p. 318].

The process of ousting the “democrats of the first wave” and the reformers of the “Gaidar call” from the structures of Russian power was a manifestation of a more general and fundamental process, namely, the disengagement of the democratic movement (which at that time was a conglomerate of socio-political organizations of a democratic sense, scattered and significantly lacking influence), and the emergence of a new ruling stratum – the Russian nomenclature, which was the direct heir of the Soviet nomenclature².

The Russian nomenclature, not yet fully consolidated, was intensively seizing the levers of governance, although its power remained chaotic and insufficiently stable, and those who opposed the nomenclature methods of governance still retained some influence in the immediate vicinity of President Boris Yeltsin. The Russian nomenclature, which is, in fact, a marginal social group and did not exceed 1–2% of the population of post-Soviet Russia in the mid-90s, became the leading force, determining and imposing the direction of political, economic and social transformations on Russian society. Therefore, the democratic movement, which had significantly lost its revolutionary fervour, social influence, fragmented and largely discredited not without the help of its temporary nomenclature fellows and

² On the formation and the development of the Russian nomenclature as a ruling social stratum, see: [Nisnevich 2015].

political opponents, was no longer needed as a political ally for this nomenclature, which was oriented in the process of modernizing the country, first of all, to strengthen and to expand its own dominant position in the society and the state.

The Chechen Rift

The Chechen tragedy that began in late 1994 became the turning point that vastly accelerated the disengagement of the Russian nomenclature from the democratic movement and its departure from the liberal and democratic principles of modernizing the country. Yuli Rybakov, a deputy of the State Duma of I convocation from the “Choice of Russia” faction, expressed the opinion that: “In fact, the war in Chechnya is not only the tragedy of those who died there, it is the tragedy of the halted democratic process, which was interrupted by this war. There were quite clever people who realized that only a protracted war could stop the process of democratization in Russia, could stop the process of creating a civil society”³.

The first active actions around the events in Chechnya, contrary to the official position and statements of the current government, were undertaken by the deputies of the democratic “Choice of Russia” and “Yabloko” factions, even before Russian troops began entering Chechnya on December 11 of the same year.

The incentive for these actions was the assault on Grozny on November 26, 1994. The opposition to the president of the self-proclaimed Chechen Republic of Ichkeria (CRI) Dzhokhar Dudayev began an assault on Grozny, accompanied by several tanks, the crews of which consisted of Russian troops hired under a contract by the Federal Counterintelligence Service (FCS)⁴. The opposition was defeated. Although the tanks reached the city center without any problems, they were attacked using grenade launchers: many crew members were killed, dozens were captured. Russian Defense Minister Pavel Grachev publicly denied the participation of Russian troops in the assault, calling this version “nonsense”. And, moreover, at a meeting with journalists on November 28, he said: “If the army was involved, then one airborne regiment would be enough to solve everything within two hours” [Dushenko 2020]. The representatives of the Ministry of Internal Affairs and the Federal Counterintelligence Service also denied their involvement in the Grozny events.

In the course of these events on December 1–3, deputies of the “Choice of Russia” and “Yabloko” factions were observing the bombing of Grozny on planes without identification marks. The deputies held negotiations with Dudayev, where an agreement was reached on the release of the prisoners. The deputies took two of

³ Kara-Murza, V. Recalling the beginning of the invasion of the federal troops into Chechnya on the 15th anniversary of the tragic events with its eyewitnesses – former State Duma deputies Valery Borshchev and Yuliy Rybakov, 2009. (In Russian). URL: <https://www.svoboda.org/a/1902090.html> (accessed: 17.02.2021).

⁴ Hereinafter, the information about the events in Chechnya is taken from [Russia – Chechnya: a chain of mistakes and crimes].

those freed from captivity to Moscow, where they were presented at a press conference by the chairman of the State Duma Defense Committee Sergei Yushenkov (“Choice of Russia” faction). Further, on December 3–6, a group of deputies of the LDPR faction headed by Yevgeny Loginov visited Grozny. As a result, the authorities of the CRI released two more prisoners. On the night of December 5–6, after the news of a planned military operation, deputies of the “Yabloko” and “Choice of Russia” factions, including Grigory Yavlinsky and Sergei Yushenkov, flew to Grozny and offered Dudayev to stay in Grozny in exchange for the release of the prisoners, in an attempt to prevent the assault. The proposal was rejected, but on December 7, seven more prisoners of war were handed over to the deputies.

On the day after the publication of the Decree of the President of the Russian Federation No. 2166 of December 9, 1994 “On Measures to Stop the Activities of Illegal Armed Formations on the Territory of the Chechen Republic and in the Zone of the Ossetian-Ingush Conflict”, which legally paved the way for the invasion of the Russian troops into Chechnya, the “Democratic Choice of Russia” party made a statement. The party stated: “The military action will result in numerous casualties among our soldiers and officers, and many times more casualties among the inhabitants of Chechnya. Including the Russians, whose safety the Russian leadership claims to care about. The result will be guerrilla war, an endless stream of coffins and burials from the Caucasus to Russia, and new military echelons from Russia to the Caucasus. The result will be a new Afghanistan. We are convinced that everything that has happened in recent weeks in Chechnya is not only the result of professional incompetence and a lack of elementary decency. We are sure that this is a deliberate provocation. ... Today the fate of our country is being decided. Will democratic reforms be continued, or will the country once again fall under the rule of a cruel and worthless dictatorship? ... We strongly condemn the actions of the federal authorities in Chechnya. ... We demand that the President and the Supreme Commander-in-Chief take immediate measures to prevent the war”⁵.

After the military operation in Chechnya was announced, democratic political parties and associations tried to organize mass protests, but this undertaking was not very successful. As Yegor Gaidar writes: “We are holding a rally on Pushkin Square, then on Teatralnaya Square. A bitter feeling is overwhelming: there is no necessary public support. Yes, a lot of people do not like the war, but they also do not like the Dudayev regime, there is no understanding of what a huge disaster, what terrible blood all this will turn into. Some people sincerely believe that everything will be over in a few days. As my DCR (the Democratic Choice of Russia) colleague Sergei Yushenkov exactly stated, the society is to blame for not opposing the war decisively enough, and this encouraged the authorities to take adventurous actions” [Gaidar 1996, p. 332].

⁵ Statement by the Democratic Choice of Russia party of 10.12.1994. Yegor Gaidar’s archive. Database of documents. URL: <http://gaidar-arc.ru/file/bulletin-1/DEFAULT/org.stretto.plugins.bulletin.core.Article/file/3636> (accessed: 17.02.2021).

This situation is likely to be explained by the fact that, although according to the results of sociological research ~ 55% of Russian citizens reacted negatively to the use of the armed forces to resolve the situation in Chechnya, after the events of the fall of 1993 the Russian society fell into deep political apathy and did not believe that it could influence the Government's decisions and actions.

At the same time, many well-known public figures, human rights activists, writers and journalists actively and publicly expressed their protest against the invasion of the Russian troops to Chechnya. In December 1994, a prominent member of the human rights movement in the USSR, Kronid Lyubarsky, left the Public Chamber under the President of the Russian Federation, and writer and publicist Karjakin left the Presidential Council. Karjakin, in his characteristic sharp manner, told the president at a council meeting: "It is not so much about your suicide, to which you are being pushed – we are talking about the suicide of the democracy, and of Russia – this is what they are actually pushing you toward" [Koryakin, 2007].

In January 1995, legal scholar, one of the "fathers" of the 1993 Constitution, Sergei Alekseev, publicist Otto Latsis and Gaidar left the Presidential Council. The widow and colleague of Academician Sakharov, Elena Bonner, left the Commission on Human Rights under the President of the Russian Federation, bluntly stating that she did not consider it possible for herself to cooperate with the presidential administration, which unleashed the Russian-Chechen war. Together with members of the commission Vyacheslav Bakhmin, Igor Golembiovsky, Boris Zolotukhin and Sergei Sirotkin she wrote an official statement about leaving the commission. This happened after an open letter from Sergei Kovalev to President Yeltsin was published in the *Izvestia* newspaper on January 24, 1996, in which he announced his resignation from the post of the Chairman of the Commission on Human Rights, and his resignation from the Presidential Council⁶. The well-known jurist Yuri Kalmykov resigned from the posts of the Minister of Justice and the member of the Security Council even before the start of the Chechen operation, on November 29, 1994: at the meeting of the Security Council, he was the only Council member who opposed the invasion⁷. His resignation was accepted by the President on December 7, 1994. In protest, the editor-in-chief of the "Moscow Daily News" newspaper, Viktor Loshak, withdrew his signature from the April 1994 Agreement on Public Accord.

The democratic media was also actively opposing a military solution to the Chechen problem. Oleg Poptsov, at that time the chairman of the All-Russian State Television and Radio Company, recalled: "The greatest surprise for the President, a kind of revelation, was the reaction of the democratic press, which in its overwhelming majority was hostile to the military actions in Chechnya.

⁶ Presidential Council for Human Rights: The Art of the Impossible. Presidential Council for Civil Society and Human Rights. (In Russian). URL: <http://www.president-sovet.ru/projects/books/read/8/> (accessed: 17.02.2021).

⁷ Kobrin, K. (2004). Ivan Rybkin recalls the meeting of the Russian Security Council on November 29, 1994. (In Russian). URL: <https://www.svoboda.org/a/24185286.html> (accessed: 17.02.2021).

Newspapers, radio, television, also taken by surprise, vied to talk about the danger of civil, Caucasian, partisan wars, the destabilization of the economic situation, inevitable losses among the civilian population, the fanatical resistance of the Chechens, and the futility of a military solution to the problem” [Poptsov 1995].

From the very beginning, Russian troops began to suffer significant losses in manpower and equipment due to the lack of necessary professional training of soldiers and officers and proper organization of the military operation. Defense Minister Grachev’s statement that “one airborne regiment would be enough to solve everything within two hours”, naturally, turned out to be a bluff. Discontent began to appear in the top commanding staff, and on December 15, 1994, Defense Minister Grachev removed a group of senior officers who were refusing to send troops to Chechnya and expressing a desire to receive a written order from the Supreme Commander-in-Chief “before starting a major military operation that could entail great casualties among the civilian population”. In December 1994, the Deputy Commander-in-Chief of the Ground Forces, Colonel-General Eduard Vorobyov, did not take command of the operation in Chechnya “due to its complete unpreparedness” and filed a letter of resignation. Subsequently, General Vorobyov became a member of the Political Council of the DCR party and in December 1995 was elected from this party as a deputy of the State Duma of the second convocation.

It should be noted that on December 13, 1994, the State Duma adopted Resolution No. 385-I GD “On the situation in the Chechen Republic, a subject of the Russian Federation, and measures for its political settlement”. This resolution recognized “the work of the President of the Russian Federation and federal government bodies on the political settlement of the explosive situation in the Chechen Republic as unsatisfactory” and made “a proposal to the warring parties in the Chechen Republic to stop the bloodshed and solve all existing problems exclusively by peaceful means.” On December 17, the Federation Council adopted Resolution No. 307-I FC “On the Situation in the Chechen Republic,” which proposed “to the President of the Russian Federation to take measures for an immediate cessation of hostilities by all parties and to continue the negotiation process at a higher level of government delegations based on the principles of preserving the integrity of the Russian Federation and providing the people of the Chechen Republic with the possibility of free expression of their will.”

The anti-war activities of the democratic factions of the State Duma, whose deputies regularly traveled to Chechnya, was directed precisely at ending hostilities and organizing negotiations.

The unauthorized peacekeeping activities of the deputies, but especially the information they provided about the real state of affairs in Chechnya, about the unprofessionalism and unpreparedness of the military operation, losses among Russian servicemen and civilians, which disavowed official messages, caused the discontent and irritation of the people in powers and, above all, the heads of the military structures. This resulted in intensified disagreements between the current government and the reformist-democratic political flank, as well as the democratically-minded minority of the Russian society.

These disagreements were used by the anti-reformist flank in the State Duma. On March 10, 1995, on the initiative of the Communist and LDPR factions, as well as the deputies of the unregistered “patriotic” group “Russian Way” (Sergei Baburin and others), Sergei Kovalev, who headed the group of deputies that began working in Grozny on December 15, 1994, was removed from the position of the Commissioner for Human Rights. 240 votes were cast against him, which meant that the initiative was supported by a number of centrist deputies who, as the political structure of the lower house began to transform, reoriented to support the current government.

The appeals of the Russian Parliament and the democratic public to the leaders of Russia and the unrecognized CRI to stop hostilities and sit down at the negotiating table did not yield any results. Although the parties periodically declared their readiness for negotiations, since they had different understanding of the meaning and the content of these, no really significant negotiations were held. For example, on December 23, 1994, Russian Foreign Minister Andrei Kozyrev in a telephone conversation asked the Ombudsman for Human Rights Sergei Kovalev, who was in Grozny, to find out the Chechen leadership’s conditions to start negotiations with Moscow. Kovalev contacted Dudayev, who announced his readiness for an immediate bilateral cessation of hostilities and the start of negotiations on the entire spectrum of controversial issues, including the disarming his formations. In the evening of the same day, Kovalev reported this to Kozyrev, who promised to report on Grozny’s readiness for negotiations at a meeting of the Security Council of the Russian Federation. However, no reaction from Moscow followed.

At the same time, Russian troops, despite heavy losses both among the military and the civilian population, continued to advance deeper into the territory of Chechnya and take control of its cities and towns. Under these conditions, the armed detachments of the separatists, as predicted, switched to the tactics of partisan, sabotage, subversive and terrorist actions, including outside Chechnya.

On June 14, 1995, the detachment of warlord Shamil Basayev penetrated into the city of Budyonnovsk, Stavropol region, and captured more than one and a half thousand hostages, who were held in the hospital of the city. At dawn on June 17, special forces of the Ministry of Internal Affairs and the FSB of Russia made several unsuccessful attempts to storm the hospital, leaving casualties among both the terrorists and the special forces, but the hostages suffered the most – up to 30 dead, many wounded.

On the eve of this assault on June 16, the “Kovalev group” arrived in Budyonnovsk on its own initiative. The group included, besides Sergei Kovalev himself, State Duma deputies Valery Borschov, Mikhail Molostvov, Alexander Osovtsov, Yuliy Rybakov, Federation Council member Viktor Kurochkin and representative of “Memorial” Oleg Orlov. Only after the assault failed, did the “Kovalev group” manage to agree with the Russian authorities (which at that moment were represented by Prime Minister Viktor Chernomyrdin, since President Boris Yeltsin flew to Canada for the G7 summit on June 16) on coordinated joint actions. Viktor Chernomyrdin gave the “Kovalev group” powers to negotiate with

Basayev. As Oleg Orlov testifies: “In the early morning of June 18, Sergei Kovalev and the members of his group, with the consent of both sides, entered the hospital and began negotiations with Shamil Basayev on the conditions for the release of the hostages. Within two hours, Basayev was persuaded to abandon the obviously impracticable condition – the immediate withdrawal of Russian troops from the southern regions of Chechnya – and to agree on the main provisions of the agreement on the release of the hostages. Then, through the mediation of Kovalev, a telephone conversation was organized between Viktor Chernomyrdin and Shamil Basayev⁸, who agreed on the final conditions for the release of the hostages: the cessation of hostilities on the territory of Chechnya and the subsequent resolution of all controversial issues through negotiations. These provisions were recorded in writing on the morning of June 18, 1995 in two documents, written in the same place, in the hospital, by hand, on notebook sheets. The original copies of these documents are kept in the archives of “Memorial”⁹.

The next day, June 19, Basayev’s detachment, under the cover of a “human shield” of 120 hostages, including the members of the “Kovalev group” and journalists, left Budyonnovsk for Chechnya on buses provided by the Russian side. On June 20, a column of buses arrived in the Chechen village of Zandak, which was under the control of the separatists, where all the hostages were released. According to the Russian FSB Directorate for the Stavropol Krai, the terrorist act in Budyonnovsk resulted in 129 people dead, including 18 militiamen and 17 military personnel. 415 people received gunshot injuries. The release of the hostages in Budyonnovsk was the first and perhaps the only example during the first Chechen war of how the joint actions of the Russian authorities and the representatives of the democratic movement led to a positive result – the rescue of most of the hostages.

The Chechen events not only further tore apart the current government, or rather the emerging ruling stratum – the Russian nomenclature and the democratic movement, but also split the democratic movement itself.

Such political organizations, initially related to the reformist-democratic flank, as the “Choice of Russia” and “Forward, Russia!” movements supported the invasion of Chechnya. While some of the regional branches of the “Choice of Russia” did not support the position of their leadership, on December 22, 1994 the leader of the “Forward, Russia!” Boris Fedorov announced his unequivocal support for a military solution to the Chechen problem in Vladislav Listyev’s TV program “The Rush Hour” on the ORT TV Channel¹⁰.

⁸ A fragment of this conversation, broadcast live on television throughout the country, see: URL: <https://www.youtube.com/watch?v=l65v3ZsPQPo> (accessed: 17.02.2021).

⁹ Orlov, O. (2015). The Release of the Hostages in Budennovske: Documents. Program: Hot spots. Echo of Moscow. 28 August. (In Russian). URL: <https://memohrc.org/ru/blogs/osvobozhdenie-zalozhnikov-v-budennovske-dokumenty> (accessed: 17.02.2021).

¹⁰ The Rush Hour with Boris Fedorov, December 22, 1994. (In Russian). URL: https://www.warchechnya.ru/load/video_o_vojne_v_chechne_smotret_on_lajnl/chas_pik_s_borisom_fedorovym_22_dekabrja_1994/6-1-0-955 (accessed: 17.02.2021).

Serious disagreements arose in the DCR party as well. Here is how its chairman Yegor Gaidar describes the situation in his party: “For the DCR, the Chechen war turned into a very difficult internal demarcation line. The party was created as liberal, close to democratic power. There are many people in it who are truly committed to democratic convictions, but there are also many people who have come to support the power that is more or less acceptable to them. I understand that the events in Chechnya are a source of an inevitable split. The liberals will stay with us. Those who came to the party of power will look for another political shore” [Gaidar 1996, p. 322].

By the beginning of the Chechen war, two positions had developed in the leadership of the DCR party: the first position, expressed by Sergei Yushenkov, was to speak out sharply against the military operation in Chechnya and oppose the president; the second or the “conciliatory” position, expressed by the chairman of the Moscow city organization of the party Sergei Blagovolin, was to oppose the methods of the implementation of the military solution to the Chechen problem, but to preserve the possibility of dialogue with the authorities. As a result, the DCR party moved into opposition to the current government, albeit in a rather specific form, since it continued to support any reforms of the government, especially in the economic sphere. Naturally, the supporters of the interactions with the government began to leave the party. In particular, Blagovolin, as well as the chairman of the party executive committee, entrepreneur Oleg Boyko and other supporters of the “conciliatory”, but essentially pro-government position, left the party.

A split also occurred in the “Choice of Russia” faction of the State Duma. Those who, driven by their personal political interests, were leaning towards joining the “party of power” or, at least, active interactions with the authorities, began to leave the faction. A typical example is Foreign Minister Andrei Kozyrev, who supported the military solution to the Chechen problem and left the faction in December 1994. In February 1995, the faction’s deputy chairman, Aleksey Aleksandrov, and one of the co-chairs of the “Choice of Russia” movement, Aleksey Golovkov, who had previously been Yegor Gaidar’s closest associate in the government, left the faction. These “defectors” started to create new pro-government parliamentary groups – “Russia” and “Stability”, and began to recruit the deputies, who left the “Choice of Russia” faction. After these groups were registered, in March 1995, the “Choice of Russia” faction was reduced to 55 people.

Conclusion

The Chechen tragedy led to the Russian political space splitting into three fractions (“localities”), separated from one another by ideological and value cracks of different depth and width.

The first political locality was constituted by the not yet fully formed and incompletely consolidated “party of power”, where the representatives of power structures began to be promoted to leading positions. This, in particular, was evidenced by the incumbent government’s course at strengthening and providing material support to the power structures, as later shown by the deputy of the State

Duma of the first three convocations Vladimir Golovlev when analyzing the budget process in the State Duma of the second convocation (1995–1999) [Golovlev, Nefedova, 2000, pp. 129–139].

A rather deep and wide ideological and value gap separated the locality of the “party in power” from the anti-reform locality dominated by the Communist Party of Russia and the Liberal Democratic Party. These parties periodically publicly confronted not only the current government, but also each other. However, these confrontations never had far-reaching political consequences and often had a momentary, demonstrative character.

On the other hand, the ideological and value gap, which began to gradually expand and deepen, started alienating the reformist-democratic locality from the locality of the “party of power”. This locality, which, due to both objective and subjective reasons, was melting like an iceberg in the turbulent stream of the Russian political life, was dominated by the DCR party and the “Yabloko” association: the not always fundamental ideological and value differences, that existed between these two forces, constantly prevented them from uniting for joint political action.

The Chechen tragedy obviously accelerated the process of the formation and the consolidation of the Russian nomenclature, which was rooted in the Soviet party and economic nomenclature and became the ruling social stratum in post-Soviet Russia. Thus, according to the results of the research of the IS RAS published in 1996, more than 75% of the Russian political and 61% of the business elite came from the Soviet nomenclature [Khenkin 1997, p. 29].

Received / Поступила в редакцию: 10.06.2021

Accepted / Принята к публикации: 15.08.2021

References / Библиографический список

- Dushenko, K. (2020). *Quotes from Russian history. From the vocation of the Varangians to the present day*. Litres. (In Russian).
Душенко К. Цитаты из русской истории. От призвания варягов до наших дней: справочник [Электронная книга]. Издательство Litres, 2000.
- Gaidar, E.T. (1996). *Days of defeat and victory*. Moscow: Vagrius. (In Russian).
Гайдар Е.Т. Дни поражений и побед. М.: ВАГРИУС, 1996.
- Goldstone, J. (2006). Toward a Fourth Generation of Revolutionary Theory. *Logos*, (5), 58–103. (In Russian).
Глодстоун Д. К теории революции четвертого поколения // Логос. 2006. № 5 (56). С. 58–103.
- Golovlev, V.I., & Nefedova, T.I. (2000). *State Duma Second Convocation: Role and Place In Political Turn*. Moscow: Noosfera Foundation. (In Russian).
Головлев В.И., Неведова Т.И. Государственная Дума второго созыва: роль и место в политическом переломе. М.: Фонд «Ноосфера», 2000.
- Khenkin, S.M. (1997). “Party of Power”: Touches to the Portrait. *Politeia*, 1, 28–35. (In Russian).
Хенкин С.М. «Партия власти»: штрихи к портрету // Полития. 1997. № 1. С. 28–35.
- Koryakin, Y. (2007). Change of beliefs (From the “Diary of a Russian reader”). *Znamya Magazine*. № 11. Retrieved February 17, 2021, from <http://znamlit.ru/publication.php?id=3420>. (In Russian).

- Корякин Ю. Перемена убеждений (Из «Дневника русского читателя») // Журнал «Знамя». (2007) № 11. URL: <http://znamlit.ru/publication.php?id=3420> (дата обращения: 17.02.2021).
- Nisnevich, Yu.A. (2015). *Regeneration of the nomenclature as a ruling social order*. Preprint WP14/2015/03. Moscow: HSE Publishing House. (In Russian).
- Нисневич Ю.А. Регенерация номенклатуры как правящего социального строя. Препринт WP14/2015/03. М.: Издательский дом Высшей школы экономики, 2015.
- Nisnevich, Yu.A. (2018). The revolt of the soviet masses: political and anthropological analysis. *Public Sciences and Contemporary World*, 2, 127–139. (In Russian).
- Нисневич Ю.А. Восстание советских масс: политико-антропологический анализ // *Общественные науки и современности*. 2018. № 2. С. 127–139.
- Orlov, O.P., & Cherkasov, A.V. (Eds.). (1998). *Russia – Chechnya: a chain of mistakes and crimes*. Moscow: Zvenya. Retrieved February 17, 2021, from <https://memohrc.org/ru/books/rossiya-chechnya-ser-oshibok-i-prestupleniy> (In Russian).
- Россия – Чечня: цепь ошибок и преступлений / сост. О.П. Орлов, А.В. Черкасов. М.: Звенья, 1998. URL: <https://memohrc.org/ru/books/rossiya-chechnya-ser-oshibok-i-prestupleniy> (дата обращения: 17.02.2021).
- Ortega-i-Gasset, J. (2003). *The Revolt of the Masses*. Moscow: AST Publishers. (In Russian).
- Ортега-и-Гассет Х. Восстание масс. М.: АСТ, 2003.
- Poptsov, O. (1995). *Chronicle of the Times of “Tsar Boris”*. Moscow: Top Secret. (In Russian).
- Попцов О. Хроника времен «Царя Бориса». М.: Совершенно секретно, 1995.
- Yeltsin, B. (1994). *Notes of the President*. Moscow: Ogonek Publishing House. (In Russian).
- Ельцин Б. Записки президента. М.: Издательство «Огонек», 1994.

About the author:

Yuliy A. Nisnevich – Full Professor, Doctor of Political Science, professor, Department of Politics and Governance, National Research University Higher School of Economics (e-mail: jnisnevich@hse.ru) (ORCID: 0000-0001-9911-9623)

Сведения об авторе:

Нисневич Юлий Анатольевич – доктор политических наук, профессор департамента политики и управления Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (e-mail: jnisnevich@hse.ru) (ORCID: 0000-0001-9911-9623)

DOI: 10.22363/2313-1438-2021-23-4-560-569

Научная статья / Research article

Политическая и гражданская идентичность либертарианцев в современной России: проблемы и перспективы

Д.А. Думлер

Пермский государственный национальный исследовательский университет, Пермь,
Российская Федерация

Аннотация. Новым и популярным, особенно среди молодежи, политическим направлением в России в последние годы стало либертарианство. Автор статьи ставит задачу определить, является ли либертарианство в России самостоятельным политическим движением или, скорее, направлением мысли и модным брендом, связанным с кризисом традиционных политических партий. Для этого проведен сравнительный анализ классических работ американских либертарианцев и программных документов Либертарианской партии России, а также проанализировано интервью лидеров Либертарианской партии, опубликованных в СМИ, преимущественно либеральной ориентации. Кроме того, для анализа использованы материалы нескольких интервью, взятых у представителей партии лично автором. Интервью были нацелены, прежде всего, на то, чтобы выяснить, как либертарианцы определяют свою политическую идентичность. Автор приходит к выводу, что политическая идентификация либертарианцев характеризуется тем, что предполагает максимально широкую интерпретацию свободы, личной и экономической. Либертарианцы считают, что такая свобода совместима с правом и законом и противоположна анархии. В то же время они избегают таких определений и норм, которые могли бы стеснить свободу как со стороны государства, так и со стороны ревнителей определенных ценностей и лозунгов, в том числе либеральных. Такой широкий подход затрудняет политическую идентификацию либертарианцев, но способствует их привлекательности в молодежной среде.

Ключевые слова: либертарианство, Либертарианская партия, идеология, политическая идентификация, гражданское общество

Для цитирования: Думлер Д.А. Политическая и гражданская идентичность либертарианцев в современной России: проблемы и перспективы // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2021. Т. 23. № 4. С. 560–569. DOI: 10.22363/2313-1438-2021-23-4-560-569

© Думлер Д.А., 2021

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

Political and Civic Identity of Libertarians in Contemporary Russia: Problems and Perspectives

D.A. Dumler

Perm State University, Perm, Russian Federation

Abstract. Libertarianism is a new ideological trend, popular among young people. We try to find out whether libertarianism rises as independent political movement or it is the reaction on the fall of popularity of traditional political parties. For that purpose, the author made the comparative analysis of the program documents of the Libertarian Party of Russia with the classical works of the American libertarians and analyzed the published interview both of the party leaders/activists and of the experts. The author used the interview which he took from some activists in order to clarify the political identification of the Russian libertarians. The political identity of libertarians is characterized by the broadest possible interpretation of personal and economic freedom. Libertarians believe that such freedom is compatible with law and legality and is opposite to anarchy. At the same time, they avoid definitions and norms that could constrain freedom by both the state and the adherents of certain, including liberal, values and slogans. This broad approach makes it difficult to politically identify libertarians, but contributes to their attractiveness among young people.

Keywords: libertarianism, Libertarian party, ideology, political identification, civic society

For citation: Dumler, D.A. (2021). Political and civic identity of libertarians in contemporary Russia: Problems and perspectives. *RUDN Journal of Political Science*, 23(4), 560–569. (In Russian). DOI: 10.22363/2313-1438-2021-23-4-560-569

Введение

О кризисе идеологий в современной России существует обширный пул исследований [Россия в поисках идеологий... 2016]. В ответ на кризис новых «измов» появляются новые варианты как критики современной, так и предложений новой идеологии. Одним из них стало либертарианство, о котором имеется уже обширная литература, в которой, впрочем, даются не просто разные, но и диаметрально противоположные оценки либертарианства [Block 2014; Doherty 2007; Boston 2000; Tier 1975]. Намного меньше исследовательских работ о Либертарианской партии США, что справедливо отмечает Бенедикт Вес, один из партийных активистов, назвавший свою книгу «Введение в Либертарианскую партию» [Wes 2013]. О российских либертарианцах есть спорадические статьи, но в них не ставится вопрос о политической идентификации партии. В связи с этим в решении поставленной задачи логичнее обратиться к сайтам Либертарианской партии, которые есть и в США, и в России¹.

Цель данной статьи – предпринять попытку идентификации – политической и гражданской – российских либертарианцев. Для этого проанализированы партийные материалы, размещенные на сайтах, классические работы

¹ Сайт Либертарианской партии США. URL: <https://www.lp.org> (дата обращения: 20.06.2021); Сайт Либертарианской партии России. URL: <https://libertarian-party.ru> (дата обращения: 20.03.2021).

американских либертарианцев, ряд интервью активистов Либертарианской партии России, опубликованных в разных изданиях, а также данных непосредственно автору данной статьи.

Проблемная ориентация либертарианцев

Как известно, в политической науке так и не создано универсальной партологической теории, но есть некий набор основных понятий и категорий, определяющих состояние партии. Прежде всего, это проблемная ориентация на традиционной право-левой шкале. Она затруднена тем, что в современном мире шкала утратила очевидность, а также и тем, что внутри самих партий есть свое лево-правое деление.

Автор осознает неоднородность либертарианского движения, в котором есть деление на левых и правых либертарианцев. Возможно, в российской действительности такое деление имеет значение, но это надо объяснить. Можно вспомнить, например, отечественных классиков исследования консерватизма А.А. Галкина и П.Ю. Рахшмира, которые писали в работе «Консерватизм в прошлом и настоящем» об идейно-политической общности и одновременно внутренней неоднородности консерватизма, о различиях между старым консерватизмом и модернизированным неоконсерватизмом, когда второй учитывает изменившиеся обстоятельства и, по возможности, приспосабливается к ним в достижении своих целей [Галкин, Рахшмир 1987]. Такой подход представляется применимым и к другим политическим и идеологическим течениям и движениям.

Либертарианство как манифест

Как правило, при характеристике либертарианства как политической мысли и идеологического течения следуют ссылки на таких классиков, как Дэвид Боуз и Уолтер Блок. «Либертарианство – это убеждение, что каждый человек имеет право жить так, как хочет, если уважает равные права других». «Либертарианцы защищают права каждого человека на жизнь, свободу и собственность – права, которыми люди обладают изначально вне зависимости от существования государства», – заявляет Боуз [Boaz 1997]. Он поясняет этот тезис так: «Либертарианство – это не вседозволенность и не гедонизм. Оно не имеет ничего общего с утверждением, согласно которому “люди могут делать все, что захотят, и никто им не указ”. Нет, либертарианство предлагает общество свободы в рамках закона, где люди вольны жить своей жизнью до тех пор, пока они уважают равные права других. Верховенство права означает, что люди подчиняются общеприменимым и спонтанно возникшим нормам права, а не произвольным приказам, и что эти нормы должны защищать свободу людей в их поисках собственного счастья, а не нацеливать их на достижение заданного кем-то результата» [Boaz 1997].

Либертарианцы считают, что люди имеют только право на свободу от посягательств на свою личность или собственность, а законы лишь должны

обеспечивать такую свободу, а также исполнение «свободно заключенных договоров», – уточняет Уолтер Блок [Block 2014].

Современный манифест либертарианства написал Чандрэн Кукатас, тамиль, выросший в Малайзии, учившийся в Австралии и ставший профессором философии в Лондонской школе экономики. В качестве названия своего манифеста и метафоры для определения идеального, с его точки зрения, мира он предложил «либеральный архипелаг». Во главу угла он ставит вопрос: «определяет ли либерализм набор ценностей и моральных стандартов, которых должно придерживаться любое сообщество, именуемое либеральным, или же он определяет лишь принципы, допускающие сосуществование различных моральных стандартов» [Кукатас 2011]. Этот манифест вызвал волну дискуссий, поскольку перевел вопрос о свободе в более широкую плоскость и подобная широта была принята далеко не всеми.

Организационные контуры либертарианства

В организационном плане Либертарианская партия США была создана еще в 1972 г. и в настоящее время является третьей по силе после Республиканской и Демократической партий. Нет ничего удивительного в том, что за такой длительный период времени как идеология либертарианства, так и его политические последователи дифференцировались на правых и левых. За это время сформировалась и критическая тенденция в отношении либертарианства и либертарианцев. Так, известный американский левый мыслитель Мюррей Букчин заявляет, что название «либертарианство» было украдено у правых либералов, заинтересованных не в свободе, а в частной собственности, поэтому правильнее было бы назвать их «пропертарианцами» (от property – собственность)².

Либертарианская партия в России возникла в 2008 г. и уже претерпела внутрипартийную борьбу и расколы. В фокус российской прессы эта партия попадает как раз либо относительно внутрипартийного раскола, либо относительно задержаний активных членов партии полицией³.

В своих программных документах российские либертарианцы выступают за максимальный уровень личной и экономической свободы, считая вредным и неправильным государственное вмешательство в деятельность людей. На сайте Либертарианской партии России есть рефлексия по поводу деления на правых и левых либертарианцев: «Деление политических движений на „левые“ и „правые“ чаще встречается в США или Европе, в России эта классификация не так популярна. Если обратиться к популярным источникам, то консенсус среди них будет примерно такой:

² Bookchin Murray. The Real Roots of Traditional Libertarianism. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=Cnj3dObd6do> (accessed: 21.04.2021).

³ Хейфец В., Дюрягина К. Либертарианцы раздвоились. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4443758>; <https://www.kommersant.ru/doc/4828290?query=либертарианцы> (дата обращения: 10.05.2021).

- „левые“ выступают за регулирование бизнеса, за экологию, за легализацию марихуаны, за высокие налоги, против интересов банков, за субсидирование культуры и образования, за ограничение доступа граждан к оружию;
- „правые“ выступают против легализации марихуаны, за религию (в том или ином смысле), против регулирования бизнеса, за низкие налоги, против геев (в том или ином смысле), против мигрантов, за активное субсидирование армии»⁴.

Представление о левых и правых представлено на партийном сайте в духе Чандрана Кукатаса: «Либертарианство может собрать в себе как „правых“, так и „левых“, как „белых“, так и „красных“, как „либералов“, так и „консерваторов“, как „западников“, так и „славянофилов“ – просто потому, что либертарианцы считают, что государство не должно делать слишком многого. У людей, которые сходятся в этой мысли, заведомо меньше, чем у остальных, поводов спорить друг с другом о политике, меньше споров о целях и еще меньше – о методах (любые насильственные методы быстро получают у либертарианца низкий рейтинг)»⁵.

Следующий идентификационный маркер, на который указывает сайт Либертарианской партии России: «Один из признаков „левых“ – недоверие к частной собственности в целом и к деньгам в частности; недоверие сильное, вплоть до предложений полностью уничтожить оба эти института. Но либертарианцы, во-первых, строят всю аргументацию вокруг частной собственности, поэтому для них неприемлемо хоть сколько-нибудь скептическое (в том числе „левое“) отношение к ней; во-вторых, либертарианцы не считают материальное неравенство разновидностью неравенства политического – а такое отношение к деньгам, в свою очередь, неприемлемо для „левых“»⁶. Очевидно, это аргументация против обвинений М. Букчина, но прямой дискуссии с его позицией на сайте не представлено.

Зато представлена «диаграмма Нолана», который предложил классифицировать политические взгляды по двум основным критериям: по уровням личной и экономической свободы, при этом, как указано на сайте, наибольшие показатели у либертарианцев по первой шкале.

«Секрет привлекательности» либертарианства для молодежи

Почему либертарианство оказалось популярным в России, особенно среди молодежи? Что в нем привлекает молодежь? Авторы социологического исследования молодежи не ставят целью найти ответ на такой вопрос, но они создают своим исследованием некоторые фреймы и возможности интерпретации [Горшков, Шереги 2020].

⁴ Сайт Либертарианской партии России. URL: <https://libertarian-party.ru> (дата обращения: 20.03.2021).

⁵ Ляленкова Т. Идеи либертарианства в России. URL: <https://www.svoboda.org/a/29822820.html> (дата обращения: 15.06.2021).

⁶ Там же.

Мы попытались уточнить причины привлекательности российских либертарианцев на основании того, как они идентифицируют свое течение.

Нынешний лидер российских либертарианцев Михаил Светов провозглашает: «Люди устали от бесценностного подхода. Им нужно то, что делаю я. Власть вся прожжена цинизмом, а общественный запрос меняется, каждое новое политическое поколение хочет чего-то другого». Политик говорит, что предлагает молодому поколению «новые ценности» и «новую искренность», противопоставляя их «цинизму» времен Владислава Суркова. Впрочем, уточняет Светов, в 2000–2010-х цинизм был действительно востребован, а ситуация отчасти остается прежней. «У нас деидеологизированное общество, и это проблема, это не плюс. Идеология отражает некую систему ценностей. Если у человека нет идеологии – значит, он в принципе не думает в категориях „хорошо“ или „плохо“. Такие люди не склонны ни к какой-то пассионарной деятельности, ни к активному участию в политике», – размышляет либертарианец.

Секретарь Пермского регионального отделения ЛПР Максим Зверев указывает на отличия идеологии либертарианства от либерализма: «Либертарианство – это идеология, которая ставит во главу угла в первую очередь человека. „Слово немного созвучно с либерализмом, но в отличие от либералов мы не считаем, что наши взгляды единственно правильные и мы не стремимся их навязать – мы считаем, что у каждого человека есть свой собственный путь счастья, который они могут выбирать сами и никто не имеет права человеку навязывать то, как ему жить при помощи методов государственного принуждения“»⁷.

В настоящее время известно два течения, отличающихся друг от друга, – минархизм и анархо-капитализм (анкап). По определению Максима Зверева, которое было дано в личных беседах с автором, анкапы считают, что от государства нужно избавиться вообще, минархисты занимают противоположные позиции, полагая, что какие-то функции все же у государства должны быть оставлены. Сторонники этих двух частей либертарианского движения часто спорят между собой. Минархисты говорят, что рынок и добровольные ассоциации не способны выполнять некоторые функции, которые сейчас выполняет в обществе государство, анкапы же заявляют, что каким бы государство ни было, оно все равно обладает его главной особенностью – монополией на насилие⁸.

Бывший глава ЛПР (до 2017 г.) Андрей Шальнев называет «позитивным примером» то, что в партии председатель может не быть «медийно заметным лицом» и такие лица меняются – Шальнев, Бойко, Светов. «Глава партии – политический менеджер, который в первую очередь помогает всему сообществу индивидуалистов работать вместе и двигать проекты, направленные на расширение свободы в нашей стране. На самом деле это намного ценнее и

⁷ Интервью М. Зверева автору. Июль 2021 г.

⁸ Там же.

очень редкая специальность для России – такому вообще не учат», – рассуждает он⁹.

Либертарианцы предложили не самый типичный формат встречи политика с публикой – «Консервативная аниме-вечеринка». Раз в несколько месяцев либертарианцы приглашали всех желающих посмотреть японские мультфильмы, выпить пива и закусить бургерами. Вход на вечеринку платный, но на встречах всегда был аншлаг.

Идеи либертарианства в России на самом деле популярнее, чем многие полагают, считают некоторые эксперты. Так политолог Екатерина Шульман поясняет: «Люди испытывают отвращение к государственному вмешательству, которое не приносит им ничего хорошего, а только отнимает у них деньги и возможности». На ее взгляд, это идеология не столько молодежи, сколько людей бизнеса средней руки, которые не верят в социальное государство¹⁰.

Декларирующая идею минимального вмешательства государства в экономику и частную жизнь гражданина, но при этом не отрицающая институт государства как такового и даже, наоборот, воспринимающая государство как защитника прав и свобод, эта новая для России идеология может в перспективе потеснить «привычных» правых, оттянув у них значительную часть электората, особенно молодого. Тем более если следовать программе ЛПР, в которой есть положения о праве граждан на самооборону, а следовательно, на ношение оружия, что, безусловно, привлекательно как для традиционного правого электората, так и молодежи, которая опасается за свою свободу и безопасность.

Критика либертарианства и проблемы его гражданской идентичности

Сейчас возникло много вариантов критики либертарианства: чем больше успех, тем ожесточенней критика. Боб Блэк в памфлете «Либертарианец как консерватор» заявляет: «Либертарианцы служат государству тем лучше, чем больше они выступают против него» [Блэк 2021].

В российской блогосфере резкие нападки на либертарианство размещены в ресурсе «Мы не Егор Жуков»: «Несмотря на миролюбивую риторику, либертарианство – людоедская и человеконенавистническая идеология. Если нацизм опирался на социал-дарвинизм, но в большей степени эксплуатировал „биологическую“ сторону его, то либертарианство – это социал-дарвинизм с упором в экономику. Хотя либертарианцы любят заявлять о своей якобы архидемократической позиции, в истории была только одна страна, где либертарианство получило возможность для крупного социального эксперимента –

⁹ Ляленкова Т. Идеи либертарианства в России. URL: <https://www.svoboda.org/a/29822820.html> (дата обращения: 15.06.2021).

¹⁰ Барышева Е. Либертарианцы в России – наивные мечтатели? URL: <https://www.dw.com/ru/либертарианцы-в-россии-наивные-мечтатели/a-50596293> (дата обращения: 12.06.2021).

Чили при диктатуре Пиночета. Один из символов либертарианцев – изображение вертолета, с которого падают люди, отсылает как раз к эпохе Пиночета и расправам над коммунистическими и профсоюзными активистами»¹¹.

Обращение, к примеру, Егора Жукова показательно, поскольку Егор в своей громкой речи на судебном процессе идентифицировал себя с либертарианством и провозгласил: «Россия неминуемо стремится к свободе. Не знаю, стану ли свободным я, но Россия точно станет»¹².

Определить гражданскую идентичность либертарианцев еще сложнее, чем политическую, поскольку они так сфокусированы на индивидуальной свободе. Чандрани Кукатас отлично понимает, что такое идентичность и много об этом говорит. Принадлежит сам к нескольким разным общностям, он обращает внимание на то, что общностей множество, человек ощущает свою идентичность с разными из них, они могут меняться, и это отлично. «Либертарианство вряд ли будет достигнуто в своем абсолюте, – рассуждает Светов. – Это некоторый умственный конструкт, компас. Вы смотрите на компас, и он вам показывает правильное направление» [Кукатас 2011].

Гражданскую идентичность либертарианцев можно определить лишь через гражданское общество – считает бывший (до августа 2020 года) председатель, а ныне рядовой член ЛПР Сергей Бойко¹³. Приверженность идеям гражданского общества и его институтам и практикам либертарианцы России демонстрируют не только на словах но и на деле, активно участвуя в их защите. «На их счастье, либертарианцы пока еще не структура, это, скорее, направление мысли», – рассуждает Екатерина Шульман¹⁴. «Это и есть нормальный способ существования человека: своими руками в кооперации делать то, что тебе хочется, нравится и с нуля. Это и есть общественное благо, – утверждает Андрей Бабицкий в радиоинтервью. – У нас нет расхождений в отношении к общественному благу, у нас есть важное расхождение в семантике. Потому что вы противопоставляете общественное благо и частное, а я считаю, что общественное благо – это сумма частных благ»¹⁵.

Представляется, что «Либеральный архипелаг» – красивая метафора, она побуждает к поискам такой организации общества, которая делала бы человека свободным и независимым, в том числе и от принадлежности к группе, т.е. групповой идентичности. Если авторы говорят преимущественно о множественной идентичности современного человека, то либертарианцы, вслед

¹¹ Мы – не Егор Жуков. Материал платформы «Альтернативные левые». URL: <https://altleft.org/2019/12/09/my-ne-egor-zhukov> (дата обращения: 20.01.2020).

¹² Кокшарова С. «Дирижер беспорядков»: Что известно об участнике протестов Егоре Жукове. URL: <https://www.wonderzine.com/wonderzine/life/life/245443-egorzukov> (дата обращения: 13.02.2021).

¹³ Интервью С. Бойко автору. Август 2021.

¹⁴ Барышева Е. Либертарианцы в России – наивные мечтатели? URL: <https://www.dw.com/ru/либертарианцы-в-россии-наивные-мечтатели/a-50596293> (дата обращения: 12.06.2021).

¹⁵ Ляленкова Т. Идеи либертарианства в России. URL: <https://www.svoboda.org/a/29822820.html> (дата обращения: 15.06.2021).

за Кукатасом, предполагают свободный переход от одной идентичности к другой.

Заключение

При попытке соотнести либертарианство с партологическими теориями, обнаруживается, что оно не обладает в России, пожалуй, ни одним из классических признаков партии – ни институционализацией, ни автономией, ни стратегией и тактикой. Насколько можно судить по материалам и выступлениям российских либертарианцев, они и не стремятся к такому статусу. Лозунги и идеи выглядят весьма привлекательными, значительно труднее понять, как их воплотить в жизнь. В то же время в современной ситуации ожесточенности противостояния разных политических сил, даже если их идеи близки друг другу, и враждебности, если идеи расходятся, направление мысли, которое демонстрирует приверженность свободе, воспринимает изменчивость идентичности как ее ключевое свойство, предлагает компас, а не инструкцию, имеет шанс найти отклик у многих россиян, и не только молодых.

Поступила в редакцию / Received: 30.07.2021

Принята к публикации / Accepted: 15.08.2021

Библиографический список

- Блэк Б. Либертарианец как консерватор / пер.: Иван Фурманов. М.: Издательский кооператив «Напильник», 2021.
- Галкин А.А., Рахимир П.Ю. Консерватизм в прошлом и настоящем. М.: Наука, 1987.
- Гориков М.К., Шереги Ф.Э. Молодежь России в зеркале социологии. К итогам многолетних исследований: М.: ФНИСЦ РАН, 2020.
- Кукатас Ч. Либеральный архипелаг. М.: Мысль, 2011.
- Россия в поисках идеологии: трансформация ценностных регуляторов современных обществ / под ред. В.С. Мартыянова, Л.Г. Фишмана. М.: РОССПЭН, 2016.
- Block W. *Towards a Libertarian Society*. Auburn: Mises Institute, 2014.
- Boaz D. *The Libertarian Mind. A Manifesto for Freedom*. N.-Y., L.: Simon&Shuster, 1997.
- Boston T. American Right-wings Libertarians: the opponents of Democracy, Ecology and Ethics // *Democracy and Nature*. 2000. Vol. 6, No. 2. P. 199–210.
- Doherty B. *Radicals for Capitalism: A Freewheeling History of the Modern American Libertarian Movement*. N.-Y.: Public Affairs, 2007.
- Tier M. Libertarians: Radicals on the Right // *Politics*. 1975. Vol. 10. P. 164–168.
- Wes B. Introduction to the Libertarian Party. For Democrats, Republicans, Libertarians, Independents and everyone else. Greatspace Independent Pub, 2013.

References

- Black, B. (2021). *The libertarian as conservative*. Moscow: Napilnik. (In Russian).
- Block, W. (2014). *Towards a Libertarian Society*. Auburn: Mises Institute.
- Boaz, D. (1997). *The Libertarian Mind. A Manifesto for Freedom*. N.-Y., L.: Simon&Shuster.
- Boston, T. (2000). American Right-wings Libertarians: the opponents of Democracy, Ecology and Ethics. *Democracy and Nature*, 6(2), 199–210.
- Doherty, B. (2007). *Radicals for capitalism: A freewheeling history of the modern American libertarian movement*. N.-Y.: Public Affairs.

- Galkin, A., & Rakhshmir, P. (1987). *Conservatism in the past and present*. Moscow: Nauka. (In Russian).
- Gorshkov, M., & Sheregy, F. (2020). *The youth of Russia in the mirror of sociology. To the results of long-term research*. Moscow: FCTAS RAN. (In Russian).
- Kukatas, Ch. (2011). *The liberal archipelago. A theory of diversity and freedom*. Moscow: Mysl. (In Russian).
- Martianov, V., & Fishman, L. (Eds.). (2016). *Russia in search of ideologies the transformation of value regulators of modern*. Moscow: ROSSPEN. (In Russian).
- Tier, M. (1975). Libertarians: Radicals on the Right. *Politics*, 10, 164–168.
- Wes, B. (2013). *Introduction to the Libertarian party. For democrats, republicans, libertarians, independents and everyone else*. Greatespace Independent Pub.

Сведения об авторе:

Думлер Денис Андреевич – соискатель кафедры политических наук Пермского государственного научно-исследовательского университета (e-mail: dumlerden@yandex.ru) (ORCID: 0000-0003-1995-1028)

About the author:

Denis A. Dumler – Applicant at the Political Science Department, Perm State University (e-mail: dumlerden@yandex.ru) (ORCID: 0000-0003-1995-1028)

DOI: 10.22363/2313-1438-2021-23-4-570-583

Научная статья / Research article

Политическое доверие и ценности лояльной и оппозиционной молодежи в эксклавном регионе России

А.В. Щекотуров

Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Калининград, Российская Федерация

Аннотация. В статье рассматривается специфика доверия общественным и политическим институтам, а также отношение к материалистическим и постматериалистическим ценностям лояльной и оппозиционной власти молодежи Калининградской области. Исследование опирается на концепцию ценностей Р. Инглхарта и понимание доверия, изложенное в трудах П. Штомпки и Э. Гидденса. Основной метод – онлайн-анкетирование молодежи в возрасте 18–35 лет ($n = 987$). В результате исследования были выделены три группы институтов в зависимости от степени доверия, которые они вызывают. Подтверждена гипотеза о том, что лояльная власти молодежь демонстрирует большее доверие традиционным и государственным институтам. Выявлено, что в целом молодые люди на первое место ставят постматериалистические ценности. При этом материалистические ценности более свойственны лояльной власти молодежи. Сделан вывод о том, что политическое доверие лояльной и оппозиционной молодежи различается в зависимости от возможности влияния на институт. Доверие лояльной молодежи основано на значимости социального статуса, а доверие оппозиционной молодежи – на свободе выражения личного мнения.

Ключевые слова: политическое доверие, ценность, молодежь, Калининградская область

Для цитирования: *Щекотуров А.В.* Политическое доверие и ценности лояльной и оппозиционной молодежи в эксклавном регионе России // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2021. Т. 23. № 4. С. 570–583. DOI: 10.22363/2313-1438-2021-23-4-570-583

Political Trust and Values of Loyal and Oppositional Youth in the Exclave Region of Russia

A.V. Shchekoturov

Immanuel Kant Baltic Federal University, Kaliningrad, Russian Federation

Abstract. The study determines the level of trust in public and political institutions among the loyal and oppositional youth of the Kaliningrad region, as well as their attitudes towards materialistic and post-materialistic values. The study is based on R. Inglehart's theory of value and the understanding of trust as described in the works of P. Sztompka and A. Giddens. The author relies

© Щекотуров А.В., 2021

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

on an online survey conducted among young people aged between 18 and 35 (n = 987). As a result of the study, the author defines three groups of institutions, depending on the degree of trust in them. The study confirms the hypothesis that young people loyal to the government demonstrate greater trust in traditional and state institutions. It also reveals that, in general, young people put post-materialistic values in the first place, while materialistic values are more characteristic of the youth loyal to the government. The author concludes that the level of the political trust towards a certain institution among loyal and oppositional youth differs depending on the possibility of influencing the institution. The trust of loyal youth is based on the importance of social status, and the trust of oppositional youth is based on the freedom of expression.

Keywords: political trust, value, youth, Kaliningrad region

For citation: Shchekoturov, A.V. (2021). Political trust and values of loyal and oppositional youth in the exclave region of Russia. *RUDN Journal of Political Science*, 23(4), 570–583. (In Russian). DOI: 10.22363/2313-1438-2021-23-4-570-583

Введение

Проблема формирования доверия, ценностей и политического поведения в молодежной среде всегда рассматривалась в мультиинституциональном ключе: с позиции науки, государства, семьи, церкви, армии и проч. Как правило, актуальность научных исследований была продиктована очередным избирательным циклом [Пырма 2020; Савруцкая, Устинкин, Бикметова, Никитин 2017], включенностью молодежи в институты гражданского общества [Лагутин 2021], оценкой протестных настроений [Вардикян, Николаева, Савченко 2021; Руденкин 2019], деятельностным, инновационным и мобильным потенциалом молодежи [Леонов 2008; Титов, Самохвалов 2019] или оценкой «глубины общественно-политических противоречий в обществе» [Трофимова 2017:306].

В настоящее время мы выделяем три главных аргумента, определяющих значимость изучения политического доверия и ценностей российской молодежи:

1) отношение к избирательной кампании (осень 2021 года) и выборам Президента РФ (2024 год);

2) рост числа протестных митингов и акций в 2017–2021 гг.;

3) обретение политической субъектности молодых людей, родившихся в «более стабильный и относительно благополучный период – с начала нового тысячелетия» [Радаев 2018:18], «непуганое репрессиями»¹ поколение Z (ценности).

На региональном уровне социально-экономическую значимость исследования политического доверия приобретают такие эмпирически зафиксированные особенности молодежи, как «латентная неудовлетворенность перспективами трудоустройства» [Колосов, Вендина 2014:24] и декларативная готовность к переезду за рубеж [Винокуров 2017:70], «абсентеизм,

¹ Дергачев В., Шамина О., Рында А., Козлов П., Барабанов И., Фохт Е. «Выросло непуганое поколение»: ответы на главные вопросы о новой волне протестов в России. 2021. URL: <https://www.bbc.com/russian/features-55802391> (дата обращения: 23.06.2021).

выражающийся в невысокой электоральной активности и недоверии к институту политических партий» [Кришталь 2018:105].

Цель данного исследования – выявить специфику доверия к основным общественно-политическим институтам и систему ценностей среди лояльной и оппозиционной власти молодежи Калининградской области.

Политическое доверие и ценности в молодежной среде

Доверие является одним из фундаментальных свойств социальных систем и «оказывается существенным стратегическим и тактическим ресурсом, способным формировать различные представления о той или иной фигуре, группе лиц или организации» [Киселев 2014:52]. Доверие – многозначный термин. Так, П. Штомпка определяет доверие через «ожидание добросовестного поведения» [Штомпка 2012:45], Ф. Фукуяма – как честное и предсказуемое поведение членов общества в согласии с общими нормами [Фукуяма 2004:52], а А. Селигмен – как «отношения, где действия, характер или намерения другого не могут быть удостоверены» [Селигмен 2002:17].

П. Штомпка выделяет постепенно расширяющиеся концентрические круги доверия: «...от самых конкретных межчеловеческих отношений до более абстрактного отношения к публичным объектам, структурам, учреждениям, организациям, государствам» [Штомпка 2012:115]. Э. Гидденс определяет виды доверий по типам отношений: личные обязательства (персональное доверие) и безличные обязательства, соответствующие институциональному доверию, то есть доверию по отношению к абстрактным системам и социальным институтам [Гидденс 2011]. А.В. Кученкова определяет институциональное доверие как «ожидание человеком (или группой) предсказуемости функционирования института, отношение к поведению тех, кто его олицетворяет, а также ожидание того, что они будут соответствовать принятым нормам и правилам» [Кученкова 2017:114].

В различных сферах социального взаимодействия доверие принимает разные формы: социальное, политическое, межличностное, международное и прочее [Малкина, Овчинников, Холодилин 2020:80]. Политическое доверие определяется как «уверенность граждан страны (или некоторой их части) в правильности политических позиций и действий тех или иных политических сил, институтов, государственных и политических деятелей, соответствии их политических позиций своим собственным убеждениям, в способности конкретных политических субъектов реализовать провозглашенные цели и программные установки, готовность оказывать им поддержку» [Козырева, Смирнов 2015:81].

В данной работе политическое доверие рассмотрено в институциональном и персональном ключе. В качестве оперантов институционального политического доверия выступили такие учреждения, как церковь, вооруженные силы, СМИ, ВУЗы (государственные и частные), полиция, банки, правозащитные организации и благотворительные фонды, международные

организации, лечебные учреждения (государственные и частные) и суды. Индикатором послужила оценка доверия каждому институту от 1 до 5, где 1 – полностью не доверяю, 5 – полностью доверяю. Оперантами персонального доверия выступили федеральные и региональные чиновники и общественно-политические деятели. Оценка доверия им определялась по аналогичной пятибалльной шкале.

Изучение ценностей в молодежной среде основано на концепции Р. Инглхарта, которая получила теоретическую ценность и прикладную значимость в политической социологии [Инглхарт 1997]. В своей концепции он исходит из двух предположений: 1) наибольшая субъективная ценность придается тому, в чем индивид испытывает недостаток; 2) базовые ценности индивида в значительной степени отражают условия его социализации.

Р. Инглхарт выделяет материалистические (ценность физической и психологической безопасности, экономического благополучия) и постматериалистические (самовыражение, самоактуализация) ценности. В соответствии с этим подходом нами было сформулировано по две позиции, относящиеся к каждому типу ценностей. К материалистическим ценностям мы отнесли следующие позиции: «социально-экономическое равенство» и «занятие высокого социального статуса». Ко второму типу – «свободное выражение личного мнения» и «культурное и интеллектуальное саморазвитие». Респондентам было предложено выразить отношение по пятибалльной шкале, где 1 – «малозначимо», 5 – «высоко значимо».

Эмпирические исследования свидетельствуют о неоднозначном отношении молодежи к политическому устройству государства. Согласно общенациональному опросу, проведенному Институтом социологии РАН в 2014–2016 гг., среди молодежи 18–30 лет наибольшую значимость для организации общественно-политической жизни имеют такие принципы, как независимость суда (88%) и свобода слова и СМИ (87%) [Трофимова 2017:310]. В то же время уровень доверия к судебной системе, телевидению и прессе среди 18–30-летних респондентов составляет 25, 35 и 30% соответственно [Трофимова 2017:317]. Данное расхождение свойственно и законодательным институтам, и политическим партиям, с деятельностью которых молодежь себя не идентифицирует [Савруцкая, Устинкин, Бикметова, Никитин 2017:16]. Это свидетельствует о кризисе доверия базовым институтам гражданского и демократического общества и, как следствие, не способствует вовлечению молодежи в политическую жизнь общества.

О.В. Попова и О.В. Лагутин выделяют восемь различных групп молодежи: от индифферентных и пассивно-декларативных до политизированных или использующих «блат» и коррупционные практики [Попова, Лагутин 2019:618]. Исследователи устанавливают, что для респондентов с патерналистским типом сознанием характерно амбивалентное отношение к региональному парламенту, для онлайн-активистов – абсолютное недоверие к премьер-министру Д.А. Медведеву, а молодежь, отнесенная к группе активного электората, продемонстрировала склонность к абсолютному недоверию в отношении РПЦ

[Попова, Лагутин 2019:615]. В зависимости от ценностных ориентаций и типов политического участия выделяют четыре группы молодежи: консервативно-этактистскую, центристскую, государственно-патерналистскую и умеренно-этактистскую [Лагутин 2021:115]. По отношению к институтам власти Р.В. Пырма говорит о четырех типах молодежи: лояльная активная, лояльная пассивная, протестная пассивная и протестная активная [Пырма 2020:160]. Поскольку мы изучаем политическое доверие через отношение к институтам и общественно-политическим деятелям, мы опираемся на типологию Р.В. Пырмы. Однако в соответствии с целью нашего исследования мы несколько укрупнили его типологию, выделив лояльную и оппозиционную власти молодежь вне зависимости от их протестных практик. Определение этих двух типов строилось на степени доверия двум деятелям: Президенту России В.В. Путину и представителю внесистемной оппозиции А.А. Навальному, осведомленность о деятельности которого выросла до 80% в 2020 году². Выбор именно этих общественно-политических деятелей обусловлен и эмпирическими данными. В частности, в ходе ассоциативного эксперимента со студентами МГЛУ было установлено, что на слово-стимул «власть» большинство назвало лишь две персоны: В. Путин и А. Навальный [Ускова, Думина, Викулина 2021:439].

Исходя из представленных данных, мы заключаем, что политические настроения молодежи неоднородны и во многом обусловлены отношением к действующей власти и собственной системой ценностей. Разделение молодежи на две группы (лояльная – оппозиционная), как и выделение различий по признаку ценностей (материалистические – постматериалистические), является эмпирически подкрепленным решением. В соответствии с логикой представленных исследований нами было сформулировано две гипотезы:

гипотеза 1: лояльная власти молодежь будет демонстрировать большую склонность доверять традиционным (церковь, СМИ) и государственным (государственные ВУЗы, поликлиники, суды, полиция и т.д.) институтам;

гипотеза 2: доверие к оппозиции основано на постматериалистических ценностях.

Методика

Исследовательский метод – онлайн-анкетирование молодежи Калининградской области в возрасте 18–35 лет с последующим корреляционно-регрессионным анализом в программе SPSS. Опрос был проведен в марте 2021 г. Количество опрошенных составило 987 человек (доверительный интервал 95%, погрешность $\pm 5\%$). Реализована двухступенчатая выборка, квотная для каждого городского округа и муниципалитета. Стратификация генеральной совокупности производилась по признаку пола и возраста.

² Алексей Навальный: отравление и отношение. URL: <https://www.levada.ru/2020/10/02/aleksej-navalnyj-otnoshenie-i-otrvavlenie/> (дата обращения: 23.06.2021). АНО «Левада-Центр» внесена в реестр некоммерческих организаций, выполняющих функции иностранного агента.

Результаты

Предварительный анализ частотного распределения доверия социальным и политическим институтам (табл. 1) показал, что можно выделить три группы институтов: 1) вызывающие доверие ($Me = 4$); 2) вызывающие недоверие ($Me = 2$); 3) вызывающие двойственное отношение ($Me = 3$). Проводя сравнение с аналогичным вопросом в ходе исследования политического сознания молодежи Алтайского края, Ленинградской и Новосибирской областей, Санкт-Петербурга, мы фиксируем сходство в оценках. Как и наши коллеги, мы склонны считать, что имеется «если не кризис доверия социальным и политическим институтам со стороны молодежи, то как минимум раскол в оценках» [Попова, Лагутин 2019:612]. Подтвердился вывод П.М. Козыревой и А.И. Смирнова о том, что «меньшим доверием пользуются институты, помогающие реализовывать гражданские и политические права. Участие в политической жизни не воспринимается большинством россиян как инструмент изменений, а право пользоваться такого рода инструментами не особенно ценится» [Козырева, Смирнов 2015:83] (табл. 1).

Для проверки первой гипотезы был использован корреляционный анализ, выполненный с помощью коэффициента r Спирмена (табл. 2). Отметим, что корреляционный анализ показал статистически достоверную отрицательную связь между доверием к В.В. Путину и А.А. Навальному ($r = -0,296$ при $p < 0,001$). Другими словами, молодежь, доверяющая Президенту России, склонна не доверять представителю оппозиции, и наоборот. Это позволяет говорить о корректности выделения двух типов молодежи в зависимости от их доверия представителям власти и оппозиции.

Таблица 1

Доверие калининградской молодежи общественно-политическим институтам и учреждениям (по шкале от 1 до 5 баллов)

Институты	Медиана Me	Среднее значение μ	Стандартное отклонение σ
Благотворительные фонды	4	3,44	1,458
Международные организации	4	3,63	1,516
Частные лечебные учреждения	4	3,62	1,317
Вооруженные силы	3	2,95	1,537
Электронные СМИ	3	3,09	1,309
Частные вузы	3	3,40	1,530
Государственные вузы	3	3,21	1,431
Полиция	3	2,72	1,395
Банки	3	3,09	1,428
Правозащитные организации	3	3,36	1,492
Государственные лечебные учреждения	3	2,84	1,369
Суды	3	3,02	1,674
Церковь	2	2,56	1,656
Традиционные СМИ	2	2,32	1,359

Источник: составлено автором по результатам исследования.

Table 1

**Trust of Kaliningrad youth in socio-political institutions and facilities
(on a scale from 1 to 5 points)**

Institutions	Median Me	Mean μ	Standard deviation σ
Charitable foundations	4	3,44	1,458
International organizations	4	3,63	1,516
Private health facilities	4	3,62	1,317
Armed forces	3	2,95	1,537
Electronic media	3	3,09	1,309
Private universities	3	3,40	1,530
State universities	3	3,21	1,431
Police	3	2,72	1,395
Banks	3	3,09	1,428
Human rights organizations	3	3,36	1,492
Public health facilities	3	2,84	1,369
Courts	3	3,02	1,674
Church	2	2,56	1,656
Traditional media	2	2,32	1,359

Source: made by the author.

Таблица 2

**Корреляция доверия Президенту России и лидеру оппозиции
с доверием к общественно-политическим институтам и учреждениям**

Институты	Лояльная молодежь	Оппозиционная молодежь
Церковь	,476**	,076*
Вооруженные силы	,525**	-,020
СМИ (печатные газеты, радио, телевидение и др.)	,349**	,057
Электронные СМИ (интернет-ресурсы)	,015	,249**
Частные ВУЗы	,116**	,207**
Государственные ВУЗы	,344**	,086**
Полиция	,534**	,027
Банки	,275**	,127**
Правозащитные организации	,207**	,192**
Благотворительные фонды	,104**	,284**
Международные организации	,078*	,264**
Частные лечебные учреждения	,128**	,134**
Государственные лечебные учреждения	,296**	,089**
Суды	,445**	,091**

* Корреляция значима на уровне 0,05 (двусторонняя).

** Корреляция значима на уровне 0,01 (двусторонняя).

Источник: составлено автором по результатам исследования.

В результате анализа корреляций были зафиксированы отчетливые различия между двумя типами молодежи, свидетельствующие уже о расколе внутри молодежи. Во-первых, для лояльной молодежи характерна сильная связь с доверием церкви, вооруженным силам, полиции и судам, в то время

как среди оппозиционной молодежи нет ни одного института, имеющего схожую силу корреляции. Во-вторых, доверие к А.А. Навальному ассоциировано у молодежи в большей степени с доверием к электронным СМИ, благотворительным фондам и международным организациям. В-третьих, институты, вызывающие большее доверие у лояльной молодежи, в меньшей степени ассоциированы с доверием у оппозиционной молодежи, и наоборот. Речь идет об уже упомянутых институтах, а также о традиционных СМИ, государственных вузах и лечебных учреждениях, банках. Исключение составляют частные вузы, правозащитные организации и частные лечебные учреждения, в отношении которых наблюдается примерно равная сила связи с каждым типом молодежи. Таким образом, гипотеза о том, что лояльная власти молодежь будет демонстрировать большую склонность доверять традиционным и государственным институтам, подтвердилась полностью.

Table 2

Correlation of trust in the President of Russia and the leader of the opposition with trust in socio-political institutes and institutions

Institutions	Loyal youth	Opposition youth
Church	,476**	,076*
Armed forces	,525**	-,020
Mass media (printed newspapers, radio, television, etc.)	,349**	,057
Electronic media (Internet resources)	,015	,249**
Private universities	,116**	,207**
State universities	,344**	,086**
Police	,534**	,027
Banks	,275**	,127**
Human rights organizations	,207**	,192**
Charitable foundations	,104**	,284**
International organizations	,078*	,264**
Private clinics	,128**	,134**
Public clinics	,296**	,089**
Courts	,445**	,091**

*p < .05 (two-tailed significance tests)

**p < .01 (two-tailed significance tests)

Source: made by the author.

Частотный анализ ценностей опрошенной молодежи (рис. 1) показал, что в целом молодые люди на первое место ставят постматериалистические ценности: свободу выражения личного мнения (85%) и саморазвитие (82,9%). «Ценностное движение в сторону постматериализма» [Селезнева, Антонов 2020:236] зафиксировано и на уровне всероссийского опроса молодежи в возрасте от 15 до 30 лет (рис. 1).

Для проверки гипотезы о связи лояльной и оппозиционной молодежи с определенным набором ценностей использовалась регрессия методом наименьших квадратов. Зависимая переменная – тип молодежи, предикторы – отношение к ценностям (табл. 3).

Рис. 1. Оценка значимости ценностей калининградской молодежью, %
 Источник: составлено автором по результатам исследования.

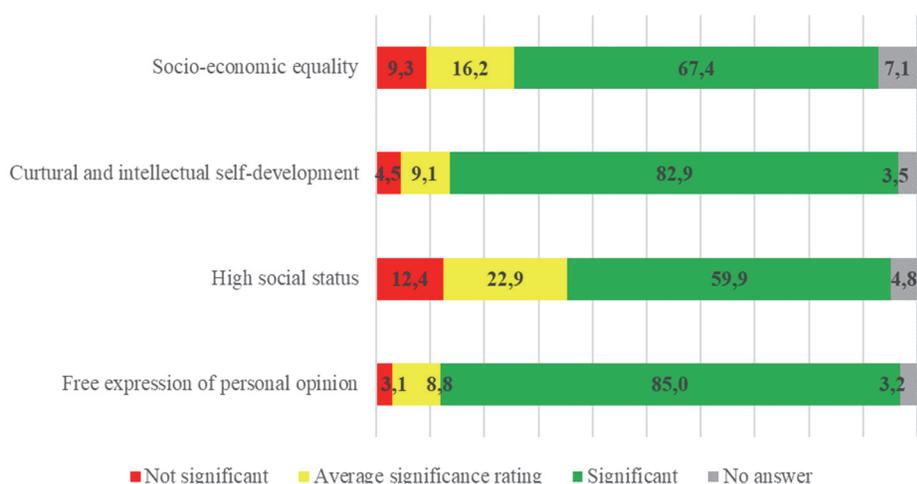

Fig. 1. Assessment of values' significance by Kaliningrad youth, %
 Source: made by the author.

Величина стандартизированного R^2 показывает, что уравнения регрессии объясняют 9,1% и 5,2% дисперсии доверия у лояльной и оппозиционной молодежи соответственно. Это считается достаточно низким показателем, и для лучшего понимания типов молодежи требуется подбор других факторов. Однако нас интересует сравнение типов друг с другом, с точки зрения их отношения к ценностям. Это представляется возможным, поскольку в регрессионную модель включены только статистически достоверные связи (на уровне 0,05).

Коэффициент регрессии демонстрирует, что предикторами, влияющими на доверие к власти, являются свободное выражение личного мнения ($b_1 = -0,368$) и высокий социальный статус ($b_2 = 0,195$). Отрицательная связь

с одним коэффициентом и положительная связь с другим позволяют интерпретировать первую модель регрессии следующим образом: рост доверия молодежи власти сопровождается повышением значимости высокого социального статуса и снижением ценности свободного выражения личного мнения.

Ценностями, определяющими доверие к оппозиции, стали свобода выражения мнения ($b_1 = 0,264$), культурное и интеллектуальное саморазвитие ($b_1 = -0,163$), а также социально-экономическое равенство ($b_1 = 0,191$). Учитывая различия в направлении связи, получается следующая модель регрессии: доверие к оппозиции тем больше, чем сильнее молодежь ценит свободу выражения личного мнения и социально-экономическое равенство и чем менее значимо для нее культурное и интеллектуальное саморазвитие (табл. 3).

Таблица 3

**Детерминанты доверия Президенту России и лидеру оппозиции:
результаты регрессионного анализа**

Предикторы	Лояльная молодежь			Оппозиционная молодежь		
	Коэффициент регрессии	Стандартная ошибка	Бета	Коэффициент регрессии	Стандартная ошибка	Бета
Константа	2,565	0,419	–	1,447	0,476	–
Свободное выражение личного мнения	-0,368	0,076	-0,172	0,264	0,090	0,113
Занятие высокого социального статуса	0,195	0,048	0,145	–	–	–
Культурное и интеллектуальное саморазвитие	–	–	–	-0,163	0,081	-0,075
Социально-экономическое равенство	–	–	–	0,191	0,057	0,124
R ²	0,091			0,052		

Источник: составлено автором по результатам исследования.

Table 3

**Determinants of trust in the President of Russia and the leader of the opposition:
the results of regression analysis**

Predictors	Loyal youth			Opposition youth		
	Regression coefficient	Standard error	Beta	Regression coefficient	Standard error	Beta
Constant	2,565	0,419	–	1,447	0,476	–
Free expression of personal opinion	-0,368	0,076	-0,172	0,264	0,090	0,113
High social status	0,195	0,048	0,145	–	–	–
Cultural and intellectual self-development	–	–	–	-0,163	0,081	-0,075
Socio-economic equality	–	–	–	0,191	0,057	0,124
R ²	0,091			0,052		

Source: made by the author.

Полученные результаты не позволяют полностью подтвердить гипотезу о том, что постматериалистические ценности определяют доверие молодежи к оппозиции. Обратное более применимо к лояльной молодежи: их доверие власти основано на значимости социального статуса и отрицании ценности свободы личного мнения.

Интерпретация и выводы

Во-первых, выделены три группы социальных и политических институтов, пользующихся разной степенью доверия у калининградской молодежи. Наибольшее доверие молодые люди выразили институтам третьего сектора и коммерческим учреждениям, наименьшее – церкви и СМИ (телевидение, радио и пресса). На наш взгляд, эти группы отличает степень контролирующей возможности индивида. Частные лечебные учреждения и благотворительные фонды существуют за счет финансовых средств, привлекаемых у своих клиентов и спонсоров. Вопрос окупаемости неприменим к церковным организациям, а источник существования большинства традиционных СМИ – государственная поддержка и/или реклама. Выбрав данный интерпретационный ракурс, мы можем говорить о том, что в целом молодые люди испытывают большее доверие тем институтам, в которых они могут проявить свою волю и влияние.

Во-вторых, выявлено, что отношение к данным группам отличается в зависимости от доверия власти. Так, лояльная молодежь в большей мере доверяет традиционным и государственным институтам, оппозиционная – новым медиа и третьему сектору. Доверяя центральному политическому институту, молодежь выражает поддержку учреждениям, находящимся в сфере его воздействия. Верно и обратное: не доверяя государству, молодые люди выбирают институты, которые находятся вне зоны его прямого контроля. Обобщая, можно предположить, что лояльная молодежь полагается на институты, регулирующие их деятельность, в то время как оппозиционная молодежь выбирает то, на что сама может повлиять.

В-третьих, выбор постматериалистических ценностей у молодежи в целом чаще. Согласно Р. Инглхарту, это означает, что у большей части калининградской молодежи есть запрос на саморазвитие и самовыражение. Большая склонность лояльных власти молодых людей к материалистическим ценностям может быть объяснена условиями их социализации, ограниченными социально-экономическими условиями. Как следствие, высокий социальный статус становится одной из главных жизненных детерминант. В структуре ценностей оппозиционной молодежи представлены как материалистические, так и постматериалистические ценности. Экстраполируя подход Р. Инглхарта, результаты исследования свидетельствуют о том, что данный тип молодежи испытывает затруднения в выражении своей позиции и не согласен с текущим положением в экономической сфере. Неоднозначную интерпретацию вызывает низкая оценка значимости культурного и интеллектуального саморазвития среди оппозиционной молодежи. С одной стороны, это может означать, что эти молодые люди не заинтересованы в культурном обогащении. С другой стороны, они

могут считать себя уже достаточно образованными или не испытывать в этом ресурсе потребности. Так или иначе, обнаруженная связь требует качественной интерпретации и дополнительного изучения.

Проведенное исследование позволило выявить специфику доверия к основным общественно-политическим институтам и систему ценностей лояльной и оппозиционной власти молодежи Калининградской области. Полученные результаты свидетельствуют о существовании двух ценностно и политически различных типов молодежи. Политическое доверие во многом строится на эффективном функционировании как государственных, так и неправительственных социальных институтов, а также на возможности молодежи выражать свою позицию и влиять на качество жизни.

Поступила в редакцию / Received: 30.07.2021

Принята к публикации / Accepted: 15.08.2021

Библиографический список

- Вардибян М.С., Николаева А.А., Савченко И.А.* Социологическое исследование протестных настроений современной молодежи // *Власть*. 2021. № 1. С. 118–122.
- Винокуров В.В.* Интеллектуальная миграция студенческой молодежи Калининградской области: ожидания и реальность // *Власть*. 2017. № 7. С. 69–74.
- Гидденс Э.* Последствия современности. М.: Праксис, 2011.
- Инглхарт Р.* Постмодерн: меняющиеся ценности и изменяющиеся общества // *Полис. Политические исследования*. 1997. № 4. С. 6–32.
- Киселев В.О.* Доверие к политическим институтам в России: опыт социологического мониторинга // *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*. 2014. № 6 (124). С. 51–64. DOI: 10.14515/monitoring.2014.6.05
- Козырева П.М., Смирнов А.И.* Политическое доверие в России: некоторые особенности и проблема оптимальности // *Вестник Института социологии*. 2015. № 1 (12). С. 79–99.
- Колосов В.А., Вендина О.И.* Геополитическое видение мира, идентичность и образы друг друга в представлениях молодых жителей Калининграда, Гданьска и Клайпеды // *Балтийский регион*. 2014. № 4 (22). С. 7–29.
- Кришталь М.И.* Политические настроения молодежи Калининградской области (социологический анализ) // *Русская политология*. 2018. № 3 (8). С. 105–111.
- Кученкова А.В.* Российская интеллигенция и институты: доверие или отчуждение? // *Социологические исследования*. 2017. № 10. С. 113–121. DOI: 10.7868/S0132162517100129
- Лагутин О.В.* Ценностные ориентации российской молодежи в моделях взаимодействия государства и гражданского общества // *Вестник Российского университета дружбы народов*. Серия: Политология. 2021. Т. 23. № 1. С. 107–117. DOI: 10.22363/2313-1438-2021-23-1-107-117
- Леонов К.А.* Политическая активность молодежи и уровень доверия к политическим институтам // *Социология власти*. 2008. № 1. С. 106–112.
- Малкина М.Ю., Овчинников В.Н., Холодильни К.А.* Институциональные факторы политического доверия в современной России // *Journal of Institutional Studies*. 2020. № 12 (4). С. 77–93. DOI: 10.17835/2076-6297.2020.12.4.077-093
- Попова О.В., Лагутин О.В.* Политические настроения молодежи: лояльность или протест? // *Вестник Российского университета дружбы народов*. Серия: Политология. 2019. Т. 21. № 4. С. 599–619. DOI: 10.22363/2313-1438-2019-21-4-599-619
- Пырма Р.В.* Теоретические аспекты исследования политических предпочтений российской молодежи // *Власть*. 2020. № 4. С. 157–162.

- Радаев В.В. Миллениалы на фоне предшествующих поколений: эмпирический анализ // Социологические исследования. 2018. № 3. С. 15–33. DOI: 10.7868/S0132162518030029
- Руденкин Д. В. Фактор ценностей в развитии протестных настроений молодежи: итоги пилотажного исследования // Мир науки. Социология, филология, культурология. 2019. Т. 10. № 1. URL: <https://sfk-mn.ru/issue-1-2019.html> (дата обращения: 23.06.2021).
- Савруцкая Е.П., Устинкин С.В., Бикметова Т.И., Никитин А.В. Ценностные ориентации молодежи в ее отношении к системе политических институтов современной России // Власть. 2017. № 5. С. 8–17.
- Селезнева А.В., Антонов Д.Е. Ценностные основания гражданского самосознания российской молодежи // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2020. № 58. С. 227–241. DOI: 10.17223/1998863X/58/21
- Селигмен А. Проблема доверия. М.: Идея-Пресс, 2002.
- Титов В.В., Самохвалов Н.А. Анализ социально-политических ценностей молодежи на современном этапе развития российского общества // Азимут научных исследований: экономика и управление. 2019. Т. 8. № 1 (26). С. 51–54.
- Трофимова И.Н. Политические ориентации современной российской молодежи // Россия реформирующаяся. 2017. № 15. С. 304–324.
- Ускова Т.В., Думина Е.В., Викулина М.А. Иерархия ценностей российской молодежи и восприятие государственной системы родной страны как фактор формирования единой цивилизационной платформы // Заметки ученого. 2021. № 3–1. С. 434–443.
- Фукуяма Ф. Доверие: социальные добродетели и путь к процветанию. М.: ООО «Издательство АСТ»: ЗАО НПП «Ермак», 2004.
- Штомпка П. Доверие – основа общества. М.: Логос, 2012.

References

- Fukuyama, F. (2004). *Trust: social virtues and the creation of prosperity*. Moscow: LLC “Publishing House АСТ”: Ermak. (In Russian).
- Giddens, E. (2011). *The consequences of modernity*. Moscow: Praxis. (In Russian).
- Inglehart, R. (1997). Postmodern: Changing values and changing societies. *Polis. Political studies*, (4), 6–32. (In Russian).
- Kiselev, V.O. (2014). Trust in Russian political institutions: Sociological monitoring case study. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes Journal (Public Opinion Monitoring)*, 6(124), 51–64. DOI: 10.14515/monitoring.2014.6.05 (In Russian).
- Kozyreva, P.M., & Smirnov, A.I. (2015). Political Trust in Russia: Some Features and the Problem of Optimality. *Vestnik instituta sotziologii*, 1(12), 79–99. (In Russian).
- Kolosov, V.A., & Vendina, O.I. (2014). The Youth in Kaliningrad, Gdansk and Klaipeda: Geopolitical Vision of the World, Identity and Images of the Other. *The Baltic region*, 4(22), 7–29. (In Russian).
- Krishtal, M.I. (2018). Political sentiments of the youth of the Kaliningrad region (a sociological analysis). *Russian Political Science*, 3(8), 105–111. (In Russian).
- Kuchenkova, A.V. (2017). Russian intelligentsia and institutions: trust or alienation? *Sociological Studies*, 10, 113–121. DOI: 10.7868/S0132162517100129 (In Russian).
- Lagutin, O.V. (2021). Value Orientations of Russian Youth in Interaction Models between the State and Civil Society. *RUDN journal of political science*, 23(1), 107–117. DOI: 10.22363/2313-1438-2021-23-1-107-117 (In Russian).
- Leonov, K.A. (2008). Political activity of young people and the level of trust in political institutions. *Sociology of power*, (1), 106–112. (In Russian).
- Malkina, M.Yu., Ovchinnikov, V.N., & Kholodilin, K.A. (2020). Institutional Factors Influencing Political Trust in Modern Russia. *Journal of Institutional Studies*, 12(4), 77–93. DOI: 10.17835/2076-6297.2020.12.4.077-093 (In Russian).
- Popova, O.V., & Lagutin, O.V. (2019). Political Views of the Youth: Loyalty or Protest? *RUDN journal of political science*, 21(4), 599–619. DOI: 10.22363/2313-1438-2019-21-4-599-619 (In Russian).

- Pyrma, R.V. (2020). Theoretical Aspects of Research of Political Preferences of Russian Youth. *Vlast' (The Authority)*, 4, 157–162. DOI: <https://doi.org/10.31171/vlast.v28i4.7452> (In Russian).
- Radaev, V.V. (2018). Millennials compared to previous generations: an empirical analysis. *Sociological Studies*, (3), 15–33. DOI: 10.7868/S0132162518030029 (In Russian).
- Rudenkin, D.V. (2019). Factor of values in the formation of protest moods of young people: the results of a pilot survey. *World of Science. Series: Sociology, Philology, Cultural Studies*, 10(1). Retrieved June 23, 2021, from <https://sfk-mn.ru/issue-1-2019.html> (In Russian).
- Savrutskaya, E.P., Ustinkin, S.V., Bikmetova, T.I., & Nikitin, A.V. (2017). Value Orientations of Youth in its Attitude to the System of Political Institutions of Modern Russia. *Vlast' (The Authority)*, 5, 8–17. (In Russian).
- Selezneva, A.V., & Antonov, D.E. (2020). The value bases of the civic consciousness or the Russian youth. *Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*, 58, 227–241. DOI: 10.17223/1998863X/58/21 (In Russian).
- Seligman, A. (2002). *The problem of trust*. M.: Idea-Press. (In Russian).
- Shtompka, P. (2012). *Trust – the basis of society*. Moscow: Logos.
- Titov, V.V., & Samokhvalov, N.A. (2019). Analysis of social and political values of the youth at the present stage of Russian society development. *Azimut of scientific research: economics and administration*, 8(1), 51–54. (In Russian).
- Trofimova, I.N. (2017). Political orientations of modern Russian youth. *Russia reforming*, (15), 304–324. (In Russian).
- Uskova, T.V., Demina, E.V., & Vikulina, M.A. (2021). The hierarchy of values of Russian youth and the perception of the state system of their native country as a factor in the formation of a unified civilizational platform. *Notes of a scientist*, (3–1), 434–443. (In Russian).
- Vardikyan, M.S., Nikolaeva, A.A., & Savchenko, I.A. (2021). Sociological Study of Protest Mood of Modern Youth. *Vlast' (The Authority)*, (1), 118–122. (In Russian).
- Vinokurov, V.V. (2017). Intellectual Migration of Students of Kaliningrad Region: Expectations and Reality. *Vlast' (The Authority)*, 7, 69–74. (In Russian).

Сведения об авторе:

Щекотуров Александр Вячеславович – кандидат социологических наук, заведующий социологической лабораторией Института геополитических и региональных исследований Балтийского федерального университета им. И. Канта (e-mail: ashchekoturov@kantiana.ru) (ORCID 0000-0001-6703-4860)

About the author:

Aleksandr V. Shchekoturov – PhD in Sociology, Head of Sociological Laboratory of the Institute of Geopolitical and Regional Studies of Immanuel Kant Baltic Federal University (e-mail: ashchekoturov@kantiana.ru) (ORCID 0000-0001-6703-4860)

DOI: 10.22363/2313-1438-2021-23-4-584-599

Научная статья / Research article

Идеологические предпочтения жителей Калининградской области в системе социально-политических отношений

М.И. Кришталь

Балтийский федеральный университет имени Иммануила Канта, Калининград,
Российская Федерация

Аннотация. В статье анализируются идеологические предпочтения жителей Калининградской области сквозь призму их социально-экономического положения и особенностей политического поведения. Эмпирической базой исследования стали данные формализованного интервью (N = 977) в соответствии с половозрастной выборкой, репрезентирующей население в четырех геодемографических районах Калининградской области. С опорой на методологические положения диаграммы Д. Нолана в исследовании выделены идеологические типы согласно отношению респондентов к политической и экономической свободе. По итогам статистического анализа данных выявлено, что в целом жителям региона присуща высокая степень плюрализма по рассматриваемым вопросам. При этом существует некоторое преобладание идей государственного регулирования экономики и ценностей личной свободы. Анализируя социально-экономическое положение респондентов и присущие им идеологические установки, обнаружено, что ценности экономической свободы чаще разделяют молодежь, люди среднего возраста, жители, проживающие в Калининграде и имеющие более высокий уровень доходов. Среди людей пенсионного и предпенсионного возраста, жителей периферии Калининградской области, с более низким уровнем дохода преобладают идеи государственного регулирования экономики. Также выявлена взаимосвязь между идеологическими установками жителей региона и их политическим поведением. В частности, обнаружено, что наиболее активное участие в протестных акциях готовы принимать люди, разделяющие ценности политической и экономической свободы. В то же время каких-либо значительных связей между идеологическим типом респондентов и их электоральным поведением выявить не удалось.

Ключевые слова: Калининградская область, идеология, идеологические установки, ценности, политическое поведение, политическое участие, электоральные предпочтения, выборы, диаграмма Нолана

Для цитирования: Кришталь М.И. Идеологические предпочтения жителей Калининградской области в системе социально-политических отношений // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2021. Т. 23. № 4. С. 584–599. DOI: 10.22363/2313-1438-2021-23-4-584-599

© Кришталь М.И., 2021

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

Ideological Preferences of Kaliningrad Residents in the Socio-Political System

M.I. Krishtal

Immanuel Kant Baltic Federal University, Kaliningrad, Russian Federation

Abstract. The article analyzes the ideological preferences of the residents of the Kaliningrad region through the prism of their socio-economic situation and political behavior. The study is based on the data of a formalized interview (N = 977) according to the age and sex sample, representing the population of four geodemographic districts of the Kaliningrad region. Based on the Nolan Chart, the study determines ideological types according to the respondents' attitude to political and economic freedom. The statistical analysis of the data revealed a high degree of pluralism among the residents of the region on the issues under consideration. At the same time, it showcased the prevailing ideas of state regulation of the economy and values of personal freedom. Analyzing the socio-economic situation of the respondents and their inherent ideological attitudes, the author found that the values of economic freedom are more often shared by young people, middle-aged people, residents living in Kaliningrad, with higher income. Ideas of state regulation of the economy prevail among people of retirement and pre-retirement age, residents of the semi-periphery of the Kaliningrad region, with lower income. The study also revealed the relationship between the ideological attitudes of people in the region and their political behavior. In particular, it found that people who share the values of political and economic freedom are ready to take the most active part in protests. At the same time, the study did not identify any significant links between the ideological type of the respondents and their electoral behavior.

Keywords: Kaliningrad region, ideology, ideological attitudes, values, political behavior, political participation, electoral preferences, elections, Nolan diagram

For citation: Krishtal, M.I. (2021). Ideological preferences of Kaliningrad residents in the socio-political system. *RUDN Journal of Political Science*, 23(4), 584–599. (In Russian). DOI: 10.22363/2313-1438-2021-23-4-584-599

Введение

Актуальность анализа общественно-политических настроений жителей Калининградской области обусловлена различными особенностями региона. Можно выделить геополитическую специфику (экславность и окружение странами НАТО), историческую (различные исторические эпохи оказали влияние на развитие территории в течение XX века), социокультурную (повышенная интенсивность межкультурных «зарубежных» контактов) и этнокультурную (на небольшой территории произошло смешение различных культур). Поэтому данная тема стала изучаться на научном уровне в различных аспектах. В частности, на современном этапе исследуется восприятие жителями региона места своего проживания [Алимпиева 2014; Жуковский, Фидря 2016; Мартынова 2014; Klemeshev, Fidyra, Fedorov 2017]. В качестве отдельного направления можно выделить анализ электоральных предпочтения жителей Калининградской области на федеральном и внутрорегиональном уровнях¹ [Кришталь 2018a; Кришталь 2018b; Кришталь 2019].

¹ Кришталь М.И. Электоральное пространство Калининградской области в системе социально-политических отношений: автореферат дис. ... канд. географических наук / Балт. федер. ун-т им. Иммануила Канта. Калининград, 2017.

Однако до сих пор отсутствуют научные труды, посвященные исследованию идеологических предпочтений жителей Калининградской области. Данное исследование направлено на заполнение обозначенного пробела. Поэтому целью научной работы является анализ идеологических предпочтений жителей самого западного региона России. Исходя из этого, задачами исследования являются: 1) анализ идеологического поля Калининградской области; 2) выявление связи между социально-экономическим положением индивидов и их идеологическими предпочтениями; 3) анализ зависимости между идеологическими предпочтениями индивидов и их политическим поведением.

Наряду с заполнением упомянутого научного пробела теоретическая значимость статьи заключается в авторской апробации диаграммы Д. Нолана с целью выделения идеологических типов среди жителей Калининградской области. Впоследствии данная методика может быть использована для анализа идеологических предпочтений жителей других регионов России и всей страны в целом.

Практическая значимость исследования заключается в возможности использования полученных эмпирических данных политическими технологами с целью формирования и реализации стратегий избирательных кампаний на территории Калининградской области. Также полученные данные могут вызвать интерес у государственных органов власти по причине необходимости мониторинга и прогнозирования общественно-политических настроений жителей геополитически важного региона.

Методология и методика исследования

Основным методом исследования является формализованное интервью. Была разработана половозрастная выборка, репрезентирующая все взрослое население региона. Было опрошено 977 респондентов (48,2% – мужчины, 51,8% – женщины), проживающих в Калининградской области. При доверительной вероятности 99% погрешность соответствует примерно $\pm 4\%$.

Учитывая существенные социально-экономические [Кузнецова 2016] и электоральные [Кришталь 2018а; Кришталь 2018b] различия между районами Калининградской области, формирование территориальных групп респондентов происходило с опорой на центр-периферийную модель:

– Калининград, являющийся экономическим и культурным центром региона (50,9% от общей доли респондентов). В нем на федеральных выборах стабильно фиксируется самый высокий уровень нонконформистских настроений);

– ядро, которое среди оставшихся районов является наиболее активно развивающейся территорией региона в социально-экономическом и демографическом плане (21,1% респондентов). На федеральных выборах в этом районе фиксируется наиболее близкий к областному центру тип электорального поведения. В данный геодемографический район входят муниципальные образования, прилегающие к областному центру, а также имеющие выход к морю;

– полупериферия, для которой характерны невысокие показатели социально-экономического развития и негативная демографическая ситуация (13,9% респондентов). На федеральных выборах в этом районе обычно

фиксируется средний по региону показатель поддержки провластных сил, достаточно высокий уровень голосования за коммунистов и крайне низкая поддержка сил либерального толка;

– периферия, в которой социально-экономические показатели самые низкие в регионе (14,1% респондентов). В этом геодемографическом районе проявляется наиболее высокий в Калининградской области уровень поддержки на федеральных выборах политических сил, представляющих власть.

Методологической основой исследования для выявления идеологических типов выступала диаграмма Д. Нолана. Согласно ее положениям, проводится дифференциация идеологий по двум шкалам: экономика и политика, полюсами в которых выступают экономическая свобода и государственное регулирование экономики, демократия и авторитаризм. Использование этой диаграммы видится актуальным в условиях российской действительности, поскольку проблемы экономического и политического характера более всего тревожат жителей страны². Этот факт несколько оправдывает то, что в рамках использованной диаграммы Д. Нолана невозможно выделить ряд идеологических течений, в частности националистов, регионалистов, «зеленых» и т.д.

Таким образом, выделено два идеологических спектра по политической оси: демократ считает, что интересы государства не должны превалировать частными, а свобода не должна ущемляться из-за проблем безопасности, этатист, в свою очередь, придерживается обратного мнения. Аналогично выделено два спектра в экономической оси: социалист придерживается мнения, что государство должно регулировать экономику, либерал – сторонник рыночных принципов в экономике. На основе этих ниш в статье выделяется четыре основных идеологических типа (рис. 1).

Рис. 1. Положение основных идеологических типов на оси координат (ось Y – отношение к экономической свободе, ось X – отношение к политической свободе)
Источник: составлено автором.

² Левада-Центр: Тревожащие проблемы. URL: <https://www.levada.ru/2020/09/10/trevozhashhie-problemy-3/> (дата обращения: 20.10.2020). Данное сообщение (материал) создано и (или) распространено иностранным средством массовой информации, выполняющим функции иностранного агента, и (или) российским юридическим лицом, выполняющим функции иностранного агента.

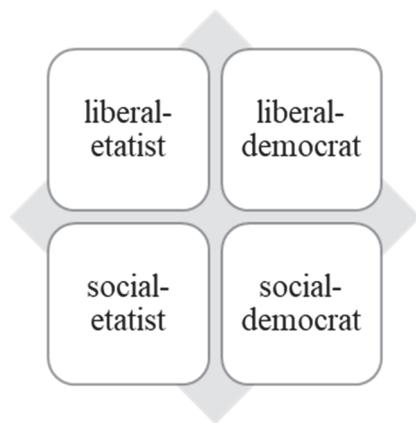

Fig. 1. The position of the main ideological types on the coordinate axis (Y-axis-attitude to economic freedom, X-axis-attitude to political freedom)
Source: created by the author.

Определение принадлежности респондента к тому или иному типу происходило посредством анализа его ответов на вопросы, касающиеся четырех дихотомий: достижение безопасности – права и свободы; интересы личности – интересы государства; частное предпринимательство – государственное управление; статус в обществе согласно компетенциям – распределение государством трудовых ресурсов (табл. 1).

Ответы «2» и «-2» обозначали абсолютное согласие с позицией в зависимости от выбора позиции, «1» и «-1» – скорее согласие, «0» – отсутствие согласия с обеими позициями. Также респонденты могли выбрать вариант «затрудняюсь ответить». Показатели по каждой оси суммировались, после чего определялась степень принадлежности к каждому спектру. Если сумма была равна нулю или респондент затруднялся ответить на вопросы, то принадлежность к идеологическому спектру обозначалась как «неопределенная». В ряде случаев респондента можно было определить к идеологическому типу только в координатах одной оси. Поэтому в исследовании также рассматривались «половинчатые» идеологические типы: демократ, этактист, либерал и социалист.

Переменные, обозначающие идеологические типы респондентов, выступали в исследовании по отношению к социально-экономическим показателям в роли зависимых, а по отношению к переменным, отражающим политическое участие в качестве независимых (рис. 2).

Существует ряд работ, в соответствии с положениями которых социальный статус связан с политическими предпочтениями (идеологическими позициями). На научном уровне выделяется три основных подхода [Коротаев, Гасюкова 2019]. Согласно первому, основная роль отводится рациональному интересу индивида. Так, к примеру, среди сторонников идеологических течений левого радикального толка больше бедных и безработных, поскольку уравнительная и перераспределительная политика в экономической сфере отвечает их интересам [Visser, Lubbers, Kraaykamp, Jaspers 2014]. Также отношение индивидов к иммигрантам связано с тем, являются ли они их конкурентами за рабочие места [Paas, Demidova 2014].

Таблица 1

Вопросы, по которым определялись идеологические типы респондентов

Экономическая ось							
Либерал	Частное предпринимательство эффективнее государственного управления на предприятиях	2	1	0	-1	-2	Социалист
	Государственное управление на предприятиях эффективнее частного предпринимательства						
Либерал	Люди должны занимать свой статус в обществе, исходя из своих компетенций	2	1	0	-1	-2	Социалист
	Государство должно регулировать распределение трудовых ресурсов в обществе						
Политическая ось							
Демократ	Ради достижения безопасности нельзя идти на ограничение прав и свобод	2	1	0	-1	-2	Этатист
	Ради достижения безопасности можно пойти на ограничение прав и свобод						
Демократ	Интересы отдельной личности должны чаще доминировать над интересами государства	2	1	0	-1	-2	Этатист
	Интересы государства должны чаще доминировать над интересами отдельной личности						

Источник: составлено автором.

Table 1

Questions on which the ideological types of respondents were determined

Economic axis							
Liberal	Private entrepreneurship is more effective than state management at enterprises	2	1	0	-1	-2	Socialist
	State management at enterprises is more effective than private entrepreneurship						
Liberal	People should take their status in society, based on their competencies	2	1	0	-1	-2	Socialist
	The state should regulate the distribution of labor resources in society						
Political axis							
Democrat	For the sake of achieving security, you can't go to the restriction of rights and freedoms	2	1	0	-1	-2	Etatist
	For the sake of achieving security, you can go to the restriction of rights and freedoms						
Democrat	The interests of an individual should more often dominate the interests of the state	2	1	0	-1	-2	Etatist
	The interests of the state should more often dominate the interests of an individual						

Source: created by the author.

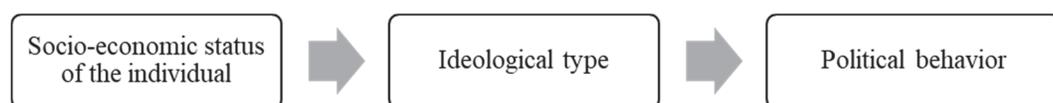

Рис. 2. Зависимости переменных

Источник: составлено автором.

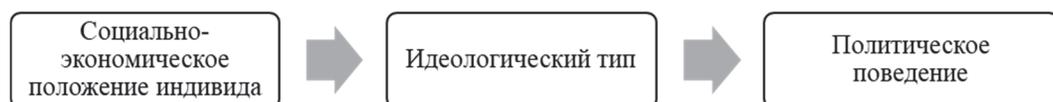

Fig. 2. Dependencies of variables

Source: created by the author.

Согласно второму подходу, для политического участия требуются время, деньги, соответствующие компетенции, обладание необходимой информацией,

знаниями в политической сфере [Morrell 2003]. Обладание этими ресурсами связано с уровнем образования, дохода, социальным положением. Эти параметры, влияя на возможности политического участия, также воздействуют на формирование идеологических предпочтений индивидов. Так, наличие политической подкованности является важным условием для понимания своих «классовых интересов» [Erikson 2015].

В соответствии с положениями третьего подхода идеологические предпочтения индивида являются следствием влияния культуры социальной среды, усвоенной в процессе социализации. В частности, в рамках этого подхода отмечается, что идеологические позиции индивидов «зависят от их коллективной траектории, прошлой или потенциальной, то есть от степени, в которой они преуспели в воспроизводстве свойств своих предшественников и в которой они способны воспроизвести свои свойства в последователях» [Бурдые 1993]. Согласно логике данного подхода, в электоральных исследованиях наряду с индивидуальными экономическими факторами, влияющими на специфику голосования (rocketbook voting), выделяют и социотропные, ориентирующиеся на макроэкономические тенденции [Туровский, Гайворонский 2017:44].

Также на научном уровне поднимается тематика воздействия идеологических установок на политическое поведение. В частности, отмечается, что сторонники левых взглядов более склонны к политическому участию [Anderson, Mendes 2006].

В этой связи в данном исследовании выдвинута гипотеза, согласно которой идеологические установки индивида связаны с его социально-экономическим положением и политическим поведением. Для того чтобы доказать или опровергнуть эту гипотезу в статье при помощи программы статистической обработки данных SPSS Statistics, были построены таблицы сопряженности, посредством которых выявлялись связи между этими категориями.

Идеологические установки жителей Калининградской области

Проведенный анализ продемонстрировал, что в регионе представлены примерно в равной мере доли социал-демократов, либерал-демократов, социал-этангистов и социалистов (табл. 2). Нахождение последних в этой группе означает, что значительная часть респондентов придерживается позиций необходимости регулирования государством экономических отношений, но при этом не имеет четких позиций по вопросам, касающимся политической сферы. Этот тезис подтверждают социологические данные, согласно которым проблемы экономического характера являются заметно более злободневными для россиян в сравнении с политическими³. Кроме того, существенное количество респондентов оказались в числе тех, чьи идеологические позиции не удалось определить (17,7%). В последующем в данном исследовании

³ Левада-Центр: Тревожащие проблемы. URL: <https://www.levada.ru/2020/09/10/trevozhashhie-problemy-3/> (дата обращения: 20.10.2020).

рассматриваются именно представители этих пяти перечисленных идеологических типов по причине их наиболее значительной доли в населении региона.

Таблица 2

Представленность идеологических типов в Калининградской области

Идеологический тип	Социал-демократ	Либерал-демократ	Социал-этатист	Либерал-этатист	Социалист	Либерал	Демократ	Этатист	Не определен
Доля респондентов	13,5%	14,3%	11%	6,3%	16,8%	7,6%	7,4%	5,4%	17,7%

Источник: составлено автором.

Table 2

Representation of ideological types in the Kaliningrad region

Ideological type	Social-democrat	Liberal-democrat	Social-etatist	Liberal-etatist	Socialist	Liberal	Democrat	Etatist	Not defined
Percentage of respondents	13,5%	14,3%	11%	6,3%	16,8%	7,6%	7,4%	5,4%	17,7%

Source: created by the author.

В целом можно отметить высокую степень плюрализма, характерную для населения самого западного региона России. На практике это проявляется в том, что в областной Думе Калининградской области и Городском совете депутатов города Калининграда наряду с четырьмя думскими партиями («Единая Россия», КПРФ, ЛДПР и «Справедливая Россия») представительство имеют депутаты от «Патриотов России» и «Яблока» (только в Городском совете).

Можно констатировать, что в регионе несколько превалирует количество жителей, выступающих за идеи государственного регулирования экономики (41,3%), в сравнении с теми, кому ближе либеральные принципы экономического устройства (28,2%). Также в Калининградской области больше доля тех, кто считает, что права и свободы человека должны доминировать над интересами государства (35,2% против 22,7%).

Связь социально-экономического положения респондентов с их идеологическими позициями

В качестве переменных, отражающих социально-экономическое положение респондентов, в исследовании выступали гендерная принадлежность, возраст, уровень дохода, степень образованности и место проживания.

Выявлен идеологический раскол между молодежью (18–34) и людьми пенсионного и предпенсионного возраста (55+) (табл. 3). Среди молодежной аудитории наибольшей популярностью пользуются либерально-демократические идеи. Отметим, что схожие результаты фиксируются на федеральном уровне [Попова 2017:144]. Представители старших поколений, напротив, отдают предпочтение идеям, согласно которым государство должно влиять на

происходящие экономические процессы. В данной возрастной группе наиболее высока доля социалистов. Подобная специфика, на наш взгляд, обусловлена тем, что молодые люди меньше пенсионеров нуждаются в социальной поддержке со стороны властей. Также отметим, что среди возрастной группы (18–24) наибольшая доля тех, кого не удалось отнести ни к одному идеологическому типу (26,4%). На основании этого можно полагать, что у значительной части молодежи к 24 годам еще не сформировались устойчивые идеологические установки.

Таблица 3

Распределение принадлежности к идеологическим типам по возрастным группам, %

Идеологический тип	18–24	25–34	35–44	45–54	55–64	65+
Социал-демократ	4,6	10,1	13,2	14	17,8	18,7
Социал-этатист	5,7	11,8	8,2	9,3	18,4	10,4
Либерал-демократ	16,1	18,5	13,2	19,2	6,7	12,4
Социалист	9,2	14	14,8	14	21,5	23,3
Не определен	26,4	13,5	19,8	14,5	17,8	18,7

Источник: составлено автором.

Table 3

Distribution of belonging to ideological types by age groups, %

Ideological type	18–24	25–34	35–44	45–54	55–64	65+
Social-democrat	4,6	10,1	13,2	14	17,8	18,7
Social-etatist	5,7	11,8	8,2	9,3	18,4	10,4
Liberal-democrat	16,1	18,5	13,2	19,2	6,7	12,4
Socialist	9,2	14	14,8	14	21,5	23,3
Not defined	26,4	13,5	19,8	14,5	17,8	18,7

Source: created by the author.

Фиксируется некоторый идеологический раскол на основе финансового положения респондентов (среднего уровня доходов на одного члена семьи) (табл. 4). Жители региона с низкими доходами чаще придерживаются идее государственного регулирования экономики. Опрошенные респонденты с более высоким уровнем достатка, напротив, чаще выступают в поддержку рыночных механизмов экономики. Тот факт, что среди респондентов, у которых средний уровень дохода на одного члена семьи выше 50 000 тысяч рублей, оказалось 20% социалистов, является скорее исключением из правил.

Анализируя популярность идеологических позиций сквозь призму гендерной принадлежности или степени образованности, не выявлено существенных различий. Однако обнаружены территориальные особенности распространенности идеологических установок. Так, в Калининграде преобладают либерал-демократы (примерно каждый пятый респондент) (табл. 5). Это можно объяснить более высокой концентрацией в областном центре представителей

среднего класса, часть которого, главным образом предприниматели и интеллигенция, настроена на экономические и политические перемены в стране [Камерон 2017:180–181]. На фоне этого популярность идей политической и экономической свободы в полупериферии практически равна нулю. Напротив, там высока поддержка идеологических установок социал-демократического и социалистического толка. Подобную ситуацию можно объяснить тем, что во всех муниципальных образованиях полупериферии фиксируется кризисное состояние экономической безопасности [Ланская 2017:44] и поэтому их жители нуждаются в большей государственной поддержке.

Таблица 4

Распределение принадлежности к идеологическим типам по среднему уровню дохода на одного члена семьи, %

Идеологический тип	Менее 10000	10001–20000	20001–30000	30001–40000	40001–50000	Более 50000
Социал-демократ	19,3	12,3	12,7	19,2	10,7	0
Социал-этатист	15,2	11,1	6,6	7,7	14,3	10
Либерал-демократ	6,4	17,8	15,9	25	17,9	23,3
Социалист	20,5	13,9	13,1	11,5	10,7	20
Не определен	18,7	19,5	16,3	7,7	7,1	13,3

Источник: составлено автором.

Table 4

Distribution of belonging to ideological types by the average income level per family member, %

Ideological type	Less than 10000	10001–20000	20001–30000	30001–40000	40001–50000	More than 50000
Social-democrat	19,3	12,3	12,7	19,2	10,7	0
Social-etatist	15,2	11,1	6,6	7,7	14,3	10
Liberal-democrat	6,4	17,8	15,9	25	17,9	23,3
Socialist	20,5	13,9	13,1	11,5	10,7	20
Not defined	18,7	19,5	16,3	7,7	7,1	13,3

Source: created by the author.

Таким образом, выявлены социально-экономические различия между представителями, придерживающимися либеральных и социалистических взглядов на ведение экономического курса. Это позволило определить характерный социальный портрет представителей идеологических типов. Среди либерал-демократов больше молодежи, представителей среднего возраста, людей с более высокими доходами, а также жителей Калининграда. Обратная ситуация в случае с социалистами и социал-демократами – среди них чаще встречаются представители пенсионного и предпенсионного возраста, люди с невысоким финансовым уровнем достатка и жители полупериферии региона. На основе выявленных взаимосвязей можно констатировать, что население, имеющее большие возможности для карьерного роста, чаще выступают за

экономический либерализм. Социально менее защищенные категории людей поддерживают социалистическую модель экономики. Каких-либо уникальных социально-экономических особенностей социал-этантистов выявить не удалось. Также не выявлены какие-то существенные различия среди людей, разделяющих или не разделяющих идеалы политической свободы. Кроме того, обнаружено, что у респондентов, чьи идеологические установки не удалось определить, наиболее высока доля людей в возрасте 18–24 лет. Это позволяет говорить о данной возрастной группе как о наиболее идеологически аморфной.

Таблица 5

**Распределение принадлежности к идеологическим типам
по геодемографическим районам Калининградской области, %**

Идеологический тип	Калининград	Ядро	Полупериферия	Периферия
Социал-демократ	13,1	6,8	23,5	15,2
Социал-этантист	10,5	11,7	9,6	13
Либерал-демократ	20,9	11,2	0,7	8,7
Социалист	10,7	16,5	33,1	23,2
Не определен	18,1	18,4	21,3	11,6

Источник: составлено автором.

Table 5

**Distribution of belonging to ideological types by geodemographic areas
of the Kaliningrad region, %**

Ideological type	Kaliningrad	Core	Semi-periphery	Periphery
Social-democrat	13,1	6,8	23,5	15,2
Social-etatist	10,5	11,7	9,6	13
Liberal-democrat	20,9	11,2	0,7	8,7
Socialist	10,7	16,5	33,1	23,2
Not defined	18,1	18,4	21,3	11,6

Source: created by the author.

**Связь идеологических позиций респондентов
с их политическим поведением**

В качестве переменных, отражающих политическое поведение респондентов, в статье выступали: электоральное поведение на возможных парламентских выборах и вероятность участия в протестных акциях.

При анализе особенностей электоральных предпочтений было выделено три возможных типа поведения на выборах: конформистский (голосование за «Единую Россию»), протестный (голосование за другую партию или порча бюллетеня) и абсентеистский (отказ от участия в выборах). Также была группа респондентов, которые затруднились ответить.

В результате не удалось обнаружить существенной связи между электоральным поведением и идеологическими типами (табл. 6). Электоральные

специфики представлены практически в равных долях среди выделенных групп респондентов. Этот факт обозначает, что при голосовании избиратели опираются скорее не на свои идеологические установки, касающиеся вопросов политической и экономической свободы, а на иные факторы, возможно, выходящие за границы идейного мировоззрения. Это может быть обусловлено различными причинами: невысокой политической грамотностью (избиратели не знают программы партий), превалированием персонифицированного голосования (поддержка по принципу симпатии к политическому лидеру), ретроспективным характером электоральной поддержки (избиратели не вникают в детали внутренней и внешней политики, а голосуют исходя из того, как им жилось при действующей власти) и т.д. Кроме того, на основе полученных эмпирических данных можно сделать предположение, что действующая партийная система России не отражает реального многообразия идеологических позиций жителей Калининградской области.

Таблица 6

**Связь между идеологическими установками
и предпочтительным типом электорального поведения, %**

Идеологический тип	Тип электорального поведения			Затрудняются ответить
	Конформистский	Протестный	Абсентеистский	
Социал-демократ	33,1	28,3	26,8	11,8
Социал-этатист	30,2	26,3	31,1	12,4
Либерал-демократ	32,4	31,7	23	12,9
Социалист	24,5	31,9	27,6	16
Не определен	29,2	26,8	29,8	14,2

Источник: составлено автором.

Table 6

The dependence between ideological attitudes and the preferred type of electoral behavior, %

Ideological type	Type of electoral behavior			Find it difficult to answer
	Conformist	Protest	Absentee	
Social-democrat	33,1	28,3	26,8	11,8
Social-etatist	30,2	26,3	31,1	12,4
Liberal-democrat	32,4	31,7	23	12,9
Socialist	24,5	31,9	27,6	16
Not defined	29,2	26,8	29,8	14,2

Source: created by the author.

При анализе предрасположенности участия в протестных акциях, напротив, прослеживается четкий раскол между либерал-демократами, которым свойственна более высокая степень протестных настроений, и остальными идеологическими группами респондентов, особенно социалистами (табл. 7). Также выявлена особенность, присущая всем идеологическим типам: их представители в абсолютном большинстве своем не поддерживают радикальные методы протеста в качестве инструмента достижения целей. Отметим,

что респонденты при ответе на данный вопрос могли выбрать несколько вариантов ответа.

Таблица 7

Связь между идеологическими установками и возможным участием в протестных акциях, %

Идеологический тип	Не готовы участвовать вообще	Протестные акции				Затрудняются ответить
		Сбор подписей в поддержку инициативы	Митинг, демонстрация	Забастовка	Радикальные акции	
Социал-демократ	58,8	13,7	27,5	9,2	3,8	11,5
Социал-этатист	50,9	29,2	26,4	6,6	0,9	5,7
Либерал-демократ	34,3	45	37,2	9,3	5	10,7
Социалист	65,2	13,4	17,1	7,3	2,4	11
Не определен	56,6	22,5	17,3	4,6	0,6	13,3

Источник: составлено автором.

Table 7

The dependence between ideological attitudes and possible participation in protest actions, %

Ideological type	Not ready to participate in any action	Protest actions				Find it difficult to answer
		Collecting signatures in support of the initiative	Rally, demonstration	Strike	Radical actions	
Social-democrat	58,8	13,7	27,5	9,2	3,8	11,5
Social-etatist	50,9	29,2	26,4	6,6	0,9	5,7
Liberal-democrat	34,3	45	37,2	9,3	5	10,7
Socialist	65,2	13,4	17,1	7,3	2,4	11
Not defined	56,6	22,5	17,3	4,6	0,6	13,3

Source: created by the author.

Выводы

Для населения региона характерна высокая степень политического плюрализма. Такое идеологическое разнообразие, вероятно, связано в том числе с такой социальной особенностью Калининградской области, как переселенческий характер ее населения. Мигранты, переезжая в эксклав из различных регионов России и стран, становятся носителями разных политических культур и тем самым вносят вклад в формирование особого идеологического пространства Калининградской области. Наиболее часто в регионе встречаются представители, разделяющие идеологии социализма, социал-демократии, социал-этатизма и либерал-демократии (около 15% принадлежащих к каждому идеологическому течению). Также существует примерно такая же процентная доля жителей, чьи идеологические установки не удалось определить. В целом же существует некоторое количественное преобладание в регионе тех, кто выступает за различные механизмы регулирования экономики в сравнении со сторонниками рыночных экономических принципов.

Кроме того, превалирует в населении доля тех, кто полагает, что частные интересы должны доминировать над государственными, а свобода не должна ущемляться по причине проблем в сфере безопасности.

Анализируя связь между социально-экономическим положением жителей Калининградской области и присущим им идеологическим типом, выявлено, что в аудитории, для которой близки либерал-демократические установки, преобладают люди молодежного и среднего возраста, с более высоким уровнем дохода, чаще всего проживающие в областном центре. Среди сторонников социалистической и социал-демократической идеологии, напротив, преобладают люди предпенсионного и пенсионного возраста с более низким уровнем дохода. Среди геодемографических районов наиболее высока доля представителей этих идеологических типов в полупериферии региона. На наш взгляд, подобные взаимосвязи обусловлены степенью социальной защищенности отдельных слоев населения. Более защищенные категории являются сторонниками невмешательства государства в экономику и преобладания частных интересов над государственными. Менее защищенные слои населения разделяют социалистические ценности, касающиеся экономической сферы.

Обнаружено, что специфика электорального поведения жителей фактически не зависит от их идеологических установок. Таким образом, это дает возможность констатировать, что избиратели при участии в выборах отталкиваются не от своих идеологических принципов, а от иных факторов. Причинами такого явления могут быть: несоответствие сложившейся партийной системы страны существующему идеологическому многообразию общественного мнения, политическая неграмотность значительной части населения, превалирование иных факторов, воздействующих на электоральное поведение и т.д.

При этом прослеживается связь между идеологическими установками, предрасположенностью к участию в возможных протестных акциях. Наиболее активными в этой области оказались представители, придерживающиеся либерал-демократических ценностей. Наименее протестно активными оказались социалисты.

Развитие данной темы исследования видится в выявлении посредством методов качественного анализа более точных причин того, почему среди отдельных сегментов социума преобладают определенные идеологические установки и в связи с чем различается степень протестных настроений представителей различных идеологических типов. Также научный интерес вызывает то, какие внешнеполитические ориентации присущи представителям выделенных типов.

Поступила в редакцию / Received: 01.07.2021

Принята к публикации / Accepted: 15.08.2021

Библиографический список

Алиптиева А.В. Социальная идентичность в условиях культурного многообразия: поиск или навязывание? (На примере Калининградской области) // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Серия: Филология, педагогика, психология. 2014. № 11. С. 60–66.

- Бурдые П. Политические позиции и культурный капитал / Бурдые П. Социология политики. 1993. С. 98–162.
- Жуковский И.И., Фидря Е.С. Восприятие жителями Калининградской области статуса региона: динамика в 2001–2016 гг. и факторы формирования предпочтений // Вестник Московского университета. Серия 12: Политические науки. 2016. № 6. С. 73–89.
- Камерон Р. Российский средний класс: Агент демократии или оплот консерватизма? // Политическая наука. 2017. № 1. С. 162–185.
- Коротаев С.А., Гасюкова Е.Н. Социальные различия и политическое участие: медирующая роль идеологических предпочтений // Экономическая социология. 2019. Т. 20. № 3. С. 99–135. DOI: 10.17323/1726-3247-2019-3-185-205
- Кришталь М.И. География голосования в Калининградской области на президентских выборах 2018 года // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Серия: Гуманитарные и общественные науки. 2018а. № 4. С. 75–82.
- Кришталь М.И. Электоральная специфика Калининградской области в условиях эксклавно-сти // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Серия: Гуманитарные и общественные науки. 2018б. № 2. С. 93–108.
- Кришталь М.И. Электоральные предпочтения жителей Калининградской области на внутри-региональном уровне в 2003–2018 гг. // Региональные исследования. 2019. № 1 (63). С. 99–107.
- Кузнецова Т.Ю. Геодемографическая типология муниципальных образований Калининградской области // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Серия: Естественные и медицинские науки. 2016. № 1. С. 15–27.
- Ланская Т.М. Неравномерное развитие административно-территориальных образований как угроза экономической безопасности Калининградской области // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Серия: Гуманитарные и общественные науки. 2017. № 3. С. 37–45.
- Мартынова М.Ю. Калининградцы: геополитические вызовы и региональная субкультура // Геополитический журнал. 2014. № 3. С. 2–20.
- Попова О.В. Особенности политического сознания современной российской молодежи // Политическая наука. 2017. № 1. С. 138–162.
- Туровский Р.Ф., Гайворонский Ю.О. Влияние экономики на электоральное поведение в России: работает ли «контракт» власти и общества? // Политика. 2017. № 3. С. 42–61.
- Anderson C.J., Mendes S.M. Learning to Lose: Election Outcomes, Democratic Experience and Political Protest Potential // British Journal of Political Science. 2006. Vol. 36 (1). P. 91–111. DOI: 10.1017/S0000000000000000
- Erikson R.S. Income Inequality and Policy Responsiveness // Annual Review of Political Science. 2015. Vol. 18. P. 11–29. DOI: 10.1146/annurev-polisci-020614-094706
- Klemeshev A., Fidrya E., Fedorov G. Specific Kaliningrad character of the russian identity // Bulletin of Geography. Socio-economic Series. 2017. No. 38. P. 47–55. DOI: <http://dx.doi.org/10.1515/bog-2017-0033>
- Morrell M.E. Survey and Experimental Evidence for a Reliable and Valid Measure of Internal Political Efficacy // The Public Opinion Quarterly. 2003. Vol. 67 (4). P. 589–602. <https://doi.org/10.1086/378965>
- Paas T., Demidova O. What Explains People's Attitudes Towards Immigrants? A Comparative Study of Estonia and Russia // The University of Tartu Faculty of Economics and Business Administration Working Paper. 2014. No. 94.
- Visser M., Lubbers M., Kraaykamp G., Jaspers E. Support for Radical Left Ideologies in Europe // European Journal of Political Research. 2014. Vol. 53, No. 3. P. 541–558. <https://doi.org/10.1111/1475-6765.12048>

References

- Alimpieva, A.V. (2014). Social identity in the conditions of cultural diversity: A search or imposition? (the case of the Kaliningrad region). *IKBFU's Vestnik. Series: Philology, pedagogy, psychology*, 11, 60–66. (In Russian).

- Anderson, C.J., & Mendes, S.M. (2006). Learning to Lose: Election Outcomes, Democratic Experience and Political Protest Potential. *British Journal of Political Science*, 36(1), 91–111. DOI: 10.1017/S0000000000000000
- Bourdieu, P. (1993). Political positions and cultural capital. *Sociology of politics*, 98–162. (In Russian).
- Cameron, R. (2017). The Russian middle class: Agent of democracy or bastion of the status-quo? *Political science (RU)*, 1, 162–185. (In Russian).
- Erikson, R.S. (2015). Income Inequality and Policy Responsiveness. *Annual Review of Political Science*, 18, 11–29. DOI: 10.1146/annurev-polisci-020614-094706
- Klemeshev, A., Fidrya, E., & Fedorov, G. (2017). Specific Kaliningrad character of the Russian identity. *Bulletin of Geography. Socio-economic Series*, 38, 47–55. DOI: <http://dx.doi.org/10.1515/bog-2017-0033>
- Korotaev, S.A., & Gasyukova, E.N. (2019). The Social Differences and Political Participation: The Mediating Effect of Ideological Position. *Economic Sociology*, 20(3), 99–135. (In Russian). DOI: 10.17323/1726-3247-2019-3-185-205
- Krishtal, M.I. (2018a). Geography of voting in the presidential elections of 2018 in the Kaliningrad region. *IKBFU's Vestnik. Series: Humanities and Social Sciences*, (4), 75–82. (In Russian).
- Krishtal, M.I. (2018b). Kaliningrad Exclave: Electoral Specificity. *IKBFU's Vestnik. Series: Humanities and Social Sciences*, (2), 93–108. (In Russian).
- Krishtal, M.I. (2019). Electoral preferences within the KALININGRAD oblast in 2003–2018. *Regional Research*, 1(63), 99–107. (In Russian).
- Kuznetsova, T.Yu. (2016). Geo-demographic typology of municipalities of the Kaliningrad region. *IKBFU's Vestnik. Series: Natural and medical sciences*, (1), 15–27. (In Russian).
- Lanskaya, T.M. (2017). Uneven development of administrative-territorial entities as a threat to the economic security of the Kaliningrad region. *IKBFU's Vestnik. Series: Humanities and Social Sciences*, (3), 37–45. (In Russian).
- Martynova, M.Yu. (2014). Kaliningraders: Geopolitical Challenges and Regional Subculture. *Geopolitics Journal*, (3), 2–20. (In Russian).
- Morrell, M.E. (2003). Survey and Experimental Evidence for a Reliable and Valid Measure of Internal Political Efficacy. *The Public Opinion Quarterly*, 67(4), 589–602. <https://doi.org/10.1086/378965>
- Paas, T., & Demidova, O. (2014). What Explains People's Attitudes Towards Immigrants? A Comparative Study of Estonia and Russia. *The University of Tartu Faculty of Economics and Business Administration Working Paper*, (94).
- Popova, O.V. (2017). Political consciousness of today's Russian young people. *Political science (RU)*, 1, 138–162. (In Russian).
- Turovskii, R.F., & Gaivoronskii, Yu.O. (2017). The Impact of the Economy on Electoral Behavior in Russia: Does the Contract between the Authorities and Society Work? *Politeia*, (3), 42–61. (In Russian).
- Visser, M., Lubbers, M., Kraaykamp, G., & Jaspers, E. (2014). Support for Radical Left Ideologies in Europe. *European Journal of Political Research*, 53(3), 541–558. <https://doi.org/10.1111/1475-6765.12048>
- Zhukovskii, I.I., & Fidrya, E.S. (2016). The perception of Kaliningrad region inhabitants of the region's status: dynamics 2001–2016 and factors in preference formation. *Moscow University Bulletin. Series 12. Political Science*, (6), 73–89. (In Russian).

Сведения об авторе:

Кришталь Михаил Игоревич – кандидат географических наук, старший научный сотрудник Социологической лаборатории, Институт геополитических и региональных исследований Балтийского федерального университета имени Иммануила Канта (e-mail: MKrishtal@kantiana.ru) (ORCID: 0000-0001-6167-1025)

About the author:

Mikhail I. Krishtal – PhD in Geography, Senior Research Fellow, Sociological Lab, Institute for Geopolitical and Regional Studies of the Immanuel Kant Baltic Federal University (e-mail: MKrishtal@kantiana.ru) (ORCID: 0000-0001-6167-1025)

DOI: 10.22363/2313-1438-2021-23-4-600-613

Research article / Научная статья

Political Implications of Orthodox Identity: An Example of the World Russian People's Council

N.D. Shikher

The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow,
Russian Federation

Office of the High Commissioner for Human Rights in the Russian Federation, Moscow,
Russian Federation

Abstract. The article examines the conceptual ideas of the World Russian People's Council, acting under the auspices of the Russian Orthodox Church, regarding the implementation of the right to freedom of conscience and the status of religious associations in Russia. Furthermore, the speeches of heads of the states at the Councils were studied for their attitude to the ideological content of the activities of this organization. On the basis of the data obtained, the author attempts to find a correlation between the proposals voiced at the Councils on changing certain aspects in the religious sphere and the reforms of the Russian legislation on freedom of conscience. As a result of this study, a striking coincidence was revealed between the two factors mentioned: the provisions discussed at the Councils, as a rule, after some time were reflected in Russian normative legal acts. Not having sufficient grounds for declaring an unambiguous causal relationship between conciliar ideas and legislative reform, one can, in any case, assume a significant impact of the activities of the World Russian People's Council on the state policy in implementation of the right to freedom of conscience in modern Russia.

Keywords: World Russian People's Council, Orthodoxy, the right to freedom of conscience, religion-state relations, religion and law

For citation: Shikher, N.D. (2021). Political implications of Orthodox identity: An example of the World Russian People's Council. *RUDN Journal of Political Science*, 23(4), 600–613. DOI: 10.22363/2313-1438-2021-23-4-600-613

Политические импликации православной идентичности: пример Всемирного русского народного Собора

Н.Д. Шихер

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте
Российской Федерации, Москва, Российская Федерация

Аппарат Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации, Москва,
Российская Федерация

Аннотация. В статье исследованы концептуальные идеи Всемирного русского народного Собора, действующего под эгидой Русской Православной Церкви, относительно

© Shikher N.D., 2021

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

реализации права на свободу совести и положения религиозных объединений в России. Также изучены выступления на Соборах первых лиц государства на предмет их отношения к идейному содержанию деятельности данной организации. На основе полученных данных автором предпринята попытка соотнести озвученные на Соборах предложения по изменению отдельных аспектов в религиозной сфере с реформами российского законодательства о свободе совести. В результате данного исследования выявлено поразительное совпадение между двумя указанными факторами: обсуждаемые на Соборах положения, как правило, спустя некоторое время находили отражение в российских нормативно-правовых актах. Не имея достаточных оснований заявлять об однозначной причинно-следственной связи между соборными идеями и реформированием законодательства, можно, во всяком случае, вести речь о значительном влиянии деятельности Всемирного русского народного Собора на политику государства в области реализации права на свободу совести в современной России.

Ключевые слова: Всемирный русский народный Собор, православие, право на свободу совести, государственно-конфессиональные отношения, религия и право

Для цитирования: *Shikher N.D. Political implications of Orthodox identity: An example of the World Russian People's Council // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2021. Т. 23. № 4. С. 600–613. DOI: 10.22363/2313-1438-2021-23-4-600-613*

Introduction

In recent years, the topic of church-state interaction and Orthodox identity has become increasingly relevant. The growing role of the Russian Orthodox Church in the socio-political space is causing lively discussions not only in the media space, but also in the scientific community. Among recent studies in this area works by Bogachev M.I. [Bogachev, Sorvin 2020:331–361; Bogachev 2018:224–238], Meshcheryakova A.F. [Meshcheryakova 2020:59–79], Mchedlova M.M. [Mchedlova 2020:59–79; Mchedlova 2020:13–35; Mchedlova, Kazarinova 2020:13–35; Mchedlova 2020:7–21], Pinkevich V.K. [Pinkevich 2020:647–663], Shchipkov A.V. [Shchipkov 2018; Shchipkov 2021] are of a great interest. The researchers emphasize the special importance of the Orthodox factor in the post-secular political space. At the same time the authors' assessments of Church-State policy vary from approval (Meshcheryakova A.F., Shchipkov A.V.) to criticism (Bogachev M.I., Pinkevich V.K.). Through the prism of the activities of the World Russian People's Council this issue is considered by Ierusalimskiy Yu.Yu. and Rudakov A.B [Ierusalimskiy, Rudakov 2019:437–445; Rudakov 2020:19–22; Ierusalimskiy, Rudakov 2021:117–124].

The research aims at finding the relationship between the ideological concepts of the World Russian People's Council and Russian legal novels. The research methodology consists of the content analysis of the speeches of the participants of the Council and the final documents of the Council, as well as of the comparative analysis of the existing normative legal acts.

World Russian People's Council as the articulator of the Orthodox identity politics

In modern Russia the opinion of the Russian Orthodox Church is actively involved in the process of substantiation of the goals and objectives of social

development from the ideological point of view. The state supports such provisions as traditional values, patriotism, a special “Russian way”, “State-Church symphony” and others. Since 1993 the World Russian People’s Council (hereinafter WRPC or the Council), functioning under the auspices of the Russian Orthodox Church, has become one of the main platforms where these concepts have been born through annual discussions. WRPC is an international public organization, which aims at participating in the development of strategies for the development of the state on the basis of a dialogue between the authorities, church and society. Despite being only a platform for discussing pressing social and political problems on the threshold of its formation, currently the Council can rightfully be called one of the most important actors in modern politics, influencing the key areas of social development. Although formally the WRPC is not a part of the Russian Orthodox Church structure and is not associated with the public sphere, Patriarch Kirill of Moscow and All Russia acts as the chairman and constant inspirer of the Council. Furthermore, representatives of the top political elite, including the head of state, are permanent participants. In other words, the Council operates under the auspices of the Church and has the support of the state, which significantly increases its political weight and creates a solid authority in the religion-state environment.

As a result of each Council materials aimed at “forming the personal and national self-consciousness of Russians”¹ are published. In addition to representatives of traditional denominations, top officials of the state, politicians and state officials of all levels regularly take an active part in the activities of the Councils. This article attempts to analyze the ideas voiced at the WRPC regarding a meaningful understanding of the right to freedom of conscience, the legal status of religious associations and the development of Russian religion-state relations, and track their further implementation on the governmental level.

As already mentioned, since the main proponent of the Council is the Russian Orthodox Church, and its chairman is His Holiness the Patriarch, it is natural that at each WRPC, depending on its subject matter, the participants voice their views on the role of Orthodoxy and the Russian Orthodox Church in a particular sphere of social life. This may indicate either a desire for unanimity on the part of the organizers of the Council when selecting participants, or a general trend of loyalty to Orthodoxy on the part of the ruling elite and the public. The second option seems more likely since over the past three decades the staff of the top government positions has changed several times, however, all of them invariably remaining a part of the Council. As a general refrain of most speeches, statements are made about the importance of preserving traditional moral values and the potential of the Russian Orthodox Church in the consolidation of all Russian people and all Orthodox people². Orthodoxy is proposed to be recognized as the one playing a historical and consolidating role in the life of the people. Social problems are

¹ Council Word VIII WRPC. The official website of the World Russian People’s Council. URL: <https://vrms.ru/documents/sobornoe-slovo-viii-vsemirnogo-russkogo-narodnogo-sobora/> (accessed: 05.05.2021).

² Ibid.

associated with the moral impoverishment of the human person, the cause of which is the loss of the original folk spirituality based on Orthodoxy³. In the Final Document III of the WRPC it is determined that the spiritually renewed Russian nation must “recreate the ideal of Holy Russia, that is, to re-base our life on the principles of the truth of God, love, peace, harmony, creation and realism”⁴. In other words, Orthodoxy is assigned a special creative and consolidating role in society and the state.

Participation of the political elite in Council activities

It is important for our research that this concept is fully supported by the authorities. The very fact of the annual participation of the leaders of the state in the Councils indicates the sympathy of the authorities for the activities of this public organization, and the analysis of their speeches only confirms this hypothesis.

Thus, the President of Russia has repeatedly expressed the idea of the need for “genuine collaboration with the Russian Orthodox Church”⁵. The Chairman of the Federation Council of the Federal Assembly of the Russian Federation noted that “Russian society places special hopes on the activities of the revived Russian Orthodox Church”⁶. In the speech of the Chairman of the State Duma of the Federal Assembly of the Russian Federation it is stated that “after many years of vacillation and confusion Russia has only one saving path, that is to God, to light and rebirth”⁷. According to the Chief of Staff of the Presidential Administration of Russia, “Orthodoxy has become not only a spiritual bond for the multi-million Russian society, but it also brings many Slavic people together, unites our compatriots and everyone who feels close to this spiritual and cultural space”⁸.

The President of the Constitutional Court of the Russian Federation called the threshold of the 21st century “a threshold of the church – of great Russia, gathered together, renewed and prosperous, being able to find itself and consequently to open

³ Appeal of the II WRPC. The official website of the World Russian People’s Council. URL: <https://vrns.ru/documents/obrashcheniya-ii-vsemirnogo-russkogo-sobora/> (accessed: 28.04.2021).

⁴ III WRPC documents. The official website of the World Russian People’s Council. URL: <https://vrns.ru/documents/dokumenty-iii-vsemirnogo-russkogo-narodnogo-sobora/> (accessed: 28.04.2021).

⁵ Welcoming speech of the President of Russia Putin V.V. at XXIII WRPC. The official website of the World Russian People’s Council. URL: <https://vrns.ru/documents/privetstvie-prezidenta-rf-v-v-putina/> (accessed: 16.05.2021).

⁶ Greetings from the Chairman of the Federation Council of the Federal Assembly of the Russian Federation III WRPC. The official website of the World Russian People’s Council. URL: <https://vrns.ru/documents/privetstvie-shumeyko-v-f-predsdatel-soveta-federatsii-federalnogo-sobraniya-rossiyskoy-federatsii/> (accessed: 28.04.2021).

⁷ Speech by the Chairman of the State Duma of the Federal Assembly of the Russian Federation G.N. Seleznev on V WRPC. The official website of the World Russian People’s Council. URL: <https://vrns.ru/documents/stenogramma-pervogo-dnya-zasedaniya-v-vrns-rossiya-nakanune-2000-letiya-khristianstva-vera-narod-vla/> (accessed: 05.05.2021).

⁸ Speech by Sergey Ivanov, Chief of Staff of the Presidential Executive Office at the XVI WRPC. The official website of the World Russian People’s Council. URL: <https://vrns.ru/documents/ivanov-sergey-borisovich-rukovoditel-administratsii-prezidenta-rossiyskoy-federatsii/> (accessed: 13.05.2021).

up to the world”⁹. The Minister of Foreign Affairs of the Russian Federation noted that “our adherence to Christianity, which we adopted 1000 years ago, is currently being tested. “Man shall not live by bread alone”, “to lay down your life for your friends” and other commandments have never been abstract concepts for us – they determined the very content of our life, our deeds”¹⁰. The Chairman of the Accounts Chamber of the Russian Federation expressed the position that “it is the Church that is currently becoming one of the key elements of the formation of the spiritual security of the state, the moral potential of society and, most importantly, of the upbringing and enlightenment of young people”¹¹.

The speeches of some leaders of political parties contain various references to support of Orthodoxy. For example, the leader of the Liberal Democratic Party said that being a believer and being baptized, he “was never a member of any party that would destroy churches, infringing the rights of the Russian Orthodox Church in any way”¹². The leader of the “Yabloko” party referred to the fact that “with people who do not believe in the future and with people who do not believe in God, it is impossible to conduct any effective reforms ... Humanism and Christianity, humanism and faith are the future, we are convinced of this, being a part of liberal democracy movement”¹³.

This brief overview of some of the speeches of the representatives of the authorities allows us to conclude that the ideological content of the WRPC activity has been invariably sincerely supported and responded by the authorities over almost three decades. Several key points can be identified that indicate the vector of state policy in regard to religious organizations. Firstly, the willingness of the political elite to take an active part in the Council, which openly positions itself as an Orthodox public organization supporting spiritual and moral development of the society. Secondly, public statements by the top officials of the state about the exclusiveness of Orthodoxy and the Russian Orthodox Church for the Russian state and the society. Thirdly, public self-identification of the authorities’ representatives with Orthodoxy. These facts show a rapid tendency of the state towards

⁹ Speech by the Chairman of the Constitutional Court of the Russian Federation V.D. Zorkin on III WRPC. The official website of the World Russian People’s Council. URL: <https://vrns.ru/documents/stenogramma-iii-vrns/> (accessed: 30.04.2021).

¹⁰ Speech by the Minister of Foreign Affairs of the Russian Federation S.V. Lavrov at the X WRPC. The official website of the World Russian People’s Council. URL: <https://vrns.ru/documents/vystuplenie-ministra-inostrannykh-del-rossii-s-v-lavrova-na-x-vrns/> (accessed: 06.05.2021).

¹¹ Speech by the Chairman of the Accounts Chamber of the Russian Federation S.V. Stepashin at the XIV WRPC. The official website of the World Russian People’s Council. URL: <https://vrns.ru/documents/privetstvie-predsedatelya-schetnoy-palaty-rossiyskoy-federatsii-predsedatelya-imperatorskogo-pravosl/> (accessed: 06.05.2021).

¹² Speech by the Head of the Liberal Democratic Party of Russia Zhirinovskiy V.F. at the III WRPC. The official website of the World Russian People’s Council. URL: <https://vrns.ru/documents/stenogramma-iii-vrns/> (accessed: 30.04.2021).

¹³ Speech by the leader of the “Yabloko” party G. Yavlinsky on VI WRPC. The official website of the World Russian People’s Council. URL: <https://vrns.ru/documents/plenarye-zasedaniya-v-khrame-khrista-spasitelya/> (accessed: 05.05.2021).

rapprochement with the Russian Orthodox Church and the exclusiveness of the Orthodox component in the state policy in regard to religion.

However, in our opinion, the most important fact in relations between the public authorities and the WRPC is the state's readiness to implement the Council's initiatives based on Orthodox values in the field of the right to freedom of conscience and the activities of religious associations in Russia.

Modern Russian legislation on the right to freedom of conscience

Before proceeding to the immediate consideration of the ideological concepts of WRPC, subsequently implemented at the legislative level or in law enforcement practice, we will briefly consider the modern normative regulation of the right to freedom of conscience in Russia.

The current Russian Constitution enshrines the principle of secularism and separation of religious associations from the state (Article 14) and also guarantees everyone the right to freedom of conscience, freedom of religion, including the right to profess individually or jointly with others any religion or not to profess any religion (Article 28)¹⁴. At the same time, in 2020, Article 67.1 of the Constitution was amended and now indicate that the faith in God was transmitted to Russian people by their ancestors¹⁵. The Constitutional Court of the Russian Federation clarified that these changes do not mean “a rejection of the secular nature of the Russian state ... and freedom of conscience, since in their formulation they are not associated with confessional affiliation”¹⁶. However, in conjunction with the preamble to the Federal Law “On freedom of conscience and on religious associations”¹⁷, which assign the Orthodoxy a special role in the history of Russia and in the formation and development of its spirituality and culture, and Christianity, Islam, Judaism and Buddhism constitute an integral part of the historical heritage of the people of Russia, it is obvious that traditional religions and, first of all, Orthodoxy, seem to be of some political and legal preference. Consequently, religion-state relations based on the current legislation are developing in a given direction, but at the same time, the right to freedom of conscience, as the right of personal religious choice, remains under inviolable

¹⁴ Constitution of the Russian Federation dated 12.12.93. Collected Legislation of the Russian Federation, 08/04/2014, N 31, Art. 4398.

¹⁵ Constitution of the Russian Federation dated 12.12.93. *Rossiyskaya gazeta*. 04.07.2020. No. 144.

¹⁶ Clause 3 of the Conclusion of the Constitutional Court of the Russian Federation dated March 16, 2020 No. 1–3 “On the compliance with the provisions of Chapters 1, 2 and 9 of the Constitution of the Russian Federation of the provisions of the Law of the Russian Federation on the amendment to the Constitution of the Russian Federation.” On improving the regulation of certain issues of organization and functioning of public authorities”, as well as on the compliance with the Constitution of the Russian Federation of the procedure for the entry into force of Article 1 of this Law in connection with the request of the President of the Russian Federation”. *Rossiyskaya gazeta*. 17.03.2020. No. 56 (8110).

¹⁷ Federal Law No. 125-FZ of September 26, 1997 “On Freedom of Conscience and on Religious Associations.” Collected Legislation of the Russian Federation, 09/29/1997, N 39, Art. 4465.

constitutional protection. Thus, Russian legal regulation on the relationship between the state and religious organizations contributes to the manifestation of political favoring of Orthodoxy on the part of the state.

Reception of council concepts by the Russian legislator

Having an idea of the Russian legislation on the right to freedom of conscience, we proceed to studying of those of its elements that correlate with the ideas developed under the WRPC.

1. One of the subjects of discussion of the very first WRPC in 1993 was the issue of limiting the activities of destructive religious associations. Thus, in the resolution of the thematic group “State Development of Russia” I of the WRPC underlines the need to limit missionary activity of foreign citizens: “only our citizens can preach in our country. Foreign citizens can carry out missionary activities only by the invitation of the heads of traditional confessions. It is necessary to introduce a clearer legal regulation of the organization and activities of various sects on the territory of our country”¹⁸. The resolution of the thematic group “Ways and goals of the spiritual revival of Russia” I of the WRPC states that freedom of conscience is “violated by the actions of some missionaries, who use their material advantages to impose their convictions on Russian people”¹⁹. Moreover, foreign organizations, which are of dubious popularity in their homeland, open their branches in Russia. The discussion on this topic continued at the VI WRPC in 2001. The Governor of the Kaliningrad Region Yegorov V.G. named several religious organizations “of concern: Mormons, Jehovah’s Witnesses, Church of Scientology”²⁰. Chairman of the State Duma Committee for Interaction with Public and Religious Organizations Zorkaltsev V.I. named the weakness of ensuring spiritual security as one of the most important problems in Russia, which, in his opinion, consists of opposing extremism, supporting the legal rights of traditional confessions, controlling the spread of totalitarian sects and pseudo-religious organizations such as Jehovah’s Witnesses²¹.

Years later all these ideas have been embodied in Russian legislation and jurisprudence. The law adopted in 2016, which received the code name “Ozerov-

¹⁸ Resolution of the thematic group “State development of Russia” I WRPC. The official website of the World Russian People’s Council. URL: <https://vrns.ru/documents/rezolyutsiya-tematicheskoy-gruppy-gosudarstvennoe-razvitiye-rossii/> (accessed: 28.04.2021).

¹⁹ Resolution of the thematic group “Ways and goals of the spiritual revival of Russia” I WRPC. The official website of the World Russian People’s Council. URL: <https://vrns.ru/documents/rezolyutsiya-tematicheskoy-gruppy-puti-i-tseli-dukhnovnogo-vozhzhdeniya-rossii/> (accessed: 28.04.2021).

²⁰ Speech by the Governor of the Kaliningrad Region V.G. Yegorov at the meeting of the section “Church. Nation. State” VI WRPC. The official website of the World Russian People’s Council. URL: <https://vrns.ru/documents/sektsiya-tserkov-natsiya-gosudarstvo/> (accessed: 05.05.2021).

²¹ Speech by the Chairman of the State Duma Committee on Interaction with Public and Religious Organizations V.I. Zorkaltsev The official website of the World Russian People’s Council. URL: <https://vrns.ru/documents/sektsiya-tserkov-natsiya-gosudarstvo/> (accessed: 05.05.2021).

Yarovaya package”²², introduced a number of restrictions for local religious organizations and religious groups. In particular, the law concerned inviting foreign citizens to engage in professional religious activities, including preaching. If until then various religious groups were actively preaching in Russia, now this activity has become permitted only for foreigners invited by a religious organization that has been operating on Russian territory for more than 10 years. Therefore, the number of non-traditional religious associations was significantly reduced. In 2016–2017 a number of trials were held against the Church of Scientology²³, and one of the most numerous religious organizations, Jehovah’s Witnesses, was finally liquidated²⁴.

2. At the III WRPC, held in 1995, the topic of the return of property removed during the Soviet era back to religious organizations was raised²⁵. This issue was also discussed at the X WRPC in 2006. Based on the results of the discussion, a resolution was adopted in support of the transfer of buildings in the Ryazan Kremlin to the Church²⁶.

The state supported this idea in 2010, when a large-scale campaign was launched to return the ownership or use of religious organizations, mainly the Russian Orthodox Church, immovable and movable property nationalized by the Soviet government²⁷.

3. At the VIII WRPC in 2004 a resolution on spiritual and religious education in Russia was adopted, which claimed “the vital need for Russia to remove all bureaucratic obstacles for teaching the Fundamentals of Orthodox culture in secondary schools while preserving the principle of voluntariness”²⁸. In the same resolution the legislator raised the issue of state certification and accreditation of

²² Federal Law of 06.07.2016 No. 374-FZ “On Amendments to the Federal Law” On Countering Terrorism “and certain legislative acts of the Russian Federation in terms of establishing additional measures to counter terrorism and ensure public safety”. Collected Legislation of the Russian Federation dated July 11, 2016 No. 28 Art. 4558.

²³ See, for example: the Supreme Court of the Russian Federation recognized the liquidation of the Church of Scientology as legal. Official site of the Russian newspaper. URL: <https://rg.ru/2016/06/29/verhovnyj-sud-rf-priznal-zakonnoj-likvidaciiu-saentologicheskoi-cerkvi.html> (accessed: 05.25.2021).

²⁴ Decision of the Supreme Court of the Russian Federation of 20.04.2017 N AKPI17-238; Appellate ruling of the Supreme Court of the Russian Federation of July 17, 2017 N APL17-216. Official site of the company “Consultant Plus”. URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=ARB002;n=501863#02535797431465554> (accessed: 02.08.2018).

²⁵ III WRPC documents. The official website of the World Russian People’s Council. URL: <https://vrns.ru/documents/dokumenty-iii-vsemirnogo-russkogo-narodnogo-sobora/> (accessed: 28.04.2021).

²⁶ Resolution X WRPC in support of the transfer of buildings in the Ryazan Kremlin to the Church. The official website of the World Russian People’s Council. URL: <https://vrns.ru/documents/rezolyutsiya-x-vrns-v-podderzhku-peredachi-tserkvi-zdaniy-v-ryazanskom-kremle/> (accessed: 05.06.2021).

²⁷ Federal Law No. 327 FZ of 30.11.10 “On the Transfer of State or Municipal Property of Religious Purpose to Religious Organizations”. Collected Legislation of the Russian Federation, 06.12.2010, N 49, Art. 6423.

²⁸ Resolution VIII of the WRPC on spiritual and religious education in Russia. The official website of the World Russian People’s Council. URL: <https://vrns.ru/documents/rezolyutsiya-viii-vrns-odukhovnom-i-religioznom-obrazovanii-v-rossii/> (accessed: 05.05.2021).

religious educational institutions. By the resolution “On the development of the domestic system of religious education and science” XI WRPC in 2007 it was decided to request the Government of Russia to include the specialty “theology” in the list of scientific specialties of the Higher Attestation Commission, to initiate amendments to the legislation on the provision of religious educational institutions the rights of state accreditation and recognition of their diplomas and to include the subject of teaching the basics of Orthodox culture and ethics in the federal educational standard²⁹.

All these proposals were soon implemented: the subject “Fundamentals of Orthodox Culture” was added to the school curriculum in 2006 (later transformed into “Fundamentals of religious cultures and secular ethics”)³⁰, since 2008 the religious high schools were given the right to issue state diplomas³¹, and in 2015, “theology” was included in the list of scientific specialties³².

4. The “Declaration of Human Rights and Dignity” adopted at the 10th WRPC in 2006 states that it is unacceptable to insult religious and national feelings, revered shrines³³.

In 2013, amendments were made to the administrative and criminal legislation in order to prohibit insulting the feelings of believers³⁴. According to Article 5.26 of the Code of Administrative Offenses of the Russian Federation, a number of fines of up to one million rubles are provided for obstructing the exercise of the right to freedom of conscience and freedom of religion, deliberate public desecration of religious objects, etc. According to Article 148 of the Criminal Code of the Russian

²⁹ Resolution “On the development of the national system of religious education and science” XI WRPC. The official website of the World Russian People’s Council. URL: <https://vrns.ru/documents/rezolyutsiya-o-razviti-otechestvennoy-sistemy-religioznogo-obrazovaniya-i-nauki/> (accessed: 05.06.2021).

³⁰ See, for example: “Fundamentals of Orthodox Culture” is introduced as a compulsory course in four Russian regions. Official site of the Moscow Patriarchate. URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/137341.html> (accessed: 05.19.2021); Order of the Ministry of Education and Science of 01.02.2012 No. 74 “On Amendments to the Federal Basic Curriculum and Model Curricula for Educational Institutions of the Russian Federation Implementing General Education Programs”. “Bulletin of Education of Russia”, April 2012, No. 7.

³¹ Federal Law of February 28, 2008 N 14-FZ “On Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation Regarding Licensing and Accreditation of Professional Religious Education Institutions (Spiritual Educational Institutions)”. Collected Legislation of the Russian Federation dated March 3, 2008 N 9, Art. 813.

³² See, for example: “Theology was officially recognized as a scientific specialty.” Official site of Russian newspaper. URL: <https://rg.ru/2015/10/13/teologiya.html> (accessed: 05.19.2021); Minutes of the Presidium of the Higher Attestation Commission under the Ministry of Education and Science of the Russian Federation No. 24 dated September 25, 2015, recommendation No. 24/555.

³³ Declaration of Human Rights and Dignity, adopted at the X WRPC. The official website of the World Russian People’s Council. URL: <https://vrns.ru/documents/deklaratsiya-o-pravakh-i-dostoinstve-cheloveka/> (accessed: 05.06.2021).

³⁴ Federal Law of June 29, 2013 N 136-FZ “On Amendments to Article 148 of the Criminal Code of the Russian Federation and Certain Legislative Acts of the Russian Federation in order to counteract insult to the religious beliefs and feelings of citizens.” “Collection of legislation of the Russian Federation”, 01.07.2013, N 26, art. 3209.

Federation, for public actions, which express clear disrespect for society and committed in order to offend the religious feelings of believers, one face a penalty of up to three years in prison.

5. At different WRPC the moral ideals that consolidate Russian society were discussed: “mutual respect, love for the Motherland and respect for family values, national cultural and spiritual traditions”³⁵. The need to amend the Russian Constitution on the patriotic education of citizens³⁶ and on the protection of historical truth was also considered³⁷.

All these ideas are to a certain extent reflected in Article 67.1 of the Constitution of the Russian Federation, according of parts 3 and 4 of which “The Russian Federation honors the memory of the defenders of the Fatherland, provides protection of historical truth. Diminishing the significance of the heroic deed of the people in the defense of the Fatherland is not allowed. Children are the most important priority of Russian state policy. The state creates proper conditions to the extensive spiritual, moral, intellectual and physical development of children, as well as for fostering patriotism, citizenship and respect for the elderly. The state ensures the priority of family education and assumes the responsibilities of parents in relation to children left without care”³⁸. Interestingly, in the initial version of the above-mentioned constitutional provisions, children were called “the most important property of Russia”³⁹, which correlates with the title of the program document of the XIII WRPC, which is “Future generations are the national heritage of Russia”⁴⁰.

The study made it possible to see a clear parallel between the conceptual provisions proposed by the WRPC and the subsequent reform of the legislation on freedom of conscience. For clarity of the indicated conclusion, the corresponding comparative table is given below:

³⁵ Greetings from the President of Russia Dmitry Medvedev to the participants of the XV WRPC. The official website of the World Russian People’s Council. URL: <https://vrns.ru/documents/privetstvie-prezidenta-rossii-d-a-medvedeva-uchastnikam-xv-vsemirnogo-russkogo-narodnogo-sobora/> (accessed: 11.05.2021).

³⁶ Resolution of the section “History of Russia – the history of love of the Fatherland. Problems of patriotism in modern Russia” XVI WRPC. The official website of the World Russian People’s Council. URL: <https://vrns.ru/documents/rezolyutsiya-sektsii-istoriya-rossii-istoriya-otchiznolyubiya-problemy-patriotizma-v-sovremennoy-ros/> (accessed: 11.05.2021).

³⁷ Section “Historical truth of Victory in the Great Patriotic War” IX WRPC. The official website of the World Russian People’s Council. URL: <https://vrns.ru/documents/sektsiya-istoricheskaya-pravda-pobedy-v-velikoy-otechestvennoy-voynе/> (accessed: 19.05.2021).

³⁸ Constitution of the Russian Federation dated 12.12.93. *Rossiyskaya gazeta*. 04.07.2020. No. 144.

³⁹ See, for example: “The Committee approved an amendment to the Constitution about children as the property of Russia”. Official site of the Russian newspaper. URL: <https://rg.ru/2020/03/03/komitet-odobril-popravku-v-konstituciiu-o-detiah-kak-o-dostoianii-rossii.html> (accessed: 19.05.2021).

⁴⁰ Program document XIII WRPC “Future generations – the national treasure of Russia.” The official website of the World Russian People’s Council. URL: <https://vrns.ru/documents/programmnyy-dokument-xiii-vsemirnogo-russkogo-narodnogo-sobora-budushchie-pokoleniya-natsionalnoe-do/> (accessed: 05.06.2021).

Table 1

Summary comparison of ideas developed by WRPC and Russian legal acts

No.	Ideas developed within the framework of WRPC	Document of WRPC	Normative acts	The essence of the changes
1	Restrictions on missionary activity by destructive religious associations	Resolution of the thematic group "State development of Russia" I WRPC; Resolution of the thematic group "Ways and goals of the spiritual revival of Russia" I WRPC	Federal Law of 06.07.2016 No. 374-FZ "On Amendments to the Federal Law" on Countering Terrorism "and certain legislative acts of the Russian Federation in terms of establishing additional measures to counter terrorism and ensure public safety"	The concept of "missionary activity" has been introduced and a number of restrictions have been introduced for local religious organizations and religious groups, concerning, in particular, inviting foreign citizens to engage in preaching and other religious activities
2	Return of property seized during the Soviet era back to religious organizations	III WRPC documents; Resolution X WRPC in support of the transfer of buildings in the Ryazan Kremlin to the Church. Official website of the World Russian People's Council	Federal Law of November 30, 2010 No. 327 FZ "On the Transfer of State or Municipal Property of Religious Purpose to Religious Organizations"	Religious organizations, mainly the Russian Orthodox Church, received the ownership (use) of property nationalized by the Soviet government
3	Spiritual and religious education: teaching in schools of the FOC, the inclusion of FRCSE in the FES, certification and accreditation of theological educational institutions, the inclusion of "theology" in the list of scientific specialties of the Higher Attestation Commission	Resolution VIII of the WRPC on spiritual and religious education in Russia	Order of the Ministry of Education and Science of 01.02.2012 No. 74 "On Amendments to the Federal Basic Curriculum and Model Curricula for Educational Institutions of the Russian Federation Implementing General Education Programs"	Into the basic curriculum of primary education (grade IV) the subject "Fundamentals of Religious Cultures and Secular Ethics" was introduced in the amount of 34 hours per year
		Resolution "On the development of the national system of religious education and science" XI WRPC	Federal Law No. 14-FZ of February 28, 2008 "On Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation Regarding Licensing and Accreditation of Professional Religious Education Institutions (Spiritual Educational Institutions)"	Religious universities received the right to issue state diplomas
			Minutes of the Presidium of the Higher Attestation Commission under the Ministry of Education and Science of the Russian Federation No. 24 dated September 25, 2015, recommendation No. 24/555	"Theology" is included in the list of scientific specialties

The end of the table 1

No.	Ideas developed within the framework of WRPC	Document of WRPC	Normative acts	The essence of the changes
4	Inadmissibility of insulting religious and national feelings, revered shrines	Declaration of Human Rights and Dignity, adopted at the X WRPC	Federal Law of June 29, 2013 N 136-FZ "On Amendments to Article 148 of the Criminal Code of the Russian Federation and Certain Legislative Acts of the Russian Federation in order to counteract insult to the religious beliefs and feelings of citizens"	Administrative and criminal penalties for public actions expressing clear disrespect for society and committed in order to offend the religious feelings of believers are introduced
5	The need to amend the Russian Constitution on patriotic education of citizens and on the protection of historical truth	Resolution of the section "History of Russia – the history of the love of the Fatherland. Problems of patriotism in modern Russia", XVI WRPC	Article 67.1 of the Constitution of the Russian Federation	Provisions have been made on honoring the memory of the defenders of the Fatherland, ensuring the protection of historical truth, raising patriotism in children

Source: made by the author.

Although there are no sufficient grounds for stating an unambiguous causal relationship between these two factors, we can confidently state a serious significance of the WRPC for the state and loyalty of the top state officials to a range of issues discussed at the Council. As noted by the mayor of Moscow Sobyenin S.S. in the address to the Council: “while discussing the problems of spiritual unity and diversity, the relationship between traditions and progress, you provide conclusions and recommendations that will certainly be in demand by the society and the state”⁴¹.

Conclusion

Therefore, the WRPC can reasonably be called one of the regulators of modern Russian politics, whose position the state treats with special attention. The interest of the authorities in the activities of the Council is due to the search for a value basis for the directions of social development and the desire to implement traditional spiritual and moral foundations into political and legal reality. Protecting traditional values, the state relies on the formation of the ideological attitudes of citizens, the harmonization and consolidation of society, as well as on ensuring religious security. In this context the reception of the WRPC documents, saturated with spiritual and moral ideals, occurs naturally and effortlessly. This is confirmed by the final words of greetings from the President of Russia Putin V.V. to the last Council that took place: “I want to emphasize that all your constructive proposals

⁴¹ Speech by the Mayor of Moscow S.S. Sobyenin at XXII WRPC. The official website of the World Russian People’s Council. URL: <https://vrns.ru/documents/vystuplenie-mera-moskvy-s-s-sobyanina/> (accessed: 15.05.2021).

will certainly be in demand”⁴². Therefore, in general, the WRPC can be claimed to be one of the generators of political concepts of Orthodox identity and informal catalysts for reforming the Russian legal field.

Received / Поступила в редакцию: 10.06.2021

Accepted / Принята к публикации: 15.08.2021

References / Библиографический список

- Bogachev, M.I. (2018). Continu abitur: Social and Religious Life of Russian Regions. *State, Religion and Church in Russia and Worldwide*, 3(36), 224–238.
- Bogachev, M.I., & Sorvin, K.V. (2020). Politics in the Church: For Whom Do Orthodox Priests Call to Vote? *State, Religion and Church in Russia and Worldwide*, (3), 331–361.
- Ierusalimskiy, Yu.Yu., & Rudakov, A.B. (2019). *The role of the World Russian People’s Council in the consolidation of Russian society in the 1990s. House of the Romanovs and the Yaroslavl region: conference proceeding* (pp. 437–444). Yaroslavl: Indigo. (In Russian).
Иерусалимский Ю.Ю., Рудаков А.Б. Роль Всемирного русского народного собора в консолидации российского общества в 1990-х годах // Международная научно-практическая конференция «Дом Романовых и Ярославский край»: материалы конференции / под ред. Ю.Ю. Иерусалимского. Ярославль: Индиго, 2019. С. 437–444.
- Ierusalimskiy, Yu.Yu., & Rudakov, A.B. (2021). Issues of education, science and culture in the work of the World Russian People’s Council at the end of the twentieth century. *Bulletin of Moscow Region State University. History and Political Science*, (2), 117–124. (In Russian).
Иерусалимский Ю.Ю., Рудаков А.Б. Вопросы образования, науки и культуры в деятельности Всемирного русского народного собора в конце XX столетия // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2021. № 2. С. 117–124. DOI: 10.18384/2310-676X-2021-2-117-124
- Meshcheryakova, A.F. (2020). State-church interaction as a factor in the formation of a secular state and civil society in Russia. *Electronic scientific journal “Science. Society. State”*, 8(1), 27–36. Retrieved from <http://esj.pnzgu.ru> (In Russian).
Мещерякова А.Ф. Государственно-церковное взаимодействие как фактор формирования светского государства и гражданского общества в России // Электронный научный журнал «Наука. Общество. Государство». 2020. Т. 8. № 1 (29). С. 27–36. URL: <http://esj.pnzgu.ru> (дата обращения: 21.09.2021). DOI: 10.21685/2307-9525-2020-8-1-4
- Mchedlova, M.M. (2020). Metaphysics of russian society: ideological constructions, institutional configurations and contemporary cognitive shift. *Pushkin Leningrad State University Journal*, (3), 59–79. (In Russian).
Мчедлова М.М. Метафизика российского общества: идейные конструкции, институциональные конфигурации и современные познавательные сдвиги // Вестник Ленинградского государственного университета имени А.С. Пушкина. 2020. № 3. С. 59–79.
- Mchedlova, M.M. (2020). Religion in Political Construction of Modernity: Editorial Introduction. *RUDN Journal of Political Science*, 22(4), 541–546. (In Russian).
Мчедлова М.М. Религия в политических конструкциях современности: представляю номер // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2020. Т. 22. № 4. С. 541–546. DOI: 10.22363/2313-1438-2020-22-4-541-546
- Mchedlova, M.M., & Kazarinova D.B. (2020). The identity politics: competition of new theoretical meanings and political strategies. *Political Science*, (4), 13–35. (In Russian).

⁴² Greetings from the President of the Russian Federation V.V. Putin to XXIII WRPC. The official website of the World Russian People’s Council. URL: <https://vrns.ru/documents/privetstvie-prezidenta-rf-v-v-putina/> (accessed: 21.09.2021).

- Мчедлова М.М., Казаринова Д.Б.* Политика идентичности: конкуренция новых теоретических смыслов и политических стратегий // *Политическая наука*. 2020. № 4. С. 13–35. DOI: <http://www.doi.org/10.31249/poln/2020.04.01>
- Mchedlova, M.M., & Kofanova, E.N. (2020). Russia in Anticipation of Changes: Religious Factor and Socio-political Preferences. *RUDN Journal of Political Science*, 22(1), 7–21. (In Russian).
- Мчедлова М.М., Кофанова Е.Н.* Россия в ожидании перемен: религиозный фактор и социально-политические предпочтения // *Вестник Российского университета дружбы народов*. Серия: Политология. 2020. Т. 22. № 1. С. 7–21. DOI: 10.22363/2313-1438-2020-22-1-7-21
- Pinkevich, V.K. (2020). The Politicization of Society and the Religious Issues in Modern Russia. *RUDN Journal of Political Science*, 22(4), 647–663. (In Russian).
- Пинкевич В.К.* Политизация общества и религиозные отношения в современной России // *Вестник Российского университета дружбы народов*. Серия: Политология. 2020. Т. 22. № 4. С. 647–663. DOI: 10.22363/2313-1438-2020-22-4-647-663
- Rudakov, A.V. (2020). Issues of demography and health in the perception of the participants of the IV World Russian National Council (1997). *Modern science: actual problems of theory and practice. Humanities*, (6–2), 19–22. (In Russian).
- Рудаков А.В.* Вопросы демографии и здравоохранения в восприятии участников IV Всемирного русского народного собора (1997 г.) // *Современная наука: актуальные проблемы теории и практики*. Серия: Гуманитарные науки. 2020. № 6–2. С. 19–22.
- Shchipkov, A.V. (2018). *Questions of ideology*. Moscow: Abris. (In Russian).
- Щипков А.В.* Вопросы идеологии: монография. М.: Абрис, 2018.
- Shchipkov, A.V. (2021). *Discourse of Orthodoxy. Description of the ideological space of modern Russian Orthodoxy*. Moscow: Moscow Patriarchate of the Russian Orthodox Church publ. (In Russian).
- Щипков А. В.* Дискурс ортодоксии. Описание идейного пространства современного русского православия. М.: Издательство Московской Патриархии Русской Православной Церкви, 2021.

About the author:

Natalya D. Shikher – postgraduate student of the Department of National and Federal Relations, RANEPА, Head of the Department of the Office of the Commissioner for Human Rights in the Russian Federation (e-mail: raspberry33@yandex.ru) (ORCID: 0000-0002-0141-3814)

Сведения об авторе:

Шихер Наталья Дмитриевна – аспирант кафедры национальных и федеративных отношений РАНХиГС, начальник отдела защиты политических прав Аппарата Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации (e-mail: raspberry33@yandex.ru) (ORCID: 0000-0002-0141-3814)

ИДЕНТИЧНОСТЬ НА ПОСТСОВЕТСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ

IDENTITY IN THE POST-SOVIET SPACE

DOI: 10.22363/2313-1438-2021-23-4-614-629

Научная статья / Research article

Политика идентичности и международная безопасность европейских государств постсоветского пространства

Л.А. Фадеева, Д.С. Плотников

Пермский государственный национальный исследовательский университет, Пермь,
Российская Федерация

Аннотация. В статье политика идентичности понимается как целенаправленный курс на форсирование и поддержание макрополитической идентичности. Авторы ссылаются на традиционное понимание политики идентичности в качестве политического курса, ориентированного на защиту прав угнетенных (депривированных) меньшинств. Объектом исследования являются европейские страны постсоветского пространства. На основе декларируемой в официальных выступлениях и подтвержденной в СМИ и учебниках истории позиции определяется доминирование международного (европейского) вектора политической идентичности. Авторы выделяют несколько этапов, определяющих алгоритм политики идентичности стран Балтии, Украины и Беларуси, приводят примеры того, что в современных условиях ссылка на ценностные ориентиры актуализирует классическое понимание политики идентичности, одновременно обостряя противостояние между странами, которые выбрали европейский вектор, и теми, кто колеблется или не имеет такого шанса.

Ключевые слова: политика идентичности, международная безопасность, конструирование идентичности, постсоветское пространство, Европейский союз, европейский фактор, Россия, Запад, секьюритизация

Для цитирования: Фадеева Л.А., Плотников Д.С. Политика идентичности и международная безопасность европейских государств постсоветского пространства // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2021. Т. 23. № 4. С. 614–629. DOI: 10.22363/2313-1438-2021-23-4-614-629

Благодарности: Статья подготовлена в рамках проекта «Война и мир в вызовах европейской безопасности» – POWERS программы Жана Монне.

© Фадеева Л.А., Плотников Д.С., 2021

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

Identity Politics and International Security of the Post-Soviet European States

L.A. Fadeeva, D.S. Plotnikov

Perm State University, Perm, Russian Federation

Abstract. In the article, identity politics is understood as an intentional policy towards forcing and maintaining a macro-political identity. The authors also refer to the traditional understanding of identity politics as a political course focused on protecting the rights of oppressed (deprived) minorities. The object of the research is the European countries of the post-Soviet space. The authors emphasize the dominance of the international (European) vector of political identity, based on the position declared in official speeches and confirmed in the media and history textbooks. The authors identify several stages that determine the algorithm of identity politics in the Baltic countries, the Ukraine and Belarus. They give examples of how in modern conditions the reference to value orientations actualizes the classical understanding of identity politics, at the same time exacerbating the confrontation between the countries that have chosen the European vector and those who hesitate or do not have such a chance.

Keywords: identity politics, international security, identity construction, post-Soviet space, European factor, Europe, Russia, the West, securitization

For citation: Fadeeva, L.A., & Plotnikov, D.S. (2021). Identity politics and international security of the post-Soviet European states. *RUDN Journal of Political Science*, 23(4), 614–629. (In Russian). DOI: 10.22363/2313-1438-2021-23-4-614-629

Acknowledgements: The article is prepared with the support of Jean Monnet Network – Erasmus+ Programme “Peace, War and the World in European Security Challenges” (POWERS).

Введение

Значимость идентичности в международных отношениях, в том числе в области формирования внешней политики, широко представлена в научной литературе [Hall 1999; Lebow 2016; Vucetic 1996]. Предложенная Р. Ароном концептуализация связи идентичности со стремлением государств к безопасности [Арон 2000] находит подтверждение в современном мире. Анализ конструирования коллективных идентичностей дает исследователям основания говорить о секьюритизации политики памяти и идентичности, ее тесной привязке к вопросам безопасности, защиты идентичности, особенно применительно к новым политическим акторам [Политика памяти... 2020].

Таковыми акторами стали все страны постсоветского пространства, у которых возникла острая потребность в воссоздании, конструировании национальной, политической идентичности [Национальные истории... 2009], в политике идентичности как политическом курсе «по сознательному, целенаправленному и систематическому формированию (конструированию), утверждению и корректировке национально-государственной идентичности» [Попова 2020].

В данной статье анализируются алгоритмы политики идентичности в постсоветских странах Восточной Европы за последние 30 лет, проводимой

политической и поддерживаемой интеллектуальной элитой, во внешнеполитическом контексте, который в значительной мере определял как характер политики идентичности, так и координаты внешней политики. Такие процессы существенно повлияли на трансформацию понимания политики идентичности как аналитической категории – от борьбы за признание социально ущемленных групп до деятельности субъектов политического процесса по формированию и поддержанию разных форм макрополитической идентичности [Идентичность... 2017].

Этапы идентитарной политики

Этапы идентитарной политики новых политических авторов – в контексте данной статьи – стран Балтии, Беларуси и Украины – тесно связаны с изменением международной ситуации. Как справедливо отмечает А.Д. Богатуров, ряд малых стран, в том числе на постсоветском пространстве, «живут не столько в системе мировых политических координат, сколько вдоль оси отношений Россия – Запад, плотно к этой оси прирав и от нее питаюсь – идеологически, политически и экономико-финансово»¹. Проводимая в этих странах политика идентичности зависит от данной оси. Значение имеет не только величина страны и ее потенциал. В 1990-е годы все эти страны нуждались в национальной идентичности, национальной идее, а ее интегратором, как правило, служит внешний «враг» [Казанцев, Меркушев 2008].

Первый этап – конструирование политической идентичности после распада СССР и на протяжении 1990-х гг., где перед новыми государствами постсоветского пространства встали задачи нахождения собственного места в современной международной системе, поиска «союзников» и мобилизации против «врагов». Одной из ключевых задач этого этапа является обоснование права на независимость и «историческая закономерность» появления самостоятельного государства после распада СССР.

Началом второго этапа стало расширение ЕС в 2004 г., усилившее европейский фактор политики идентичности для стран Балтии (Литва, Латвия, Эстония), которые стали новыми членами ЕС. Европейский вектор в политике идентичности сказался на ходе «оранжевой революции» в Украине в конце 2004 – начале 2005 г. Россия и Беларусь, напротив, в эти годы начинают отказываться от европейского вектора. Украина, которая на первом этапе придерживалась «многовекторности», на втором этапе делает ставку на поддержку ЕС и США с одновременным обозначением России в качестве «врага». Введение США в 2004 г. санкций в отношении Беларуси в связи с нарушением прав человека способствовало очередному качанию маятника белорусской внешней политики в сторону Москвы и формирование образа врага в лице «Запада».

¹ Богатуров А.Д. Искушение Рейганом. Лимитрофы становятся значимым фактором в политике США на российском направлении // Независимая газета. 2006. 22 мая.

Третий этап трансформации политики идентичности в странах постсоветского пространства начинается с 2014–2015 гг., когда присоединение Крыма Россией и ее поддержка «Русского мира» на востоке Украины сочеталась с попыткой Москвы углубить интеграционные процессы на постсоветском пространстве под эгидой Евразийского экономического союза. Действия России в Украине способствовали не только дальнейшему формированию образа этой страны в качестве «врага» в странах Балтии и Украине, но и привели к новым колебаниям политики идентичности в Беларуси.

Современный этап в формировании политики идентичности связан с обострением геополитического противостояния между ЕС и Россией, которое проходит по странам постсоветского пространства, выбравшим в качестве союзника одного из двух внешнеполитических акторов, с приходом к власти политика «новой волны» В. Зеленского в Украине в 2019 г. и жестоким подавлением протестов в Беларуси после президентских выборов 9 августа 2020 г.

«Изобретение» идентичности: 1990-е гг.

После обретения независимости страны Балтии (Литва, Латвия, Эстония) сразу взяли курс на интеграцию в евроатлантические структуры, провозглашая свое «возвращение в Европу». В вопросах идентичности балтийские народы связывали себя и свою ментальность с Европой (литовцы и латыши с Восточной Европой, а эстонцы с Северной, прежде всего Финляндией). Разрыв с советским прошлым выражался как в запрете советской символики, так и в актах «восстановления» государственности до 1940 года (т.е. до «советской оккупации»). В 1992 г. в Литве был принят Конституционный Акт «о неприсоединении Литовской Республики к постсоветским восточным союзам»². Литва очень гордилась тем, что объявила о своей независимости еще до распада СССР, 11 марта 1990 г. Правда, признали ее лишь Исландия и Дания [Vitkus 2019]. В балтийских странах шло активное переписывание истории, оценка советского периода как оккупации, начались войны памяти и «войны памятников» [Национальные истории... 2009:148–201].

Украина и Беларусь после распада СССР первоначально провозгласили политику «многовекторности», стремясь сохранить социально-экономические связи с Россией и наладить взаимоотношения со странами Европы.

Исторические традиции в Беларуси и Украине существенно различались, что отразилось как на внешней, так и на идентитарной политике этих стран уже в 1990-е годы. Украина представляет собой «расколотое» государство, в котором нет консенсуса по ключевым вопросам, включая вопрос внешней политики. При этом политическая элита избрала в качестве ключевого элемента политики идентичности украинского государства идею нациостроительства на основе украинской нации, языка и культуры (этническое основание макрополитической идентичности). Культурно-гуманитарная политика в Украине

² Конституционный акт Литовской республики. URL: <https://e-seimas.lrs.lt/portal/legalAct/lt/TAD/TAIS.241798?jfwid=gvv9zhn32> (дата обращения: 30.08.2021).

была отдана на откуп умеренным националистам из «Руха», которые воспринимали Украину в качестве европейской державы, а Россия рассматривалась ими как помеха на пути «возвращения в Европу».

Причины конфронтации с Россией исследователи видят в том, что в основе политики идентичности Украины были положены «три основополагающих положения: российское государство – это враг украинской независимости, и поэтому в интересах Украины его ослабление, а еще лучше распад; русское население на Украине – очень серьезное препятствие на пути становления независимого украинского государства, и поэтому оно должно быть ассимилировано; независимость украинского государства может быть гарантирована только благодаря тесному сотрудничеству с европейскими странами, которые помогут ей в отстаивании своей независимости в противостоянии с „азиатской“ Россией, так как Украина является европейской страной, частью Европы» [Шмелев 2021].

Под занавес второго президентского срока Л. Кучма опубликовал книгу «Украина – не Россия», где выражал негодование по поводу пренебрежительного отношения россиян к украинской независимости и культурной идентичности, трактуя формулировки «Киев – мать городов русских», «Древняя Русь – общая колыбель трех восточно-славянских народов» как утверждение, что «Вы – это мы, а мы – это вы. То есть, вас – нету! Со всей вашей якобы отдельной историей и ментальностью» [Кучма 2003:3].

Беларусь, в сравнении с Украиной и другими республиками бывшего СССР, считается наиболее «русифицированной» страной, где сильны культурно-исторические связи с Россией. В общественном дискурсе Беларуси выделяют четыре модели внешней политики страны: «возвращение в Европу»; финляндизация внешней политики Минска; многовекторность; курс на государственную интеграцию с Россией [Неменский 2016]. Эти модели коррелируют с политикой идентичности.

Идея сближения с Россией строилась на историко-культурной идентичности. Признав в качестве государственного русский язык и идя на более тесное сотрудничество с Россией, Беларусь во многом схожим с Россией образом трактовала исторические события, акцентируя внимание на Великой Отечественной войне и «партизанщине». В целом Беларусь при А. Лукашенко во многом свернула процессы «десоветизации», что в символическом смысле выразилось в принятии герба и флага Беларуси, очень похожего на герб и флаг Белорусской ССР. Общая ностальгия по советскому прошлому, восприятие в качестве врага стран Запада стали той платформой, на которой продолжилось противоречивое сближение России и Беларуси в 2000-е гг.

Становление идентичности «буферной зоны»

Во всех странах Балтии в конце 1990-х – начале 2000-х гг. к власти приходили политики эмигрантской волны, чья сознательная жизнь проходила в странах Западной Европы либо Северной Америки. Их приход на высшие государственные посты знаменовал заимствование западной модели в области

управления и символизировал возврат к европейским ценностям с одновременным разрывом со всем советским, которое стало синонимом чужеродного и враждебного. Именно политики эмигрантской волны (Валдас Адамкус, Президент Литвы в 1998–2009, Вайра Вике-Фрайберга, президент Латвии в 1999–2007 гг., Тоомас Хендрик Ильвес, президент Эстонии в 2006–2016 гг.) сделали очень много для включения стран Балтии в евроатлантические структуры (в марте 2004 г. в НАТО, а в мае 2004 г. в ЕС).

На смену представлению 1990-х гг. о странах Балтики как некоем «мосте между Европой и «демократической» Россией пришли концепции понимания Балтики как «буферной зоны» или некой «прифронтовой полосы», сдерживающей «российский авторитаризм» в 2000-е гг. Балтийские страны отказались от празднования дня Победы 9 мая, вместо этого отмечая «день Европы», напоминающий о «цивилизационном» выборе Балтийских государств. Рост опасения реваншизма со стороны России произошел после заявлений В. Путина о том, что он считает распад СССР «крупнейшей геополитической катастрофой»³. Прибалты выступали как постоянные критики внутренней и внешней политики России, их политики столь часто говорили об угрозе со стороны России, что воспринимались европейскими элитами как спойлеры, которые лишь вносят напряженность и ненужный шум в отношения Запада и России [Raik 2016]. Важным элементом политики идентичности балтийских стран был виктимизм: представления себя в качестве жертвы двух тоталитаризмов – нацистского и советского. До вступления в ЕС они еще не отказывались от признания Холокоста как ключевого момента в коллективной памяти о войне, но музеи открывали не Холокосту, а жертвам советского террора.

После вступления в ЕС балтийские страны стали вместе с Польшей инициаторами пересмотра исторического нарратива, в котором «добрые союзники победили злых нацистов» [Фадеева, Плотников 2019]. Проблема вины и ответственности за советскую оккупацию была перенесена из внутренней повестки во внешнюю, в повестку Европейского союза, в результате чего были приняты документы, уравнивающие нацизм и сталинизм [Политика памяти... 2020].

В этот период во внешней политике и политике идентичности Украины можно выделить два этапа. Первый – 2004–2010 гг., когда после «Оранжевой революции» президент В. Ющенко провозгласил курс на евроинтеграцию и вступление в НАТО приоритетами во внешней политике, стремясь максимально дистанцироваться от России. Второй – 2010–2013 – период президентства В. Януковича, а именно возвращение к политике «многовекторности» и налаживание диалога с Россией.

Победа «оранжевой революции» происходила под лозунгами «евроинтеграции». Ценностные ориентации, представленные «европейским выбором» Украины, имели прочные коннотации с победой В. Ющенко, которого

³ Путин объяснил, почему считает распад СССР крупнейшей катастрофой XX века. URL: <https://ria.ru/20170613/1496353896.html> (дата обращения: 28.08.2021).

поддерживал ряд лидеров ЕС и США, что играло особую роль в мобилизации его сторонников [Финько 2005]. Как отмечают украинские политологи М. Погребинский и А. Толпыго, «для В. Ющенко европейский выбор, выбор геополитический и цивилизационный – базисный элемент национальной идеи, призванной обеспечить создание суверенного украинского государства» [Украина 2007].

Созданный при президенте «Институт национальной памяти» проводил политику декоммунизации, способствуя появлению «музеев советской оккупации», на государственном уровне происходило приравнивание «Голодомора» к геноциду. Заверения о скором вступлении Украины в НАТО и ЕС так и остались обещаниями, в итоге рейтинг В. Ющенко был настолько низким, что на президентских выборах 2010 г. он не прошел во второй тур. Победа В. Януковича с опорой на электорат юго-восточных регионов Украины означала реанимацию идеи «многовекторности» и улучшения российско-украинских отношений. Приостановка же соглашения об ассоциации Украины с ЕС послужила поводом для новой революции. Таким образом, идея европейской интеграции Украины за 2000-е гг. обрела большую популярность преимущественно в центральных и западных регионах страны. Одним из ключевых факторов «европейского» выбора Украины стало расширение ЕС до непосредственных границ Украины.

Политические процессы в Беларуси в 2000-е гг. имели иной вектор: во второй половине 1990-х было подписано большое количество документов, касающихся сближения России и Беларуси, но в начале 2000-х процесс создания Союзного государства замедлился⁴. Подписывая документы, реализация которых откладывалась на потом, давая союзнические обязательства,

⁴ 29 апреля 1996 г. в Санкт-Петербурге руководители парламентов двух стран подписали соглашение о Парламентском Собрании.

2 апреля 1997 года в Москве президенты Белоруссии и России подписали Договор о Союзе Беларуси и России. С тех пор 2 апреля отмечается как День единения народов Белоруссии и России.

23 мая 1997 года состоялось подписание Устава Союза Беларуси и России. В соответствии с Уставом Союза Беларуси и России в 1997 году были образованы Высший совет и Исполнительный комитет Союза Беларуси и России. Парламентское Собрание Сообщества было преобразовано в Парламентское Собрание Союза Беларуси и России.

В 1997–1998 годах происходит формирование исполнительных органов Союза, общего бюджета, осуществляется разработка и реализация первых союзных программ. Образованы Пограничный и Таможенный комитеты, Комитет по вопросам безопасности.

В январе 1998 года был подписан Договор о совместной Телерадиовещательной организации Союза Беларуси и России.

25 декабря 1998 года президенты подписали Декларацию о дальнейшем единении Республики Беларусь и России, Договор о равных правах граждан, а также Соглашение о создании равных условий субъектам хозяйствования.

8 декабря 1999 года в Москве состоялось подписание Договора о создании Союзного государства и была принята Программа действий Республики Беларусь и Российской Федерации по реализации положений Договора о создании Союзного государства. 26 января 2000 г., после ратификации Договора парламентами двух стран, он вступил в силу.

А. Лукашенко выторговал существенные преференции для Беларуси в области экономических отношений с Россией. Журналисты едко назвали подобную политику А. Лукашенко в отношении России «нефть в обмен на поцелуи». Подобная политика Беларуси вызывала негодование со стороны российского руководства, что выражалось в периодических требованиях либо перевести отношения на «рыночные рельсы», либо начать имплементацию достигнутых договоренностей в области интеграции России и Беларуси.

Организованное давление со стороны Москвы на режим А. Лукашенко приводило к попыткам последнего наладить отношения со странами ЕС и США. Однако США и ЕС ставили в качестве условий либерализацию белорусского режима и допуск оппозиции на выборы, либерализацию экономики Беларуси, т.е. условия ценностного характера (распространение демократических стандартов и принципов рыночной экономики с вытекающими из этого правовыми инструментами в виде защиты собственности, независимости суда и т.д.). Внешняя политика Беларуси носила «маятниковый» характер, направленный на решение ситуативных задач, ставящих в качестве приоритета «выживание» режима А. Лукашенко. В идентитарной политике правящий класс периодически обращался к общему советскому прошлому, опыту партизанской войны и т.п., одновременно критикуя европейские ценности как декларативные. В свою очередь, белорусская оппозиция в ходе президентской избирательной кампании 2010 г. сплотилась под лозунгами европеизации Беларуси, а одним из лидеров протеста стал лидер движения «Европейская Беларусь» А. Санников.

Таким образом, на втором этапе наблюдается повсеместный рост антагонизма по оси Россия/Запад в политике идентичности стран Балтии, Украины и Беларуси, связанного с тем, что регион становится объектом противостояния ЕС и России, особенно в ходе «оранжевой революции» в Украине. Странам региона в этих условиях приходится выбирать «союзника» исходя из собственных ценностных ориентаций и приоритетов. Российское влияние на этом этапе резко сокращается в Украине и остается значительным лишь в Беларуси. Последующий этап («гроза 2014 года») ознаменовал еще больший рост противоречий и использование риторики «войны».

Секьюритизация политики идентичности

«Революция достоинства» в Украине в феврале 2014 г., захват Крыма Россией в марте 2014 г. и последующее военное противостояние на востоке Украины создали новую демаркационную линию. «Сотрудничество с Европой – ближайшим соседом России – забуксовало не только в результате украинского кризиса и принципиальных разногласий по определению политических и общественных ценностей, – отмечает Д.В. Тренин. – Изначальные основы этого сотрудничества – европейская идея о все большем приближении России к европейским нормам и принципам, но без включения России в ЕС и российская надежда на то, что элиты стран ЕС с окончанием холодной войны сойдут с атлантической орбиты и начнут строить вместе с Россией Большую

Европу – оказались нежизнеспособными. Не удалось договориться даже о принципах европейской безопасности в новых условиях» [Тренин 2021:231].

Претендуя на роль самостоятельного и активного актора международных отношений, Россия запустила процесс евразийской интеграции, что послужило основанием для обвинений со стороны Запада в «реинкарнации» СССР в новом обличье. Наиболее непримиримая риторика в адрес России последовала из уст президента Литвы Даля Грибаускайте, которая назвала Россию «террористическим государством»⁵. При этом Литва в данный период стремилась играть роль посредника между ЕС и странами постсоветского пространства, в частности, на саммите «Восточного партнерства» в ноябре 2013 г. в Вильнюсе, где Даля Грибаускайте настоятельно рекомендовала В. Януковичу подписать соглашение об ассоциации между Украиной и Евросоюзом, требуя изменения его внутренней политики в отношении оппозиции.

«Балтийский фактор» становится после событий 2014 г. одним из ключевых в отношениях ЕС и России. Кристи Райк, директор Эстонского института международной политики, характеризует этот процесс так, что на протяжении 20 лет балтийские государства (и Польша) предупреждали Европу об исходящей от России опасности, но в ответ получали обвинения в паранойе, связанной с чрезмерным вниманием к прошлому, которое сформировало встроенный антагонизм на уровне конструирования идентичности. Теперь они могут сказать: «Мы вам говорили!» [Raik 2016:240]. Райк ссылается на мнения исследователей, что Россия опирается на геополитический реализм, в то время как Европейский союз делает выбор в пользу ценностей. Но балтийские страны руководствовались геополитическими соображениями, используя все возможности для того, чтобы связать Украину с ЕС [Raik 2016:247].

В вопросах безопасности балтийские страны всецело полагаются на НАТО, оценивая Россию в качестве угрозы своей безопасности и требуя обеспечить их защиту. В характеристике их внешнеполитической идентичности произошел переход от понимания своих стран как мостов между Европой и Россией к оценке их как пограничной заставы [Miniotaite 2003:219]. А после 2014 г. – как прифронтовой полосы.

«Украинский транзит» важен не только сам по себе, но и как один из важных компонентов нового конструкта международных отношений, прежде всего, в Европе. «В глобальном политическом контексте Украина часто предстает объектом, а не самостоятельным субъектом международных отношений, картой в большой геополитической игре, – резюмирует В.И. Мироненко [Мироненко 2020:13]. Идея Русского мира как нового объединения территорий, населенных этническими русскими, имела кратковременный успех в Крыму и Донбассе, одновременно вызвав настороженность ряда стран, не только балтийских. Проект «Новороссия», продвигаемый Россией, не получил развития. Вместо этого произошла консолидация украинского общества

⁵ Президент Литвы назвала Россию «террористическим государством». URL: <https://www.rbc.ru/politics/20/11/2014/546dd439cbb20fbe188fb6a9> (дата обращения: 28.08.2021).

на национально-патриотических началах, с определением России как «агрессора» и «врага».

Переход Крыма под российский контроль при помощи вооруженных сил в 2014 г. усилил стремление А. Лукашенко сформировать альтернативную российской историческую идентичность. В ежегодном послании к народу и Республике А. Лукашенко в апреле 2014 г. заявил: «Я обращаюсь к вам в непростое время. Государства, окружающие нас, пришли в движение. Бурлит Украина, в полный исторический рост пытается встать Россия. На наших глазах рушатся старые границы. И впервые за много лет в Европе вновь потянуло дымком от взрывов»⁶. В 2016 г. А. Лукашенко одобрил сознание нового школьного учебника по истории, согласно которому становление белорусской государственности происходит в середине IX в. – с созданием Полоцкой земли, самостоятельно и автономно. Лукашенко в свойственной ему «простонародной» манере неоднократно заявлял, что белорусы имеют свою историю и идентичность, которые существенно отличаются от российской. Сравнивая украинский и белорусский национализмы, Д.В. Тренин отмечает менее антирусский характер последнего, но общую их ориентацию на ближний Запад, в то время как Европа не готова «в обозримом будущем интегрировать восточных соседей, ценность которых состоит главным образом в том, что они являются буферами, отделяющими ЕС от России» [Тренин 2021:327].

Современные перипетии политики идентичности

На современном этапе происходит беспрецедентное обострение в отношениях России с Западом, в частности Европейским союзом. Санкционная политика ЕС, дело Скрипалей, отравление Навального, ультиматумы европейских лидеров, торможение модели выборочного сотрудничества, отказ от встреч на высшем уровне – каждое из этих событий является знаковым. В контексте политики идентичности европейских стран особое значение имеет блокирование в июне 2021 г. инициативы Франции и Германии по проведению саммита Россия – ЕС. Ключевую роль в этом «отказе от смелости» (по словам Меркель) сыграли малые страны – члены ЕС, особенно балтийские государства. Их лидеры категорически высказались против такого саммита. Президент Литвы Гитанас Науседа назвал идею о саммите с Россией аналогичной «попытке привлечь медведя, чтобы сохранить горшок с медом в безопасности»⁷. Он выглядел чрезвычайно гордым, особенно по сравнению с весьма огорченной Ангелой Меркель. «Балтийский фактор» в отношениях России и ЕС в данной ситуации оказался решающим.

⁶ Послание Президента белорусскому народу и Национальному собранию. URL: <https://president.gov.by/ru/events/aleksandr-lukashenko-obraschaetsja-s-ezhegodnym-poslaniem-k-belorusskomu-narodu-i-natsionalnomu-sobraniju-8549> (дата обращения: 28.08.2021).

⁷ Евросоюз не поддержал инициативу Германии и Франции о проведении саммита с Россией. URL: <https://www.epochtimes.ru/evrosoyuz-ne-podderzhal-initsiativu-germanii-i-frantsii-o-provedenii-sammita-s-rossiej-99111695/> (дата обращения: 28.08.2021).

Выборы президента Украины весной 2019 г. и президентские выборы в Беларуси 9 августа 2020 г. оказываются тесно включены в этот процесс. Приход к власти В. Зеленского в 2019 г. ознаменовал сохранение западного вектора украинской внешней политики, с некоторыми отсылками к роли России. Так, на ежегодной мюнхенской конференции по безопасности в Европе В. Зеленский заявил относительно вооруженного конфликта на Донбассе: «Не мы эту войну начали, но нам ее заканчивать»⁸. Неудачи в разрешении конфликта и во внутренней политике, снижение рейтингов В. Зеленского толкали его на более жесткий внешнеполитический курс, а в плане политики идентичности – на «дрейф» в сторону умеренного национализма. В 2020-е гг. «западный» вектор внешней политики Украины сохраняется в качестве приоритетного, но идея «возвращения в Европу» воспринимается скорее как запрос на «справедливые» реформы по европейскому образцу.

В Беларуси последовавшие за президентскими выборами массовые акции протеста против фальсификации их результатов были жестоко подавлены властями. В ходе президентской кампании и после нее А. Лукашенко со своим собственным ему упорством искал внутренних и внешних «врагов», «расшатывающих» ситуацию в Беларуси. Традиционно риторика А. Лукашенко менялась в зависимости от политической конъюнктуры, порой на противоположную. Так, накануне выборов А. Лукашенко заявлял о «российском вмешательстве в выборы»⁹, после чего последовали аресты активистов связанного с Газпромом «Белгазпромбанка» (возглавляемого В. Бабарико – оппозиционным кандидатом на пост президента Беларуси), 29 июня 2020 г. КГБ Беларуси были арестованы под Минском 32 россиянина, которых позже СК Беларуси обвинил в «подготовке массовых беспорядков»¹⁰.

После признания В. Путиным итогов выборов и поздравления А. Лукашенко с победой образ «врага» в риторике А. Лукашенко переместился на «Запад». Олицетворением «врагов Беларуси» стали власти Польши и Литвы, помогающие белорусским гражданам получить убежище на своей территории. Вновь актуализируется историческая идентичность в контексте Великой Отечественной войны. Летом 2021 г. А. Лукашенко объявил 17 сентября «днем народного единства»¹¹, приурочив эту дату к советскому вторжению в

⁸ «Не мы начали эту войну, но нам ее заканчивать. И мы это сделаем. Вместе с вами». Речь Зеленского на Мюнхенской конференции по безопасности. URL: <https://gordonua.com/publications/-ne-my-nachali-etu-voynu-no-nam-ee-zakanchivat-i-my-eto-sdelaem-vmeste-s-vami-rech-zelenskogo-na-mjunhenskoj-konferentsii-po-bezopasnosti-1487128.html> (дата обращения: 28.08.2021).

⁹ Лукашенко заявил о российском вмешательстве во внутренние дела Белоруссии. URL: <https://www.interfax.ru/world/714616> (дата обращения: 28.08.2021).

¹⁰ 32 «вагнеровца», задержанные под Минском, вернулись в Россию. На Украине возмутились этим решением. URL: <https://www.bbc.com/russian/news-53775956> (дата обращения: 28.08.2021).

¹¹ А. Лукашенко рассказал, почему 17 сентября решил не объявлять выходным днем. URL: https://www.tvr.by/news/prezident/a_lukashenko_rasskazal_pochemu_17_sentyabrya_reshil_ne_o_byavlyat_ykhnodnym_dnem/ (дата обращения: 28.08.2021).

Польшу в 1939 г., в результате чего Польша была оккупирована СССР и Германией, а к территории Белорусской ССР были присоединены западные земли. Согласно заявлению пресс-службы президента Беларуси, «этот день стал актом исторической справедливости в отношении белорусского народа, разделенного против его воли в 1921 году по условиям Рижского мирного договора, и навсегда закрепился в национальной исторической традиции»¹².

Одновременно солидарность с политической оппозицией Беларуси, пострадавшей от действий силовиков, выразили страны ЕС (включая государства Балтии, в особенности Литвы), а также Украина.

В то же время и в Украине, и в Беларуси политические элиты воспринимают как историческую обиду попытку российских лидеров идентифицировать Беларусь и Украину в качестве «младших братьев» России, как в недавней статье В. Путина, который писал о едином историческом и духовном пространстве этих стран, а возникшие между ними расколы оценивал как общую беду как трагедию¹³. Времена единой Европы «от Лиссабона до Владивостока» оказались в далеком прошлом. Геополитическое противостояние по линии Россия – Запад задает тренд внешнеполитической идентичности («мы» – «они»), определяющей «друзей» и «врагов» для рассматриваемых стран постсоветского пространства на среднесрочную перспективу.

В то же время как российские, так и европейские исследователи отмечают, что демаркационная линия проходит по ценностным ориентирам. Во всех последних заявлениях лидеров ЕС звучит тема ценностей, которые находятся под угрозой извне и нуждаются в защите. Чаще всего такого рода декларации делаются в отношении России, которую рассматривают как угрозу безопасности Европейского союза. К защите общих ценностей и интересов призывает председатель Европейского совета Шарль Мишель¹⁴, включая в перечень таких ценностей веру в открытое общество, многосторонность и демократические ценности¹⁵. Председатель Европейской комиссии Урсула фон дер Ляйен решительно обвиняет Россию в том, что та «бросает вызов ценностям Евросоюза»¹⁶. Президент Франции, доказывая необходимость саммита ЕС – Россия, уверял, что «ЕС будет требователен, потому что мы не откажемся от наших ценностей»¹⁷. В интервью от 3 сентября 2021 г. «Радио

¹² В Беларуси учредили День народного единства. URL: <https://www.belta.by/president/view/v-belarusi-uchredili-den-narodnogo-edinstva-444876-2021/> (дата обращения: 28.08.2021).

¹³ Статья Владимира Путина «Об историческом единстве русских и украинцев». URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/66181> (дата обращения: 28.08.2021).

¹⁴ В Евросоюзе заявили, что не боятся Россию. URL: <https://ria.ru/20210611/evrosoyuz-1736690588.html> (дата обращения: 28.08.2021).

¹⁵ В Евросовете заявили, что тема России на саммите G7 станет одной из главных. URL: https://www.gazeta.ru/politics/news/2021/06/10/n_16085204.shtml (дата обращения: 28.08.2021).

¹⁶ Глава ЕК заявила о саботаже Россией ценностей и интересов ЕС. URL: <https://iz.ru/1168675/2021-05-25/glava-ek-zaiavila-o-sabotazhe-rossicii-tcennostei-i-interesov-es> (дата обращения: 28.08.2021).

¹⁷ Евросоюз отказался от идеи саммита с Россией, за которую ратовали Меркель и Макрон. URL: <https://www.bbc.com/russian/news-57598579> (дата обращения: 28.08.2021).

Свобода» верховный представитель ЕС по иностранным делам и политике безопасности Жозеп Боррель бросил России очередной упрек: «Из действий современной России очевидно, что политическое руководство Москвы явно не заинтересовано в сотрудничестве с Европейским союзом. Кремль отходит от Европы и европейских ценностей и, кажется, заинтересован в противостоянии, активно пытаясь вести подрывную деятельность против ЕС».

Российские политики парируют такие обвинения различными аргументами, включая ценностные. «Идейной основой воссоединения „западной семьи“ стало декларирование либеральных ценностей в качестве „путеводной звезды“ развития человечества», – заявляет С.В. Лавров, уточняя, что «бесперспективно ставить во главу угла вопрос о том, чьи ценности лучше или хуже, надо просто признать наличие других – по сравнению с западными – форм организации общества, принять как данность, уважать их»¹⁸.

В современном Европейском союзе защита прав сексуальных меньшинств отнесена большинством его лидеров и наднациональными структурами к числу его фундаментальных ценностей, таких как равенство, уважение и толерантность. Президент Венгрии Виктор Орбан, обосновывая свою политику, ссылается на традиции и самобытность венгров, которые желают защитить европейскую идентичность. Показательно, что против принятого в Венгрии закона против гей-пропаганды активно выступили балтийские страны – члены ЕС. Аналогичный закон, принятый в России, стал поводом для характеристики политики Путина как гомофобской, что становится константой позиции ЕС в отношении России. Таким образом, политика идентичности совершает неожиданный поворот: целенаправленный курс по конструированию и поддержанию макрополитической идентичности сегодня в контексте западной политики включает в себя политику по защите и продвижению меньшинств, в особенности сексуальных. Этот поворот поддержан балтийскими странами, хотя в Украине и Беларуси он не очевиден. Традиционно понимаемая политика идентичности становится своего рода маркером на толерантность, демократизм и европейскость.

Рассуждения в заключение

Встреча российского и белорусского президентов 10 сентября 2021 г. и актуализация проблематики Союзного государства, казалось бы, ставят под сомнение значимость идентитарной политики. Нам представляется, что новая ситуация, напротив, обостряет и актуализирует ее значение. Если рассуждать в русле «реальной политики», то понятно, что для России (Путина, Кремля) мотивы очередного сближения с Беларусью являются доминирующими, а идентитарные могут быть использованы в качестве инструментального подтверждения. Однако именно политика идентичности, очевидно, будет использована для легитимации поворота Лукашенко в сторону России и критики европейского вектора, что коснется проблемы европейских и национальных

¹⁸ URL: <https://globalaffairs.ru/articles/o-prave-pravah-i-pravilah/> (дата обращения: 28.08.2021).

ценностей, стандартов, норм поведения. В таком случае Россия и Беларусь окажутся по одну «линию фронта», а ЕС и его балтийские члены, а также Украина – по другую.

В целом последние события (очередная встреча В. Путина и А. Лукашенко и договоренность о новых дотациях Белоруссии со стороны России, заявления В. Зеленского о возможной войне с Россией и т.д.) подтверждают новые разграничительные линии, по разные стороны которых политические акторы будут выстраивать свои условные «прозападные» и «антизападные» идентичности, апеллируя к истории, культуре, ценностям и т.д. в оправдании собственного политического и внешнеполитического курса.

Поступила в редакцию / Received: 01.08.2021

Принята к публикации / Accepted: 15.08.2021

Библиографический список

- Арон Р.* Мир и война между народами. М.: Nota Bene, 2000.
- Европа XXI века.* Новые вызовы и риски / под общ. ред. Ал.А. Громько, В.П. Федорова. М.: ИЕ РАН, СПб.: Нестор-История, 2017.
- Идентичность. Личность. Общество. Политика:* энциклопедическое издание / под ред. И.С. Семенов. М.: Весь мир, 2017.
- Казанцев А.А., Меркушев В.Н.* Россия и постсоветское пространство: перспективы использования «мягкой силы» // Полис. Политические исследования. 2008. № 2. С. 122–135.
- Кочетков А.П.* Идентичность в международных отношениях: теоретические основы и роль в мировой политике // Вестник Московского университета. Серия 25: Международные отношения и мировая политика. 2010. № 1. С. 5–26.
- Кучма Л.Д.* Украина – не Россия. М., 2003.
- Мироненко В.И.* Украинский транзит. Опыт ситуационного анализа. М.: Институт Европы РАН, 2020.
- Национальные истории на постсоветском пространстве – II* / под ред. Ф. Бомсдорфа, Г. Бордюгова. М., 2009.
- Неменский О.Б.* «Последний союзник» российско-белорусские отношения на современном этапе // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2016. № 9 (5). С. 24–40. DOI: <https://doi.org/10.23932/2542-0240-2016-9-5-24-40>
- Политика памяти в современной России и странах Восточной Европы. Акторы, институты, нарративы* / под ред. А.И. Миллера, Д.В. Ефременко. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2020.
- Попова О.В.* О нерешенных проблемах теории государственной политики идентичности в российской политологии // Политическая наука. 2020. № 4. С. 86–110. DOI: <http://www.doi.org/10.31249/poln/2020.04.05>
- Тренин Д.* Новый баланс сил. Россия в поисках внешнеполитического равновесия. М.: Альпина Паблишер, 2021.
- Украина без Кучмы: год оранжевой власти: январь 2005 – март 2006 года* / сост. М. Погребинский, А. Толыго. Киев: Оптима, 2007.
- Фадеева Л.А. Плотников Д.С.* Опыт мировых войн в политике идентичности и выстраивании стратегии международной безопасности // Региональные стратегии международной безопасности: Россия, ЕС и Ближний Восток: Материалы Международной научной конференции / под ред. А.В. Акульшиной. М.: Научный консультант, 2019. С. 213–238.
- Финько А.* Выборы 2004 года: основные конфликты и их последствия // «Оранжевая революция». Украинская версия. М., 2005.
- Шмелев Б.А.* Причины конфронтации между Россией и Украиной // Проблемы постсоветского пространства. 2021. № 8 (1). С. 33–53. <https://doi.org/10.24975/2313-8920-2021-8-1-33-53>

- Fabrykant M. National identity in the contemporary Baltics: comparative quantitative analysis // *Journal of Baltic Studies*. 2018. Vol. 49, No. 3. P. 305–331.
- Hall R.B. *National collective identity: Social constructs and international systems*. New York: Columbia University Press, 1999.
- Kaarbo J. Foreign policy analysis in the twenty-first century: Back to comparison, forward to identity and ideas // *International Studies Review*. 2003. No. 5(2). P. 156–163.
- Lebow R. N. *National identities and international relations*. Cambridge: Cambridge University Press, 2016.
- Manicom J. Identity Politics and the Russia-Canada Continental Shelf Dispute: An Impediment to Cooperation? // *Geopolitics*. 2013. Vol. 18, No. 1. P. 60–76.
- Miniotaite G. Convergent Geography and Divergent Identities: A decade of transformation in the Baltic states // *Cambridge Review of International Affairs*. 2003. Vol. 16, No. 2. P. 209–222.
- Raik K. Liberalism and geopolitics in EU–Russia relations: rereading the “Baltic factor” // *European security*. 2016. Vol. 25, No. 2. P. 237–255.
- Vitkus G. Trilemmas of recognition in the Baltic states’ foreign policies // *Journal of Baltic Studies*. 2019. Vol. 50, No. 3. P. 307–326.
- Vucetic S. *Identity and Foreign Policy // The culture of national security: Norms and identities in world politics / P.J. Katzenstein (Ed.)*. New York: Columbia University Press, 1996.

References

- Aron, R. (2000). *Peace and war between nations*. Moscow: Nota Bene. (In Russian).
- Bomsdorfa, F., & Bordugova, G. (Eds.). (2009). *National stories in the post-Soviet space – II*. Moscow. (In Russian).
- Fabrykant, M. (2018). National identity in the contemporary Baltics: comparative quantitative analysis. *Journal of Baltic Studies*, 49(3), 305–331.
- Fadeeva, L.A., & Plotnikov, D.S. (2019). The experience of world wars in identity politics and building an international security strategy. In A.V. Akulshina (Ed.), *Regional strategies for international security: Russia, the EU and the Middle East: Proceedings of an international scientific conference* (pp. 213–238). Moscow: Scientific Consultant. (In Russian).
- Finko, A. (2005). Elections of 2004: main conflicts and their consequences. In “Orange revolution”. *Ukrainian version*. Moscow. (In Russian).
- Gromyko, A., & Fedorova, V.P. (Eds.). (2017). *Europe of the XXI century. New challenges and risks*. IE RAN SPB.: Nestor-Istoria. (In Russian).
- Hall, R.B. (1999). *National collective identity: Social constructs and international systems*. New York: Columbia University Press.
- Kaarbo, J. (2003). Foreign policy analysis in the twenty-first century: Back to comparison, forward to identity and ideas. *International Studies Review*, 5(2), 156–163.
- Kazancev, A.A., & Merkyszev, V.N. (2008). Russia and the Post-Soviet Space: Prospects for Using “Soft Power”. *Polis. Political Studies*, (2), 122–135. (In Russian).
- Kochetkov, A.P. (2010). Identity in international relations: theoretical foundations and role in world politics. *Moscow University Bulletin of World politics*, (1), 5–26. (In Russian).
- Kuchma, L.D. (2003). *Ukraine is not Russia*. Moscow. (In Russian).
- Lebow, R.N. (2016). *National identities and international relations*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Manicom, J. (2013). Identity politics and the Russia-Canada continental shelf dispute: An impediment to cooperation? *Geopolitics*, 18(1), 60–76.
- Miller, A.I., & Efremenko, D.V. (Eds.). (2020). *The politics of memory in modern Russia and the countries of Eastern Europe. Actors, Institutions, Narratives*. St. Petersburg: Publishing House of the European University in St. Petersburg. (In Russian).
- Miniotaite, G. (2003). Convergent geography and divergent identities: A decade of transformation in the Baltic states. *Cambridge Review of International Affairs*, 16(2), 209–222.
- Mironenko, V.I. (2020). *Ukrainian transit. Situation analysis experience*. Moscow: Institute of Europe. (In Russian).

- Nemenskiy, O.B. (2016). “The Last Ally” Russian-Belarusian relations at the present stage. *Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law*, 9(5), 24–40. (In Russian). DOI: <https://doi.org/10.23932/2542-0240-2016-9-5-24-40>
- Pohrebinskiy, M.B., & Tolpygo, A. (Eds.). (2006). *Ukraine without Kuchma. The Year of the Orange Power. January 2005 – March 2006*. Kiev: Optima. (In Russian).
- Popova, O.V. (2020). Unresolved problems in the theory of state identity policy in Russian political science. *Political science (RU)*, (4), 86–110. DOI: <http://www.doi.org/10.31249/poln/2020.04.05>
- Raik, K. (2016). Liberalism and geopolitics in EU–Russia relations: Rereading the “Baltic factor”. *European Security*, 25(2), 237–255.
- Semenenko, I.S. (Ed.). (2017). *Identity. Personality. Society. Politics. Encyclopedia edition*. Moscow: Ves Mir. (In Russian).
- Shmelev, B.A. (2021). The reasons of the confrontation between Russia and the Ukraine. *Post-Soviet Issues*, 8(1), 33–53. (In Russian). DOI: <https://doi.org/10.24975/2313-8920-2021-8-1-33-53>
- Trenin, D. (2021). *A new balance of power. Russia in search of foreign policy balance*. Moscow: Alpina Publisher. (In Russian).
- Vitkus, G. (2019). Trilemmas of recognition in the Baltic states’ foreign policies. *Journal of Baltic Studies*, 50(3), 307–326.
- Vucetic, S. (1996). Identity and Foreign Policy. In J. Katzenstein (Ed.), *The culture of national security: Norms and identities in world politics*. New York: Columbia University Press.

Сведения об авторах:

Фадеева Любовь Александровна – доктор исторических наук, профессор кафедры политических наук Пермского государственного научно-исследовательского университета (e-mail: polsci@yandex.ru) (ORCID ID: 0000-0002-3389-750X)

Плотников Дмитрий Сергеевич – кандидат политических наук, доцент кафедры политических наук Пермского государственного научно-исследовательского университета (e-mail: plotnikov.perm@mail.ru) (ORCID ID: 0000-0001-6846-044X)

About the authors:

Lyubov A. Fadeeva – Doctor of Historical Science, Professor of the Political Science Department, Perm State University (e-mail: polsci@yandex.ru) (ORCID ID: 0000-0002-3389-750X)

Dmitrij S. Plotnikov – PhD of Political Science of the Political Science Department, Perm State University (e-mail: plotnikov.perm@mail.ru) (ORCID ID: 0000-0001-6846-044X)

DOI: 10.22363/2313-1438-2021-23-4-630-647

Научная статья / Research article

Политические ценности в европейском постсоветском пространстве: идентичность и суверенитет перед лицом интеграционных процессов

Н.В. Панкевич

Институт философии и права Уральского отделения РАН, Екатеринбург,
Российская Федерация

Аннотация. Направление интеграционных процессов на постсоветском пространстве определяется конкуренцией государств в специфическом организационном поле ценностей. Эффективность деятельности правительственных центров на этом поприще напрямую зависит от их способности переключения между политическими ценностями странового и универсального рядов. Эта способность сегодня становится ключевым атрибутом эмпирического суверенитета государства. В условиях асимметричной в постсоциалистических странах и неполноценной в бывших советских республиках интеграции в пространство ЕС решение этой задачи требует дифференциации буферных механизмов, ответственных за коммуникацию с внешними центрами, и ядра, удерживающего глубинные ценностные комплексы сообщества. Исследованы стабильность организационной связки государственного суверенитета и идентичности, специфика ее функционеров в постсоветском пространстве, в рамках которого для Российской Федерации открывается широкое поле действия, имеющее в фокусе идентитарные ресурсы социального большинства постсоветских и постсоциалистических стран, минуя коммуникации с проевропейски ориентированными и субординированными властными аппаратами.

Ключевые слова: идентичность, политические ценности, государственный суверенитет, социальная безопасность, постсоветское пространство, Восточная Европа, Европейский союз

Для цитирования: *Панкевич Н.В.* Политические ценности в европейском постсоветском пространстве: идентичность и суверенитет перед лицом интеграционных процессов // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2021. Т. 23. № 4. С. 630–647. DOI: 10.22363/2313-1438-2021-23-4-630-647

Благодарности: Статья подготовлена в рамках Программы фундаментальных и прикладных научных исследований «Этнокультурное многообразие российского общества и укрепление общероссийской идентичности» 2020–2022 гг. (проект «Общественное согласие в России и конструирование гражданской идентичности как способ его достижения»).

© Панкевич Н.В., 2021

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

Political Values in the European Post-Soviet Space: Identity and Sovereignty in the Face of Integration Processes

N.V. Pankevich

Institute of Philosophy and Law UBRAS, Ekaterinburg, Russian Federation

Abstract. The article analyzes the intergation processes in the post-Soviet space and shows that their direction is determined by the competition of states in a specific organizational field of political values. The effectiveness of the governments in this field depends directly on their ability to switch between the political values of the country and universal aggregations. This ability is becoming a key attribute of the empirical sovereignty of the state today. It is shown that in the conditions of asymmetric integration into the EU space in post-socialist countries and insufficient integration in the former Soviet republics, the accomplishment of this function requires specific institutional adaptations: differentiation between buffer mechanisms responsible for communication with external value systems, and the core that holds the deep value complexes of the community. The stability of the organizational bundle of state sovereignty and identity, the specifics of its functionalities in the post-Soviet space are described as giving the Russian Federation an opportunity of value action, focused on the population of post-Soviet and post-socialist countries and bypassing communications with pro-European-oriented and subordinated power apparatuses.

Keywords: identity, political values, state sovereignty, societal security, post-Soviet space, Eastern Europe, European Union

For citation: Pankevich, N.V. (2021). Political values in the European post-Soviet space: Identity and sovereignty in the face of integration processes. *RUDN Journal of Political Science*, 23(4), 630–647. (In Russian). DOI: 10.22363/2313-1438-2021-23-4-630-647

Acknowledgements: The article was prepared under the auspices of the Program of fundamental and applied scientific research “Ethnocultural diversity of Russian society and strengthening of all-Russian identity” 2020–2022 (the project “Public consent in Russia and the construction of civil identity as a way to achieve it”).

Постсоветское пространство в европейском интеграционном процессе

Наблюдаемое сегодня в пространстве европейского континента усложнение организационной среды, повышение плотности взаимодействий и интенсификация интеграционных процессов ставят перед постсоветскими и пост-социалистическими государствами сложные задачи. «Европейский выбор», предполагавший в 1990–2000-х гг. решение в основном прагматических вопросов безопасности, экономической стабилизации на основе либеральной рыночной модели, демократизации системы политического управления, к настоящему времени обнаружил ряд экстерналий, проявляющих встроенные властные асимметрии и субординирующий характер европейской политики в отношении интегрированных и ассоциированных стран бывшей социалистической периферии [Vernygora, Troitino, Västa 2016:7–23]. Расширительная динамика ЕС на восточном направлении показала, что целый ряд привносимых

нормативных комплексов и практик европейского генезиса оказывается малопривлекательным в оценках правительств и граждан стран Центральной и Восточной Европы. Ответом ассоциирующихся государств на нормативный экспорт становятся многообразные оградительные реакции, укрепление оппозиции по отношению к продвигаемым в ходе интеграции европейским ценностям, зримым проявлением которых становится усиление идентитарных политик и общественных движений. Характерно, что постсоциалистические страны демонстрируют существенное идейное сходство позиций в области как общеевропейских, так и внутривосточных повесток. «Вишеградский оппортунизм» центрально-европейских стран способствует консолидации особой, неучтенной в стратегиях европейских акторов региональной структуры сотрудничества, отличной на фоне ЕС общностью взглядов в отношении необходимых направлений реформирования Евросоюза и оптимизации его структуры, что предполагает сделать его более близким национальным государствам [Шишелина, Ведерников 2019:49], «гибкой солидарности» в целях сопротивления миграционной и интеграционной политике объединенной Европы [Потемкина 2016]. Одновременно внутривосточные реформы в постсоциалистических странах обладают сходной направленностью и, будучи сфокусированы на чувствительных секторах, обеспечивают стабильность охватывающего ценностного режима ЕС в отношении верховенства права, свободы слова и печати, провоцируют значимые конфликты, потенциально ведущие к санкциям по отношению к отклоняющимся странам.

Не менее напряженная обстановка складывается в отношениях ЕС в пространстве «общей с РФ периферии» [Flavier 2015:12], представленной странами в рамках программы Восточного партнерства, и прежде всего ассоциированными с ЕС бывшими советскими республиками. Специфическая модель распространения влияния ЕС на эти страны постсоветского пространства без предоставления перспективы членства в Союзе во многом дискредитировала ценностную составляющую европейской политики и позволила характеризовать расширение преимущественно как геополитический проект [Сутырин 2020:112], направленный на завершение заданной европейским видением пространственной трансформации континента [Болгова 2019:118], а также конкуренцию с другими центрами влияния – РФ и в более широкой перспективе Китаем.

Выраженные оградительные реакции, легитимизируемые отсылкой к уникальным ценностным основаниям, фундирующим социальный и политический уклад соответствующих стран, становятся определяющим трендом в постсоветском пространстве. Даже если «европейский выбор» и ассоциация с ЕС не ставятся под сомнение, требования изменений, укрепление позиций «альтеревропеизма» как попытки вернуться к исходному культурному коду в политике европейских государств приобретают все большее значение [Бирюков, Коваленко 2013:97].

В этом свете обсуждение вопросов интеграции на постсоветском пространстве смещается из области анализа институциональных реформ,

предполагающих включение страновых институтов в наднациональные системы управления и распределения властных компетенций внутри них, в область дискуссии о фундаментальной безопасности и самосохранении сообществ, объединенных отличным на фоне крупных объединений пониманием ценностей и смыслов, и механизмах, их утверждающих. Остроту дискуссии задают условия, когда под беспрецедентным давлением со стороны интеграционных процессов оказывается основной институциональный комплекс, несущий эту нагрузку. В условиях компромисса государственного суверенитета с наднациональными структурами управления стремление социумов целого ряда восточноевропейских стран обезопасить свою культуру и идентичность, конкурентная самоидентификация и осознание коллективной культурной специфики как императива политического развития становятся все более заметными явлениями [Горшков, Тюрина 2018:48]. И, следовательно, институтом, который обеспечивает безопасность в понимании ее как условия независимости, самостоятельного определения стратегии развития в соответствии с собственными идеалами, наряду, а в ряде случаев и вместо институтов государственности, становится организованное дополитически сообщество.

Такое сообщество предшествует демосу, который, в свою очередь, является собственно политическим институтом и способен появиться только в специально организованных ситуациях и институционализированных средах [Habermas 1996:108].

На страновом уровне такое сообщество предполагает наличие большинства, объединенного морально, культурно и ценностно [Müller 2015] в противопоставлении чужеродным меньшинствам, ориентированным на ценностные комплексы за пределами сообщества. Именно в силу этой композиции основные интеграторы идентичности такого сообщества сосредоточены на вопросах, которые традиционно вытеснены в сферу за пределами прямой достижимости государства [Teubner 2008:835, 842–843] – религия, трудовая этика, нормы поведения, семейные отношения, демографическое воспроизводство населения и социальное воспроизводство коллективно разделяемых ценностей. Защита именно этих глубинных комплексов в их страновых трактовках и специфичных практиках является не только причиной, но и целью существования государства. Институциональный трансфер властных компетенций и решений на наднациональный уровень, который сужает поле действия государственных аппаратов по защите страновых сообществ, компенсируется снизу активным обращением страновых сообществ к собственной идентичности и социетальным основаниям.

Организационное поле политики ценностей

Таким образом, настоящая статья исходит из предположения о том, что специфика современного периода на постсоветском пространстве во многом задается динамикой влиятельного тренда, который связан с переосмыслением роли и места суверенного государства в мировой политической системе в условиях нарастания интеграционных процессов и неразрывно связанных с

ним изменений в представлениях об идентичности политического сообщества, которое данный институт организует.

Одну сторону данного процесса определяет сохранение государства в качестве нормативной политической формы как независимого территориально определенного единства. В условиях организационной замкнутости основные регуляторы общественных отношений, включая право, культуру, основной набор политических ценностей, здесь формулируются исходя из предполагаемой особенности каждого человеческого коллектива и, будучи сами воплощением этой особенности, становятся функциями территориального суверенитета. Государственный суверенитет в данной конструкции превращается в институт, гарантирующий безопасность и воспроизводство культурных основ странового социума. Парцеллизация физического пространства мира выступает таким образом условием развития всех существующих культур, однако, в составе различных обществ [Осколков 2019:81, 88–89]. В этом смысле справедливо говорить об автономии или предпочтительнее – о сингулярности ориентированных на государство коллективных идентичностей [Dezalay 1990:281]. Апелляция к уникальному духовному строю, производящему в долгом историческом времени особую «симфоническую, соборную личность» [Тимофеев 2020:30], которой является государствообразующий народ, становится одной из наиболее применимых технологий индивидуации на фоне других сообществ-изолятов. В этой конструкции обязанность государства ограждать уникальную идентичность политического сообщества, особость его ценностей, обеспечивать их безопасное воспроизводство в рамках территориальных юрисдикций становится неотъемлемой частью общественного договора.

Оборотная же сторона парцеллизации физического пространства и установления в нем государства как структурной доминанты состоит в беспрецедентном изоморфизме мировой политической системы [Di Maggio 1983:147–161], состоящей (при значимом разнообразии объективных характеристик отдельных образований) из конституционно и функционально подобных единиц [Meuer et al. 1997:152–153]. Изоморфизм реализуется как значительное сходство принципов деятельности властных аппаратов и их легитимации. Результатом унификации становится выхолащивание исторически возникающего и политически удерживаемого государством культурного и правового различия и тяготение государств к наиболее престижным моделям организации общественной жизни – демократическому правлению, верховенству права, подотчетности власти гражданам, стереотипным правовым установлениям, в которых собственно страновая специфика практически неопределима. Поэтому установление различия требует укрупненной метрики и проявляется скорее в составах крупных «правовых семей» [Zweigert, Kötz 1996] или сообществах государств со значительным опытом взаимодействия и «накопленной» общности [Verpoest 2008].

Возрастающая степень взаимоподобия политических систем распространяется в итоге и на ценностный универсум каждой политики, который испытывает давление одновременно со стороны двух противоположных, но равно важных

для обеспечения системной безопасности и сохранения автономии импульсов. Необходимо резервируя уникальность собственного ценностного строя, политике-государству требуется одновременно обеспечивать его встроенность в универсальный ряд фундаментальных ценностей, защита которых в возрастающей мере рассматривается как причина и цель существования государства, прямая обязанность и условие его эффективности уже в качестве участника мирового сообщества¹.

В содержательном плане ценностная универсализация наиболее явно осуществляется в области регламентации прав человека и все более прочно цементирует мировой ценностный консенсус линейкой крупных международных конвенций, в рамках которых образуются обязующие государства режимы с собственными системами интерпретации ценностей и организационного контроля над поведением государств, а именно системой международного правосудия. Эволюция в этой сфере ведет к положению, когда *«ни одно государство не может ответственно заявлять, что обращение с гражданами в вопросах о правах человека является вопросом исключительно внутренней политики»*², автономной интерпретации смысла и содержания политических ценностей. Реальная или прагматически конструируемая оппозиция к универсально признаваемым правам, свободам и режимам их обеспечения может вести к санкциям со стороны международного сообщества – от резонансных судебных решений к торговым эмбарго и далее – вплоть до полномасштабных вторжений в форме «гуманитарных интервенций».

Таким образом, в современных условиях возникает специфическое организационное поле политических ценностей [Scott 2001:79], в котором государства, опираясь на свою идентичность и акторность, конкурируют с тем, чтобы добиться большей легитимности, престижа и статуса [Болгова, Никитина 2019:17]. Эффективность деятельности правительственных центров на этом поприще напрямую зависит от их способности рефлексивно реагировать одновременно на оба организационных импульса, оперативно переключаясь между политическими ценностями странового и универсального рядов. Именно эта способность, наряду со стабильной экономикой, финансовой системой, должным контролем над силовыми ресурсами, становится сегодня одним из атрибутов «эмпирического суверенитета государства» [Berg, Kuusk 2010].

Суверенитет, идентичность и социетальная безопасность

Напряженность между указанными ориентациями на специфически национальные и универсальные ценностные системы в настоящее время приобретает нарастающую интенсивность. Утверждение действительности и значимости различия между универсальным и страновым ценностными рядами

¹ Всемирная конференция по правам человека. Венская декларация и программа действий. 25.06.1993. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/viendec93.shtml (дата обращения: 25.07.2021).

² USA. Report of the Commission on Unalienable Rights, Washington 2020. P. 30.

сегодня все чаще становится стратегией легитимации шагов ряда стран, направленных на упрочение политической автономии в рамках международной системы. Организационная связка «государственный суверенитет – уникальная идентичность» выступает оплотом социетальной безопасности человеческих коллективностей как их способности к воспроизводству своих языка, культуры, традиции, способов солидаризации, религии [Buzan 1991:433; Theiler 2010:105–114].

Именно такое стратегически заряженное обращение к уникальному коллективному опыту и исторической памяти проявляет свой организующий потенциал в новых смысловых комплексах, внедренных в Конституцию РФ, обогащенную в ходе новейшей реформы такими ценностными компонентами, как единство и преемственность государственного развития, тысячелетняя история, память и идеалы предков, память защитников Отечества, вера в Бога, добро, справедливость и историческая правда³. Отсылка к уникальности собственно российских смыслов и ценностей, культурного наследия, формировавшихся в долгом историческом времени, в широкой межэтнической коммуникации на стыке культур и цивилизаций⁴ служит консолидации и предьявлению «самости» российской идентичности в международном контексте. При этом апелляция к исторически сложившемуся ценностному универсуму становится важным компонентом как внутренней, так и внешней политики [Лавров 2021].

Российский опыт вписывается во влиятельный мировой тренд, в рамках которого стремящиеся к упрочению политической автономии государства активно прибегают к манифестациям особых, свойственных им ценностных комплексов. Один из наиболее свежих примеров – выход Турции весной 2021 г. из «Стамбульской» конвенции Совета Европы о правах и защите женщин. При этом руководство страны объяснило свои действия несовместимостью смыслов конвенции с традиционными ценностями страны⁵. Еще один случай обращения к особому ценностному порядку, возможному только в национальном контексте, представляет КНР, руководство которой заявляет о приверженности страны особому сфокусированному на народе подходу к правам человека, с приоритетом прав коллективного характера, связанных прежде всего с безопасностью во всех ее проявлениях⁶.

На фоне полноценных оградительных в отношении ценностей в их национальных трактовках стратегий сильных участников международной системы ситуация на европейском постсоветском пространстве, включая как бывшие советские республики, так и постсоциалистические страны, обладает

³ Конституция РФ. Преамбула, части 2, 3. ст. 67.

⁴ Конституция РФ. Ст. 68.4, 79, 80.

⁵ РИА Новости. В Турции объяснили выход из Стамбульской конвенции по защите прав женщин. 21.03.2021. URL: <https://ria.ru/20210321/turtsiya-1602231081.html>

⁶ Wang Yi H.E., A People-centered Approach for Global Human Rights Progress. Remarks at the High-level Segment of the 46th Session of The UN Human Rights Council. 22.02.2021. URL: https://www.fmprc.gov.cn/mfa_eng/zxxx_662805/t1855685.shtml (accessed: 25.07.2021).

выраженной спецификой. Здесь конфликт между ориентациями на национальные и денационализированные ценностные ряды приобретает особо острое течение и в целом ряде ситуаций обнаруживает их малую совместимость. Поэтому решение задачи самостоятельного ценностного решения в странах, испытывающих дефицит автономии, и это как раз случай интегрированных и ассоциированных с ЕС постсоветских стран, переживающих одновременно трансфер суверенитета в наднациональные структуры и обладающих выраженной особостью ценностного строя, требует особой институциональной адаптации. Здесь вынужденно формируется специфическая композитная модель государства, которая создает защитную периферию, мимикрирующую под заданный международной системой стандарт с целью в полной мере сохранить традиционный уклад жизни в сердцевине политического организма [Бляхер 2008].

Политика ценностей в интеграционных образованиях: опыт Восточной Европы

Интеграционная политика Европейского союза прямо предполагает строительство отношений и со странами – членами ЕС, и с кандидатами на вступление, и с ассоциированными государствами периферии с позиций ценностного регулирования. Соответствие политических решений и практических шагов государств всей совокупности европейских ценностей, при всей их бинарности и внутренней противоречивости [Todorov, Anzalone 2005/2006:16–22], рассматривается в качестве метрики адаптации стран к европейскому проекту, условия предоставления кредитных линий, инфраструктурной помощи, особых правовых режимов, доступа граждан стран периферии в отдельные секторы рынка труда в странах ЕС и т.д.

Расширение в 1990-х гг. Европейского союза на восточноевропейскую периферию привело к тому, что бывшие социалистические страны были с разной степенью глубины вовлечены в состав данного объединения. С институциональной точки зрения, данная ситуация ведет к обострению в постсоветских странах проблемы двойной лояльности правительственных центров обществу, идентичность и ценности которого они должны охранять в рамках конституционно закрепленного общественного договора, и ЕС как новому властному центру. Причем возможность оперативного переключения между этими двумя функциями в значительной мере заблокирована, независимо от глубины интеграции в состав европейского проекта. Если постсоциалистические страны – члены ЕС и обладают доступом к основным механизмам политической коммуникации, то реальное обращение к ресурсам идентичности, принятие политических решений, законодательная деятельность, направленная на защиту основных ценностных комплексов, присущих сообществам ответствующих стран, ведет к прямым содержательным столкновениям с ЕС.

Возможности ассоциированных постсоветских государств к самостоятельному ценностному регулированию ограничены в еще большей мере,

несмотря на неглубокий характер интеграции в правовое пространство ЕС. Линейка «Соглашений об Ассоциации»⁷ ЕС с бывшими советскими республиками обнаруживает предпринимательский характер европейской политики в продвижении своих ценностей в периферийных государствах (а эта функция в области внешней политики прямо вменяется ЕС в рамках учреждающих договоров⁸) в качестве одной из важнейших технологий субординации их политических пространств. Контрдействия национальных правительств лимитированы институционально за счет аутсорсинга функции разрешения споров во внешние судебные инстанции – Суд ЕС и Европейский суд по правам человека⁹. Предельно урезаны также возможности представлять свои позиции в рамках законотворческого и исполнительного процесса в ЕС¹⁰. Экономически данная конструкция фиксируется зависимостью от европейских кредитов и программ инфраструктурного развития. Внедрение ценностной кондициональности в коммуникацию со странами периферии обеспечивает ЕС беспрецедентно эффективным инструментарием принуждения и дисциплинирования правительств и должностных лиц ассоциированных государств [Pankevich 2019:261–262]. Фактически можно констатировать, что ЕС присвоил «мандат на государственное строительство в сопредельных странах Восточного партнерства» [Hillion 2016:18].

Однако именно эта предпринимательская позиция в отношении принудительного трансфера европейских ценностей в социальные контексты и политические практики оказывается сегодня чрезвычайно проблематичной для легитимности ЕС, поскольку субординация правительственных центров в ассоциированных государствах отнюдь не ведет автоматически к конформности глубинных структур идентичности, ориентированной на ценности в их страновых трактовках. Причиной этого становится тот факт, что коммуникация правительственных центров ассоциированных государств и ЕС осуществляется именно в том слое институциональной структуры, который принимает на себя функцию «буфера» и призван оградить ценностное ядро сообщества от влияний извне. Это предопределяет заведомо низкую проникающую и индоктринирующую способность европейских ценностей в ассоциированных сообществах именно в силу того, что они предназначены для адаптации к функционированию в условиях интеграционных объединений главным образом политических и экономических структур странового уровня.

При этом очевидно, что и сама содержательная эволюция ценностной структуры ЕС сегодня отличается высокой динамикой и во многом оказывается неожиданной, в том числе для «старших» стран – членов Союза. Массированная

⁷ См. напр.: Association Agreement between the European Union and its Member States, of the one part, and Ukraine, of the other part // Official Journal of the European Union. 29.05.2014, L 161/3. Стереотипные соглашения также подписаны между ЕС и Молдовой, ЕС и Грузией.

⁸ Treaty on European Union, 2007. Art. 3(5), 8, 21. Current consolidated version: 01.03.2020 // Official Journal of the European Union. 2020/C 202/1.

⁹ Association Agreement (EU-Ukraine). Art. 5, 462.1, 463.1, 468.

¹⁰ Association Agreement (EU-Ukraine). Art. 322.

имплементация европейских нормативных комплексов (*aquis*) в 1990–2000-х гг. в странах периферии имела в виду прежде всего именно необходимость реформ политического устройства и экономической системы. Ассоциирующееся государство должно было доказывать свое соответствие «копенгагенским критериям», которые предъявляются перспективным членам ЕС и продвигают связный тандем политических ценностей представительной демократии и либеральной рыночной экономики в качестве базовой модели общественного устройства¹¹. В принципе такие изменения соответствуют уровню «буфера», когда реформы правительственного аппарата все еще не затрагивают глубинных дополитических смыслообразующих основ общества. Поэтому в целом ряде ситуаций действия правительств, имитирующие эффективный трансфер предложенных смысловых комплексов, и массивная проевропейская риторика не означают намерения достичь предполагаемых в ходе европеизации изменений на глубинном ценностном уровне и вовсе не обязательно встречают массовую поддержку.

Однако в настоящий момент ЕС предлагает ассоциированным государствам постсоветской периферии демонстрировать приверженность также и предельно жесткой интерпретации базовых прав человека, что предполагает внедрение европейских социетальных ценностей в глубинные структуры общественного устройства и нацелено на изменение всей социальной антропологии в целевых сообществах. С вступлением в силу в 2009 г. Лиссабонского договора конституционализация Хартии ЕС об основных правах¹² зафиксировала этот вектор, предложив предельно индивидуалистическую концепцию прав человека и расширив принципы недискриминации до столь широких пределов, что это вызвало отторжение даже в самих странах – членах ЕС. Оппозиция индивидуалистическим трактовкам права на жизнь, человеческого достоинства, социальной репрезентации поведения, которое традиционно считается нежелательным и неприемлемым, в качестве новой социальной нормы (европейская политика в отношении меньшинств) становится все более зримой не только в странах из числа с постсоветских, но и в странах западного ядра (Италии, Испании, Греции).

Соппротивление европеизации фундаментальных ценностей в их традиционных для страны трактовках имеет длительную историю в Польше. Еще в 2007 г. Президент страны при поддержке Сейма отложил подписание Лиссабонского договора на моральных основаниях и подписал его лишь с принятием специального протокола, исключая Хартию ЕС об основных правах. Последовательная оппозиция страны с отстаиванием традиционных для населения семейных ценностей, композиции родительских прав, с учетом религиозной приверженности значительной части населения, здесь достаточно показательна как пример переключения с интеграционной политики на

¹¹ Treaty on European Union. Art. 49.

¹² Charter of Fundamental Rights of the European Union. Created on October 2, 2000, ratified on December 7, 2000 // Official Journal of the European Union. 2000/C 364/01.

политику защиты социетальных основ нации. Практически это выражается в принятии решений против разрастания гендерной идеологии, проникновения ее в школьную систему (например, разрешение в 2010 г. католическим школам отказывать в трудоустройстве учителям с нетрадиционной ориентацией). Сопротивление правительства страны европейской политике расширения прав меньшинств в области жилищных отношений, наследования, представительства в гражданских правоотношениях вызвало здесь необходимость привлечения Европейского суда по правам человека в рамках единой ценностной политики ЕС. В том же ключе развивается ориентированная на страновой социум политика Венгрии, где оппозиция продвигаемым ЕС ценностным комплексам встречает поддержку как граждан, так и правительства страны. Ряд последовательных изменений в конституции Венгрии направлен как раз на защиту первичных, в прямом смысле витальных ценностей политического общества страны.

Защита государством традиционной модели брака и семьи, сложившихся форматов организации школьного и семейного воспитания детей, распределения социальных ролей между мужчинами и женщинами могут означать отзыв европейских субсидий из экономики Польши и де-факто стоили Венгрии 7,2 млрд евро¹³. Такая политика может повлечь возможность привлечения обеих стран к судебным слушаниям в Европейском суде [Кувалдин 2020], дисквалификации должностных лиц соответствующих государств в органах ЕС. Так в свое время уполномоченный по равным правам Польши была отстранена от работы в жюри Комиссии ЕС по присуждению наград в области антидискриминационной политики.

Ассоциированные постсоветские государства оказываются еще более уязвимыми, поскольку собственные граждане и внешние властные центры предлагают коренным образом различные ориентиры правительственных действий. Бессилие властей в принятии определенного ценностного ориентира и недостаток смелости следовать заявленной позиции ведут к заведомо проигрышным сценариям для легитимности правительственных режимов. Примером тому служат летние события 2021 г. в Грузии, где мизерный с точки зрения политической рациональности стимул привел к насильственному противостоянию между сторонниками традиционных ценностей и прозападными активистами. Ведь исключение преследования представителей социально неодобряемых меньшинств на уровне законодательства и правоприменения, включая полицейское, отнюдь не означает принятия подобных повесток обществом на внеюридическом уровне [Ungar, 2000:62].

В процессе коммуникации ЕС с постсоветскими политиями по поводу ценностей со всей очевидностью обнаруживает себя размежевание между холистски и индивидуалистически ориентированными сообществами, которое

¹³ Костецкий С. Утрата ценностей. Что заставило Польшу и Венгрию пойти против всей Европы... // ИА Lenta.ru. 20/07/2021. URL: https://lenta.ru/articles/2021/07/20/eu_oppos/?utm_source=news (дата обращения: 25.07.2021).

имеет в целом дополитический характер и напрямую отражает витальные характеристики того или иного сообщества. Именно это размежевание схватывает метрика авторитетного мирового мониторингового исследования лонгитюдного характера, показывающая, что в условиях последовательного сближения страновых ценностных комплексов в области политических свобод и прав процедурного характера (свободы слова, участия в выборах и общественных объединениях и др.) принципиальное значение сохраняют вариации ценностных рядов, структурированных по линиям светские/традиционные ценности; ценности, связанные с выживанием/самовыражением¹⁴. Примечательно, что данное разделение сохраняет свое значение в демократических и авторитарных конструкциях, либеральных и плановых экономиках, унитарных и децентрализованных правительственных системах и оказывается довольно толерантно к композиции правительственной надстройки и режима в целом. Оно имеет непреходящее значение именно в силу своей привязанности к глубоким слоям витальных ценностей, определяющих идентичность сообществ, и именно в этом смысле кодирует политические предпочтения и практики.

Остроту проблемы на постсоветском/постсоциалистическом пространстве, таким образом, задает то обстоятельство, что ценностные интервенции ЕС вышли далеко за пределы «буферной» зоны институциональной системы, ответственной за адекватное политико-экономическое взаимодействие ЕС и ассоциированных государств, и оказались направлены на трансформацию глубинных ценностных основ ассоциированных обществ. Опыт ассоциированных государств показывает, что социум может быть толерантен к утрате политического суверенитета и трансферу его комплексов в институциональные структуры надгосударственного уровня, если проекты ценностной интеграции не выходят за пределы буферного, защитного слоя государственной политики. В этом слое общества могут демонстрировать высокую степень конформности интеграционным ценностям политического ряда и правительственным риторикам.

Однако сохранение идентичности в ее полноте остается принципиально важным приоритетом странового сообщества, и атака на нее мгновенно актуализирует требования, связанные с государственным суверенитетом как основой социетальной безопасности. Причем если продвигаемые внешним властным центром ценности распознаются как чуждые, иностранные, враждебные и захватнические, подобная интервенция мгновенно дискредитирует и интеграционные правительственные стратегии.

Заключение и выводы

Описанная ситуация интересна тем, что позволяет осуществить анализ проблематики идентичности и ее влияния в нескольких измерениях.

¹⁴ World Values Survey. Findings and Insights, 2020. URL: <https://www.worldvaluessurvey.org/WVSContents.jsp> (accessed: 25.07.2021).

Во-первых, ситуация асимметричной в постсоциалистических странах и неполноценной интеграции в бывших советских республиках проблематизирует вопрос об уровне бытования и социетальных функциях политических ценностей в современном обществе. Ситуация на постсоветском пространстве обнаруживает очевидно сервисный характер политических свобод и режимов по отношению к витальным правам личности и коллективным правам социума в их страновых или еще шире цивилизационных интерпретациях. Свой сервисный характер обнаруживают политические свободы, связанные с демократическим правлением, свободой слова, представительным характером власти, ее подконтрольностью обществу, верховенством права в действительности. Они необходимы для того, чтобы создать необходимую систему принуждений и ограничителей для действий властного аппарата государства, с тем чтобы обеспечить максимальный уровень защиты глубинных ценностей и связанных с ними форматов социальности.

Именно идентичность сообщества, витальные ценности, которые разделяют его участники, будут задавать предельный лимит свободе высказывания и саморепрезентации. Верховенство права служит процессуальной нормой для ограничения произвола государственных и частных акторов, но конкретное содержание правовой нормы вновь будет кодироваться необходимостью ее согласования с глубинными ценностями сообщества. Демократическое правление также не столько оказывается целью в себе, сколько направляет деятельность властных центров на обеспечение социетальной безопасности. Наконец, отношения государственного суверенитета и идентичности оказываются не столь симметричны, как обычно предполагается. В этом свете государственный суверенитет скорее оказывается сервисным институтом по отношению к идентичности странового социума, чем идентичность ресурсом суверенитета.

Во-вторых, данная ситуация позволяет осуществить декомпозицию политического сообщества и правительственного аппарата в рамках политической формы государства. Эти два ключевых участника политического процесса оказываются способны к осуществлению разнонаправленных ценностных стратегий в политике государства. Их видение желаемого развития может радикально различаться, а ценностная солидаризация – предполагать разных партнеров. В этом смысле для Российской Федерации открывается широкое поле действия, имеющее в фокусе население постсоветских и постсоциалистических стран, минуя коммуникации с проевропейски ориентированными и субординированными властными аппаратами. Как показывает опыт РФ как одного из лидеров интеграционных проектов в пространстве Евразии, отсутствие политических механизмов наднациональности не означает невозможность политической интеграции, предполагающей тесное взаимодействие элит и сообществ на ценностном уровне. В этом смысле политическая интеграция и институциональный трансфер суверенитета не столь жестко связаны и взаимообусловлены, как это предполагает модель ЕС [Болгова, Никитина 2019].

В свою очередь, опыт ЕС и государств в его составе показывают, что данная разновидность политического действия чрезвычайно востребована и широко применяется в целях расширения европейского влияния на периферийные государства. Центр геополитической конкуренции сегодня переносится в гуманитарную сферу и предполагает создание сетей влияния, привлечение отдельных сообществ, ориентированных на внешние центры нормирования, плотное взаимодействие с представителями гражданского общества [Сутырин 2020]. Данные стратегии занимают все более видное место в восточно-европейской политике и широко применяются в отношении Белоруссии, Украины, Грузии в качестве поддержки отдельных частных лиц, целевых групп – молодежи, ученых, профильных секторов общественного влияния – НПО, СМИ [Шишелина 2020].

Однако там, где европейская политика вынуждена искать отдельные точки доступа к ценностному влиянию, в том числе отклоняющиеся социальные группы в составе сообщества, РФ имеет возможность обратиться к идентитарным ресурсам большинства. Солидаризация обществ Центральной и Восточной Европы и РФ по поводу витальных ценностей сегодня становится все более очевидной и вовлекает широкий спектр институционализированных и неформальных политически значимых сил. В этом смысле в отношении ценностно заряженной евроинтеграции справедлива оценка консервативного поворота, в который оказались вовлечены постсоциалистические страны региона, Т. Келльнером: динамика ценностных ориентаций в странах постсоветского пространства не спускается «сверху» правительственными центрами [Köllner 2019].

Консервативная волна столь же активно инициируется снизу при широкой поддержке населения, а также таких акторов, как церковь, школа, СМИ и социальные медиа, через организованный общественный активизм, ориентированный на традиционные ценности. Ценностные повестки формулируются на социетальном уровне в процессе фоновой общественной коммуникации и манифестируются в форме «дискурсивных коалиций» задолго до электоральной победы артикулирующих их партий и движений, формирования консервативных парламентов и популистских правительств [Dąbrowska 2019]. Общественный запрос на политические программы, сфокусированные на специфическом восприятии идентичности сообщества в основе постсоциалистического государства, общественных ценностей как уникальной совокупности культурных смыслов и кодов, формируется в пространстве дополитической повседневности за счет массовых практик, относящихся к потреблению, пониманию родства и семейных связей, социальной мобильности, искусства и др. [Polese et. al. 2019].

Здесь существует общность глубинных смыслов и кодов, связанных с пониманием человека не в качестве индивидуализированного и вырванного из социального контекста субъекта, но в совокупности его отношений с семьей, народом, транспоколенческим единством, общей историей и опытом.

Это ценностное поле связывает народы стран Восточной Европы, о чем справедливо говорит Президент РФ¹⁵, и создает сеть мощных принуждений для страновых элит «снизу». В этом смысле РФ имеет все шансы стать действенным источником морального нормирования, предлагая собственные, более соответствующие культурным кодам и идентичности народов постсоветских стран трактовки ценностных рядов.

Поступила в редакцию / Received: 17.07.2021
Принята к публикации / Accepted: 15.08.2021

Библиографический список

- Бляхер Л. Архаические механизмы легитимации // *Полития*. 2008. № 3. С. 7–29. DOI: 10.30570/2078-5089-2008-50-3-7-29.
- Болгова И. Восточное партнерство после украинского кризиса // *Современная Европа*. 2019. № 7. С. 115–123. DOI: <http://dx.doi.org/10.15211/soveurope72019115123>
- Болгова И., Никитина Ю. Евразийский экономический союз: между интеграцией и суверенитетом // *Современная Европа*. 2019. № 5. С. 13–22. DOI: <http://dx.doi.org/10.15211/soveurope520191322>
- Бирюков С., Коваленко А. Геополитика восточноевропейских «крайне правых» // *Свободная мысль*. 2013. № 1 (1673). С. 97–110.
- Горшков М., Тюрина И. Синтез этнонационального и гражданского как основа российской идентичности // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология*. 2018. № 1. С. 44–57. DOI: 10.22363/2313-2272-2018-18-1-44-57
- Кувалдин С. Ценности ЕС и их защита в европейском законодательстве // *Современная Европа*. 2020. № 7. С. 37–45. DOI: <http://dx.doi.org/10.15211/soveurope720203745>
- Лавров С. В. О праве, правах и правилах // *Россия в глобальной политике*. 2021. № 4 (110). С. 8–20. DOI: 10.31278/1810-6439-2021-19-4-8-20
- Осколков П. Мультикультурализм и европейские правые // *Современная Европа*. 2019. № 3 (89). С. 83–91. DOI: <http://dx.doi.org/10.15211/soveurope320198391>
- Потемкина О.Ю. Вишеградская группа и «гибкая солидарность» // *Современная Европа*. 2016. № 6 (72). С. 43–52. DOI: <http://dx.doi.org/10.15211/soveurope620164352>
- Сутырин В. Трансформация Восточного партнерства ЕС после 2014 г. // *Современная Европа*. 2020. № 2 (95). С. 11–122. DOI: <http://dx.doi.org/10.15211/soveurope2202011122>
- Тимофеев Н.С. К возрождению суверенитета и народовластия // *Конституционное и муниципальное право*. 2020. № 7. С. 28–33. DOI: 10.18572/1812-3767-2020-7-28-33
- Шишелина Л. Вишеградская группа на фоне вызовов 2020 г. // *Современная Европа*. 2020. № 5. С. 89–98. DOI: <http://dx.doi.org/10.15211/soveurope520208998>
- Шишелина Л., Ведерников М. Выборы в Европейский парламент 2019 г. и новый этап консолидации Вишеградской четверки // *Современная Европа*. 2019. № 5. С. 45–58. DOI: <http://dx.doi.org/10.15211/soveurope520194557>
- Berg E., Kuusk E. What Makes Sovereignty a Relative Concept? Empirical Approaches to International Society // *Political Geography*. 2010. Vol. 29, No. 1. P. 40–49. DOI: 10.1016/j.polgeo.2010.01.005.
- Buzan B. *People, States and Fear: An Agenda for International Security Studies in the Post-Cold War Era*. London: Harvester Wheatsheaf, 1991. 262 p.
- Dąbrowska E. *New conservatism in Poland: the discourse coalition around Law and Justice* / K. Bluhm, M. Varga (Eds.). *New Conservatives in Russia and East Central Europe*. NY: Routledge, 2019. P. 245–259.

¹⁵ Путин В.В. Об историческом единстве русских и украинцев. 12.07.2021. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/66181> (дата обращения: 26.07.2021).

- Dezalay Y. The Big Bang and the Law: The Internationalization and Restructuration of the Legal Field / Featherstone M. (Ed.). *Global Culture: Nationalism, Globalisation and Modernity*. London: Sage Publications, 1990. P. 279–293.
- Di Maggio P. State expansion and organizational fields / Hall R., Quinn R. (eds.). *Organizational Theory and Public Policy*. London: Sage Publications, 1983. P. 147–161.
- Flavier H. Russia's Normative Influence Over Post-Soviet States: the Examples of Belarus and Ukraine // *Russian Law Journal*. 2015. Vol. 3, No. 1. P. 6–32.
- Habermas J. *Between Norms and Facts: contributions to a Discourse Theory of Law and Democracy*. Cambridge, MA: MIT Press, 1996. 631 p.
- Hillion C. Anatomy of EU norm export / van Eluswege P., Petrov R. (eds.) *Legislative Approximation of EU Law in the Eastern Neighbourhood of the European Union*. Routledge: New York and London, 2016. P. 13–20.
- Köllner T. Religious conservatism in post-Soviet Russia and its relation to politics: empirical findings from ethnographic fieldwork / Bluhm K., Varga M. (Eds.). *New Conservatives in Russia and East Central Europe*. NY: Routledge, 2019. P. 245–259.
- Meyer J.W., Boli J., Thomas G.M., Ramirez F.O. World Society and Nation-State // *American Journal of Sociology*. 1997. Vol. 103, No. 1. P. 144–181.
- Müller J.-W. Parsing Populism: Who Is and Who Is Not Populist Today // *Juncture*. 2015. Vol. 22, No. 2. P. 80–89. DOI: 10.1111/j.2050-5876.2015.00842.x
- Pankevich N. Eastern Neighbourhood of the EU: Alternatives for Integrative Projects Partnership / Kurzynsky-Singer E., Kulms R. (Eds.). *Ukrainian Private Law and the European Area of Justice*, Mohr Siebeck, 2019. P. 255–284.
- Polese A., Morris J., Pawlusz E., Seliverstova O. *Identity and Nation Building in Everyday Post-Socialist Life*. Routledge, 2019. 192 p.
- Scott W.R. *Institutions and organizations*. 2nd ed. Thousand Oaks: Sage, 2001. 360 p.
- Teubner G. State Policies in Private Law? // *American Journal of Comparative Law*. 2008. Vol. 56, No. 3. P. 835–843.
- Theiler T. Societal security / M.D. Cavelti, V. Mauer (Eds.). *The Routledge Handbook of Security Studies*. London: Routledge, 2010. P. 105–114.
- Todorov T., Anzalone J. European Values // *Salmagundi*. 2005/2006. No. 148/149. P. 16–22.
- Ungar M. State Violence and Lesbian, Gay, Bisexual and Trans-gender Rights // *New Political Science*. 2000. Vol. 22, No. 1. P. 61–75.
- Vernygora V., Troitino D., Västa S. The Eastern Partnership Programme: is pragmatic regional functionalism working for a contemporary political empire / Kerikmäe T., Chochia A. (Eds.). *Political and Legal Perspectives of the EU Eastern Partnership Policy*. Cham/Heidelberg/New York/Dordrecht/London, 2016. P. 7–23.
- Verpoest L. State Isomorphism in the Slavic Core of the Commonwealth of Independent States. KU Leuven: LINES Institute for International and European Studies Series, 2008. 189 p.
- Zweigert K., Kötz H. *Einführung in die Rechtsvergleichung auf dem Gebiete des Privatrechts*, Tübingen: Mohr Siebeck, 1996. 729 s.

References

- Berg, E., & Kuusk, E. (2010). What makes sovereignty a relative concept? Empirical approaches to international society. *Political Geography*, 29(1), 40–49. DOI: 10.1016/j.polgeo.2010.01.005.
- Biryukov, S., & Kovalenko, A. (2013). The Geopolitics of the Eastern European “Extreme Right”, *Svobodnaya mysl (Free Thought)*, 1(1637), 97–110. (In Russian).
- Blyakher, L. (2008). Archaic Mechanisms of Power Legitimation in Russia, or Essays on the Roots of Nostalgic Consciousness. *Politeia*, (3), 7–29 DOI: 10.30570/2078-5089-2008-50-3-7-29. (In Russian).
- Bolgova, I. (2019). “Eastern Partnership” After the Ukrainian Crisis: The Value of Stability or Stable Values? *Contemporary Europe*, 7(93), 115–123. DOI: <http://dx.doi.org/10.15211/soveurope72019115123>. (In Russian).

- Bolgova, I., & Nikitina, Y. (2019). Eurasian Economic Union at a Crossroads Between Integration and Sovereignty, *Contemporary Europe*, 5(91), 13–22. DOI: <http://dx.doi.org/10.15211/soveurope520191322>. (In Russian).
- Buzan, B. (1991). *People, States and Fear: An Agenda for International Security Studies in the Post-Cold War Era*. London: Harvester Wheatsheaf.
- Dąbrowska, E. (2019). New conservatism in Poland: the discourse coalition around Law and Justice. In K. Bluhm & M. Varga (Eds.), *New Conservatives in Russia and East Central Europe* (pp. 245–259). NY: Routledge.
- Dezalay, Y. (1990). The big Bang and the Law: The Internationalization and Restructuration of the Legal Field. In M. Featherstone (Ed.), *Global Culture: Nationalism, Globalisation and Modernity* (pp. 279–293). London: Sage Publications.
- Di Maggio, P. (1983). State Expansion and Organizational Fields. In R. Hall & R. Quinn (Eds.), *Organizational Theory and Public Policy* (pp. 147–161). London: Sage Publications.
- Flavier, H. (2015). Russia's Normative Influence Over Post-Soviet States: the Examples of Belarus and Ukraine. *Russian Law Journal*, 3(1), 6–32.
- Gorshkov, M., & Tyurina, I. (2018). Synthesis of Ethnic and Civil as a Basis for the Russian Identity, *RUDN Journal of Sociology*, 18(1), 44–57. DOI: 10.22363/2313-2272-2018-18-1-44-57. (In Russian).
- Habermas, J. (1996). *Between Norms and Facts: contributions to a Discourse Theory of Law and Democracy*. Cambridge, MA: Mit Press.
- Hillion, C. (2016). Anatomy of EU norm export. In P. van Eluswege & R. Petrov, *Legislative Approximation of EU Law in the Eastern Neighbourhood of the European Union* (pp. 13–20). Routledge: New York and London.
- Köllner, T. (2019). Religious conservatism in post-Soviet Russia and its relation to politics: empirical findings from ethnographic fieldwork. In K. Bluhm & M. Varga, *New Conservatives in Russia and East Central Europe* (pp. 245–259). NY: Routledge.
- Kuvaldin, S. (2020). The Values of the EU and their Protection in the European Law. *Contemporary Europe*, (7), 37–45. DOI: <http://dx.doi.org/10.15211/soveurope720203745>. (In Russian).
- Lavrov, S.V. (2021). About Law, Rights and Rules. *Russia in Global Affairs*, (4), 8–20. DOI: 10.31278/1810-6439-2021-19-4-8-20. (In Russian).
- Meyer, J.W., Boli, J., Thomas, G.M., & Ramirez, F.O. (1997). World Society and Nation-State, *American Journal of Sociology*, 103(1), 144–181.
- Müller, J.-W. (2014). *Parsing Populism: Who Is and Who Is Not Populist Today* (pp. 80–89). Juncture, 2015.
- Oskolkov, P. (2019). Multiculturalism and the European Far-Right: Looking for the Other. *Contemporary Europe*, 3(89), 83–91. DOI: <http://dx.doi.org/10.15211/soveurope320198391>. (In Russian).
- Pankevich, N. (2019). Eastern Neighbourhood of the EU: Alternatives for Integrative Projects Partnership. In E. Kurzynsky-Singer & R. Kulms (Eds.), *Ukrainian Private Law and the European Area of Justice* (pp. 255–284). Mohr Siebeck.
- Polese, A., Morris, J., Pawlusz, E., & Seliverstova, O. (2019). Identity and Nation Building in Everyday Post-Socialist Life. Routledge.
- Potemkina, O.Y. (2016). Visegrad Group and “Flexible Solidarity”. *Contemporary Europe*, (6), 43–52. DOI: <http://dx.doi.org/10.15211/soveurope620164352>. (In Russian).
- Scott, W.R. (2001). *Institutions and organizations*. Thousand Oaks: Sage.
- Shishelina, L. (2020). Visegrad Group in Light of Challenges 2020. *Contemporary Europe*, (5), 89–98. DOI: <http://dx.doi.org/10.15211/soveurope520208998>. (In Russian).
- Shishelina, L., & Vedernikov, M. (2019). The 2019 EP Elections and a New Stage of V4 Consolidation. *Contemporary Europe*, (5), 45–58. DOI: <http://dx.doi.org/10.15211/soveurope520194557>. (In Russian).
- Sutyurin, V. (2020). Transformation of the EU's Eastern Partnership After 2014. *Contemporary Europe*, 2(95), 111–122. DOI: <http://dx.doi.org/10.15211/soveurope22020111122>. (In Russian).

- Teubner, G. (2008). State Policies in Private Law? *American Journal of Comparative Law*, 56(3), 835–843.
- Theiler, T. (2010). Societal security. In M.D. Cavelti & V. Mauer (Eds.), *The Routledge Handbook of Security Studies* (pp. 105–114). London: Routledge.
- Timofeev, N.S. (2020). On the Revival of Sovereignty and the Rule of the People. *Constitutional and Municipal Law*, (7), 28–33. DOI: 10.18572/1812-3767-2020-7-28-33. (In Russian).
- Todorov, T., & Anzalone, J. (2005/2006). *European Values*. *Salmagundi*, 48/149, 16–22.
- Ungar, M. (2000). State Violence and Lesbian, Gay, Bisexual and Trans-gender Rights. *New Political Science*, 22(1), 61–75.
- Vernygora, V., Troitino, D., & Västa, S. (2016). The Eastern Partnership Programme: is pragmatic regional functionalism working for a contemporary political empire. In T. Kerikmäe & A. Chochia (Eds.), *Political and Legal Perspectives of the EU Eastern Partnership Policy* (pp. 7–23). Cham/Heidelberg/New York/Dordrecht/London.
- Verpoest, L. (2008). *State Isomorphism in the Slavic Core of the Commonwealth of Independent States*. KU Leuven: LINES Institute for International and European Studies Series.
- Zweigert, K., & Kötz, H. (1996). *Einführung in die Rechtsvergleichung auf dem Gebiete des Privatrechts*. Tübingen: Mohr Siebeck.

Сведения об авторе:

Панкевич Наталья Владимировна – кандидат политических наук, доцент, старший научный сотрудник Института философии и права УрО РАН, г. Екатеринбург (e-mail: n.pankevich@yandex.ru) (ORCID 0000-0001-7661-1754)

About the author:

Natalia V. Pankevich – PhD in Political Science, Associate Professor of the Institute of Philosophy and Law, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Yekaterinburg, Russian Federation (e-mail: n.pankevich@yandex.ru) (ORCID 0000-0001-7661-1754)

DOI: 10.22363/2313-1438-2021-23-4-648-658

Научная статья / Research article

Гражданская идентичность: разнообразие смыслов и достижение солидарности

М.М. Мчедлова^{1, 2}, О.Л. Саркисян³

¹Российский университет дружбы народов, Москва, Российская Федерация

²Институт социологии – обособленное подразделение Федерального государственного бюджетного учреждения науки Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук, Москва, Российская Федерация

³Российско-Армянский университет, Ереван, Республика Армения

Аннотация. Понятие идентичности является отражением происходящих сдвигов в политических теориях, демонстрируя включение в политическую рефлексию и политический анализ внешних параметров, ранее не попадавших в оптику собственно политических исследований. Акцент на социокультурной проблематике фиксирует не только отход от линейной нормативности политических теорий и прагматики, но и поиск объяснительных моделей современности, несводимых к институциональной детерминированности. Дискуссионность и многозначность понятия гражданской идентичности накладывает на необходимость интерпретации процессов построения гражданских общностей в независимых странах после распада СССР (на примере России и Армении), возможностей протестной и проектной идентичности. Методология статьи отталкивается от признания принципа несводимости к нормативному пониманию построения гражданской идентичности. Авторы выделяют причинные комплексы, предопределяющие построение гражданской идентичности, ими также освещаются различия в понимании и путях построения гражданских общностей, их ценностного центрирования в России и Армении. Определены общие черты гражданской идентичности: потребность в солидарных основаниях, снятии партикулярности, формировании образа будущего.

Ключевые слова: идентичность, гражданская идентичность, протестная идентичность, проектная идентичность, солидарность, нация, Россия, Армения

Для цитирования: Мчедлова М.М., Саркисян О.Л. Гражданская идентичность: разнообразие смыслов и достижение солидарности // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2021. Т. 23. № 4. С. 648–658. DOI: 10.22363/2313-1438-2021-23-4-648-658

Благодарности: Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ и КН РА в рамках научного проекта № 20-511-05025 – арм_а «Развитие гражданской идентичности на постсоветском пространстве: тенденции, вызовы, риски (на примере России и Армении)».

© Мчедлова М.М., Саркисян О.Л., 2021

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License <https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

Civic Identity: Diversity of Meanings and Achievement of Solidarity

M.M. Mchedlova^{1,2}, H.L. Sargsyan³

¹Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University), Moscow, Russian

²Federation Institute of Sociology – Branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

³Russian-Armenian University, Yerevan, Republic of Armenia

Abstract. The concept of identity reflects the ongoing shifts in political theories when external parameters that did not previously fall into the optics of political research become a part of political reflection and political analysis. Emphasizing sociocultural issues captures not only the departure from the linear normativity of political theory and pragmatics but also the search for modern explanatory models that cannot be reduced merely to institutional determinism. The controversy and ambiguity of the civic identity concept are imposed on the need for interpreting the formation of civic communities in the newly emerged independent countries after the collapse of the Soviet Union (on the example of Russia and Armenia), including the possibilities of protest and project identity. Methodologically the article is based on the perception that the construction of civic identity cannot be reduced to the normative understanding only. The authors bring out the causal complexes that predetermine the construction of civic identity, while also highlighting the differences in how civic communities and their value focuses are perceived and constructed in Russia and Armenia. The authors also define the general features of civic identity, which can be described as a common basis of solidarity, the removal of particularity and a shared vision of the future.

Keywords: identity, civic identity, resistance identity, project identity, solidarity, nation, Russia, Armenia

For citation: Mchedlova, M.M., & Sargsyan, H.L. (2021). Civic identity: Diversity of meanings and achievement of solidarity. *RUDN Journal of Political Science*, 23(4), 648–658. (In Russian). DOI: 10.22363/2313-1438-2021-23-4-648-658

Acknowledgements: The reported study was funded by RFBR and SC RA, project 20-511-05025 “The development of civic identity in the post-Soviet space: trends, challenges, risks (on the example of Russia and Armenia)”.

Введение

Теоретические координаты исследования современного общества зависят от ключевого посыла: качественные изменения институтов, ценностей, норм, способов поведения и способов мысли невозможно интерпретировать в рамках единой универсальной теории. Дрейф от универсализма к партикуляризму, очевидно проявляющийся в теории, знаменует собой конец Больших Нарративов, свидетельством чего является потеря институциональной парадигмой монопольного положения интерпретации политической реальности. Долгое время господствовавшие нормативные теории предлагали рефлексивные обоснования исчислению соответствия/несоответствия культурных и политических феноменов различных обществ определенным эталонам, однако их применимость потеряла универсальный характер. Подобное ограничение

эпистемологического потенциала классических парадигм сопряжено с проблемой концептуализации и легитимации политического институционального каркаса и идейных дискурсов. Онтологическое и познавательное соотношение универсализма и партикуляризма в условиях включения в арсенал политических рефлексивных схем из внешних областей знания актуализировало вопросы о положительном или отрицательном воздействии традиций на современный мир, а также смещение от институциональной монополии в сторону признания необходимости совокупности культурных норм и ценностей, обеспечивающих существование общества.

Включение социокультурных оснований в политические и теоретические трансформации современного мира фиксирует не только тенденции признания множественности путей развития и множественности моделей познания, но и изменения политических стратегий и институтов, фундаментом и легитимацией которых выступают социокультурные и цивилизационные основания, различия и проявления¹. В политической практике это отражается в возникновении новых политических структур и субъектности, когда этническое или религиозное основание становится необходимым и достаточным условием для политических деяний, а также конкурирующих дискурсов и оценок. Потребность в адекватном аналитическом инструментарии заставила обратиться к концептам, описывающим социокультурные и психологические стороны происходящих трансформаций, ключевым из которых выступил концепт идентичности и выстраиваемые вокруг него интерпретативные схемы, создавая пространство идентитарных исследований. Смысловая многослойность понятия идентичность, его «многомерность», делает его как непродленным, так и порождает новые направления исследования, идеи, точки роста теоретических поисков и идейных дискурсов. «Идентичность как многомерная аналитическая категория и, одновременно, как субъективная реальность, отражающая восприятие социальности в сознании ее носителей и в публичном дискурсе, дает в этом смысле большие возможности для понимания мотиваций и оценки перспектив изменений» [Семененко 2016:9].

Идентичность: от метафизики к категории политического знания

Смыслы понятия идентичности стали не только доминирующими в современном политическом знании, но и основаниями политических практик различных уровней. Содержательная эволюция понятия «идентичность» отталкивается от собственно философского, относящегося к метафизической

¹ Можно проследить логику смысловых метаморфоз, зависящих от Больших потрясений: если Великая Французская Буржуазная революция привела к возникновению понятия цивилизации во множественном числе и с маленькой буквы, тем самым сыграв роль эпистемологического предвестника признания культурного плюрализма, то нынешние качественные трансформации социального бытия привели к повышению значимости цивилизационной устойчивости и критерия идентичности [Мчедлова 2016].

проблематике, смысла: идентичность «не есть причина универсума, а сам универсум» (Б. Спиноза), «всеобщность бытия» (М. Хайдеггер), что подробно рассматривается в работах В. Малахова [Малахов 1998]. Онтологическое рассмотрение идентичности как тождества субстанции самой себе, а также, одновременно, применительно к индивиду, обладающему сознанием, перетекло в основание прагматического использования концепта идентичности в политическом знании и дискурсе. Ясно прослеживаемая современная тенденция употребления понятия «идентичность» в качестве категории собственно социального знания, прежде всего, при исследовании социокультурных общностей различного порядка предполагает в качестве синонимических конструкций понятия «самоопределение», «самоотождествление», «самобытность» «групп в качестве относительно устойчивых, „тождественных самим себе“ целостностей».

Познавательный интерес к использованию данного понятия настолько ярко выражен, что существующие определения с трудом приводятся к общему знаменателю с помощью сужения проблемного поля за счет предикатов. В условиях деструктуризации социальности и делигитимации политических учреждений, «поиск идентичности становится равнозначным поиску смыслов и путей создания новых социальных структур» [Castells 1999:53]. Операционализация концепта «идентичность» применительно к объяснению политического процесса демонстрирует не только наличие широкого спектра интерпретаций содержания данного понятия, но и конкурирующие идейные смыслы и политические стратегии [Мchedlova, Казаринова 2020]. Постоянно возникающие новые интерпретативные оптики политического анализа направлены на включение понятий «идентичность», «устойчивость», «историческая память», «традиция» в понятийный инструментарий политической теории, а параметров соответствующих референтов в политическую ткань «в форме дебатов об идентичности» [Touraine 1973:360]. Определяя идентичность как осознанное самоопределение социального субъекта, А. Турен настаивает на трех необходимых признаках: потребности в принадлежности, потребности в позитивной самооценке и потребности в безопасности. Последний параметр представляется сегодня определяющим и задающим ориентиры интерпретаций понятия и соответствующему политическому целеполаганию.

Процесс самоидентификации политической общности предполагает обращение к пространственно-временным параметрам: он нуждается в общей истории и наполненной смыслами территории – витальными, культурными и политическими, что в совокупности представляет собой измерение идентичности. Идентичность включает в себя коллективные представления об общем благе, соотнесение коллективного прошлого, настоящего и будущего, аккумулируясь в ценностных и институциональных составляющих, служащих основой политического единства. Предметное поле сравнительно недавно появившегося в общественном знании понятия гражданской нации пересекается с

предметным полем понятия идентичности, а область пресечения может быть описана понятием «общенациональное самосознание»². Определение, во-круг которого строится Стратегия государственной национальной политики РФ, дано исходя, прежде всего, из гражданского смысла идентичности. Вместе с тем смысловой консенсус в Стратегии достигался тем, что было внесено дополнение (п.11): «Общероссийская гражданская идентичность основана на сохранении русской культурной доминанты, присущей всем народам, населяющим Российскую Федерацию». А чтобы это не воспринималось как ассимиляционная стратегия, поясняется, что в единый культурный (цивилизационный) код входит «историческое и культурное наследие всех народов Российской Федерации и вместе с общечеловеческими принципами лучшие достижения народов интегрированы в единую российскую культуру» [Дробужева 2020а:486].

При этом наблюдается изменение понятийного инструментария, используемого для описания и познания сущности и атрибутов изучаемой реальности: все больше используют концепты «политика идентичности», «политика памяти», «культурная память», «коммеморативные практики» [Историческая память... 2018], становящиеся в политическом дискурсе и инструментальной политике легитимирующими основаниями суверенитета, стратегического позиционирования, солидаризирующих параметров. Однако, насколько становящиеся столь популярными понятия применимы к различным референтным базам постсоветских стран: например, при артикулированной политике идентичности³ можно зафиксировать скорее ее отсутствие в Армении. Единственная попытка такой политики, логика которой предполагала определенное нациестроительство, выразилась в своеобразном концепте «нация–армия», предложенном в 2016 г. бывшим руководством Республики Армения, судьба которого была короткой и неуспешной.

Соответственно, основной проблемой современного научного поиска в исследуемой области становятся не столько параметры институционального дизайна, сколько вопрос о необходимости существования в обществе консенсуса относительно базовых ценностей при наличии различных мировоззренческих и иных предпочтений, а также символические параметры исторической и

² Подобный взгляд обстоятельно раскрыт в работах академика РАН В.А. Тишкова. [Тишков 2013]. Данный подход нашел отражение в Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года (с изменениями на 6 декабря 2018 года)», где дается следующее определение: «Общероссийская гражданская идентичность (гражданское самосознание) – осознание гражданами Российской Федерации их принадлежности к своему государству, народу, обществу, ответственности за судьбу страны, необходимости соблюдения гражданских прав и обязанностей, а также приверженность базовым ценностям российского общества». Официальный портал «Кодекс». URL: <https://docs.entd.ru/document/902387360> (дата обращения: 30.08.2021).

³ Под политикой идентичности понимается «целенаправленная деятельность разных политических акторов, включая распространение ключевых представлений о своем сообществе, его характеристиках, системе *Мы / Они, Другие, Чужие, Враги*» [Фадеева, Назукина 2020:213].

ценностной преемственности, позволяющие не только обеспечивать коллективные политические и социальные практики в настоящем, но и формирующие образ желаемого будущего, определяя проектную идентичность.

Теоретическая модель М. Кастельса, предполагающая классификацию идентичности на легитимирующую идентичность (*legitimizing identity*), протестную идентичность (*resistance identity*) и проектную идентичность (нацеленную на будущее) (*project identity*) [Castells 1999], очерчивает политический потенциал субъектов, способных через протестную идентичность перейти к идентичности, устремленной в будущее: это религиозные, национальные и территориальные сообщества. После распада Советского Союза произошел взрыв национализма в республиках, выпавших из орбиты универсализирующих интенций Большого государства. Это представляется закономерным обращением к устойчивому основанию – этничности, сформировавшей границы протестной идентичности, основанием которой также является солидарность – переживание единства проблем и целеполагания.

Протестная идентичность противопоставляла собственные устойчивые ценностные структуры как современным, так и ушедшим в прошлое. Активизация этнического и национального самосознания предопределила изменение политического поведения и государственных стратегий, во многом строившихся на поисках и утверждении «самости»: через переопределение и протест утвердить и легитимировать субъектность возникших государств и стать логикой конструирования будущего. Подтверждением выступает достаточно негативное отношение в армянском общественном и политическом дискурсах к словосочетанию «трансформация идентичности», отрицающих подобную проблему и делающих акценты на сохранении идентичности, но не на трансформации и развитии. Подобное отношение к смыслам понятий имеет и семиотическое объяснение: в армянском языке слово «ազգ» (*azg*) – это нация, но не в западном понимании нации (*nation*), а в понимании принадлежности к роду, своеобразное примордиалистское восприятие как кровнородственного этнического сообщества, возникшего из одного корня и прошедшего тысячелетия истории.

Однако, насколько этничность как смыслообразующий стержень идентичности коррелирует на постсоветском пространстве с традициями государственности различных стран, в какой степени актуализирует возможность перешагнуть через самое себя и достигнуть более высокой ступени солидарности – гражданской? Еще одним исследовательским вопросом может служить поиск объяснений отсутствия демонстрации странами постсоветского пространства более высоких темпов развития – в экономике, культуре, политической жизни, повышении благосостояния, ценностных контекстах. Общества не стали более гуманными, более культурными, более образованными, чем это было в рамках единого государства. Соответственно, можно предположить два варианта объяснения происходящего: либо мы наблюдаем политические осколки, сравнимые с осколками, возникшими после распада Римской или Византийской империй, либо мир поменялся, и государства смогут более

грамотно позиционировать себя в мировой истории и мировой политике, для чего представляется действенным познавательный арсенал понятий идентичности и гражданской идентичности.

Гражданская идентичность как ресурс солидарности

Гражданская идентичность может быть рассмотрена как отождествление себя с гражданами страны, представление о государстве, стране, образ «Мы», чувство общности, солидарности, ответственности за дела в стране, включающее в себя не только когнитивные и эмоциональные компоненты, но и поведенческие. По мнению Л.М. Дробижевой, именно деятельностные элементы отличают гражданскую идентичность от иных форм, прежде всего от государственной и страновой [Дробижева 2020b]. Идентичность в таком определении – это «не только лояльность государству, его правовым нормам, но и консолидация с гражданами страны, их готовность участвовать в принятии политических решений и брать ответственность за дела в стране. Она является отражением в сознании граждан политической нации» [Дробижева 2020a:486].

Широко дискутируемый вопрос включения деятельностной компоненты пересекается с управленческими исследованиями: как возможно «беспокойство» за общее благо? Каким образом деятельностная составляющая, в отличие от национальной или государственной идентичности, соотносится с институтами гражданского общества, с интересами, целеполаганием и ценностями всего многообразия политических и социальных акторов. Методологическое расширение формулировки понимания гражданской нации⁴ призвано поставить на первое место не партикулярное этническое, а именно общее – единство, консенсус ценностей, соответствующие общие цели, задачи для всех граждан, для всех групп населения, а не только этнонациональных. Социологические исследования фиксируют подобную ситуацию в России: по данным опроса ВЦИОМ (всероссийское исследование, выполненное по заказу Федерального агентства по делам национальностей, N=2000) в конце 2019 г. российская гражданская идентичность фиксировалась в ответах 91% респондентов, по данным ФНИСЦ РАН (всероссийское исследование ИС ФНИСЦ РАН, N=2000), в сентябре 2020 г. чувство общности с гражданами России испытывали также 91% россиян, причем показатели и русских и нерусских практически совпадают⁵.

Для языка политики более приемлемы и понятны такие термины, как солидарность, сплоченность, согласие относительно общих целей, ценностей,

⁴ В Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года (с изменениями на 6 декабря 2018 года)» гражданская нация понимается как «многонациональный народ Российской Федерации (российская нация) – сообщество свободных равноправных граждан Российской Федерации различной этнической, религиозной, социальной и иной принадлежности, обладающих гражданским самосознанием» // Официальный портал «Кодекс». URL: <https://docs.cntd.ru/document/902387360> (дата обращения: 02.08.2021).

⁵ Более подробно подтверждено количественными и качественными социологическими данными в [Дробижева, Рыжова 2021].

интересов (что включается в параметры национальной безопасности), фиксирующих как субъективные и моральные аспекты единства, так и объективные основания. Включение политической компоненты в гражданственность актуализирует соотношения государства и гражданского общества, поскольку «гражданская идентичность опирается как на институты гражданского общества, так и на вовлеченность граждан в различные формы самоорганизации (НКО, волонтерская работа, инициативы местных сообществ)» [Дробижева 2020а:486]. Этот конгломерат солидарностей выступает драйвером укрепления гражданской идентичности, когда просто человек, подданный или гражданин государства становится Гражданином с большой буквы. Одновременно такой ракурс интерпретации имплицитно задает методологический вопрос о применимости этой дихотомии – государство/гражданское общество для незападных социокультурных общностей, таких, как, например, Россия и Армения.

Не исключая этнической компоненты, политическое единство, отражаемое в гражданской идентичности, обеспечивается, вероятно, тремя причинами. Первая причинность связана с институтом государства, а также общими целями, смыслами в истории и культуре, согражданством, включая институты прав и свобод человека, равенство прав граждан вне зависимости от любого частного начала. Вторая – связана с нацеленностью на общее благо, с универсальными правилами, которые формируются и оформляются юридически, следуя логике, что «нация как гражданско-политическая общность людей есть «конституционный патриотизм» (Ю. Хабермас), «продукт работы конституции в теле этноса» (М. Мамардашвили), воспроизводимой П. Гречко [Гречко 2015:13]. Третья причинность представляет собой принцип солидарности, без которого невозможно существование любых форм социальных идентичностей. Согражданство предполагает солидарность и коллективные политические векторы, вне зависимости от идеологических разногласий. Все групповые солидарности, начиная от государственно-бюрократических и заканчивая локальными, могут иметь позитивные значения, только при включенности в гражданскую солидарность, иначе как частные идентичности они будут стремиться к оформлению себя в онтологическом статусе, что несет в себе потенциал деструкции. Так, например, в армянском политическом дискурсе и массовом сознании понятия “национальный” и “демократический” по ряду причин сформировали оппозицию друг другу, а также стали “жертвами” внутривнутриполитических конфликтов, а между понятиями “армянин” и “гражданин Республики Армения” сегодня также существует “конфликт” [Саркисян, Дунамалян 2020:57–58]. Утверждение о существовании единой армянской идентичности⁶ имплицитно задает вопрос о совместимости гражданской идентичности армян Соединенных Штатов или Российской Федерации и армян,

⁶ Понятие единой армянской идентичности не привязано к государственным границам, оно является основанием для понятий «глобальная нация», «сетевое армянское общество» представляющиеся достаточно спорными: национальные интересы России с большой долей вероятности представляются более смыслополагающими для армян – граждан России, чем интересы армянской нации, что влечет к опровержению существующих представлений и разочарованию в предлагаемых критериях идентификации [Саркисян 2019].

живущих в Республике Армения как носителей не только армянской этнической, культурной, конфессиональной идентичности, но также гражданской идентичности государств, гражданами которых они являются.

Как ключевое измерение гражданской идентичности, чувство согражданства/согражданственности, то есть солидарность, снимающая частные различия, может использоваться как ресурс развития и моноэтнического общества, поскольку разделение и «трайбализация» проходит не только по этническим границам (этнические и религиозные различия более заметны), но и по социальным, ценностным, идейным, имущественным и т. д. В метафизической проекции представляется очевидным, что для онтологической солидарности необходимо признание высшей ценностью общего блага. В практической плоскости не менее очевидно, что общее благо не является признанной общественной ценностью ни для граждан, ни для государства, ни для групп, обладающих властным ресурсом, являясь «правлящим классом» [Моска 1994].

Идейная эволюция государственных ценностных приоритетов постсоветских государств имеет некие общие черты, это прежде всего амбивалентный процесс одновременной либерализации, сопровождаемый деидеологизацией. Ситуация «реидеологизации» в современной России на основе предлагаемого верховной властью консервативного основания консенсуса является логическим продолжением политики нациестроительства, реализации проекта российской гражданской нации, тогда как в Армении ситуация иная – отсутствие схемы более или менее долгосрочного стратегического развития государства и нации. Это предопределяет различные понимания гражданской идентичности и связанных с ней понятий в гуманитарном знании и общественном сознании двух стран.

Заключение

Тридцать лет социально-политических трансформаций в постсоветских странах затронули практически все уровни социального бытия: от экономики и политических институтов до внутреннего мира человека. Формирование общегражданской идентичности в России и Армении зависит от многих причин, таких как: последствия пережитой за годы реформ «культурной травмы», общий и специфический исторический опыт, особенности его субъективного осмысления, динамика материального положения, самоощущение своего социального статуса в обществе, но также определяется и легитимностью и эффективностью институтов, которые призваны выражать и защищать интересы граждан исследуемых стран. Вместе с тем болезненный процесс социально-политических трансформаций после распада универсализирующего и мощного политического и ценностно-идеологического образования – СССР высветил устойчивость «порождающей грамматики» национальных менталитетов и составляющих его основу базовых смыслов.

Поступила в редакцию / Received: 01.08.2021
Принята к публикации / Accepted: 15.08.2021

Библиографический список

- Гречко П.К. Мы – многонациональный народ, или Есть ли нация у народа? // *Личность. Культура. Общество*. 2015. Том XVII. Вып. 3–4 (№ 87–88). С. 8–20. DOI: 1606=951X.2015.2.2079
- Дробизжева Л.М. Смыслы общероссийской гражданской идентичности в массовом сознании россиян // *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*. 2020а. № 4. С. 480–498. DOI: 10.14515/monitoring.2020.4.1261
- Дробизжева Л.М. Российская идентичность: поиски определения и динамика распространения // *Социологические исследования*. 2020b. № 8. С. 37–50.
- Дробизжева Л.М., Рыжова С.В. Общероссийская идентичность в социологическом измерении // *Вестник российской нации*. 2021. № 1–2 (77–78). С. 39–52.
- Историческая память и российская идентичность / под ред. В.А. Тишкова, Е.А. Пивневой. М.: РАН, 2018.
- Малахов В.С. Идентичность // *Новая философская энциклопедия*. Т. 2. М., 2001. С. 78.
- Малахов В.С. Неудобства с идентичностью // *Вопросы философии*. 1998. № 2. С. 43–53.
- Моска Г. Правящий класс // *Социологические исследования*. 1994. № 10. С. 187–198.
- Мчедлова М.М. Социокультурные смыслы политики: новая логика интерпретации и религиозные референции // *Полис. Политические исследования*. 2016. № 1. С. 157–174.
- Мчедлова М.М., Казаринова Д.Б. Политика идентичности: конкуренция новых теоретических смыслов и политических стратегий // *Политическая наука*. 2020. № 4. С. 13–35.
- Саркисян О.Л. О совместимости модели «глобальной нации» с проектом национального государства (на примере Армении и армянства) // *Траектории политического развития России: Институты, проекты, акторы: материалы Всероссийской научной конференции РАН, г. Москва, МПГУ, 6–7 декабря 2019 г.* / под ред. О.В. Гаман-Голутвиной, Л.В. Сморгунова, Л.Н. Тимофеевой. М.: МПГУ, 2019. С. 354–355.
- Саркисян О.Л., Дунамалян Н.А. Динамика трансформации гражданской идентичности в современной Армении: факторы и субъекты // *Полис. Политические исследования*. 2020. № 2. С. 53–72. DOI: 10.17976/jpps/2020.02.05
- Семенов И.С. Политика идентичности и идентичность в политике: этнонациональные курсы, европейский контекст // *Полис. Политические исследования*. 2016. № 4. С. 8–28. <https://doi.org/10.17976/jpps/2016.04.03>
- Тишков В.А. Российский народ. История и смысл национального самосознания. М.: Наука, 2013.
- Фадеева Л.А., Назукина М.В. Институционализация политической науки в России: факторы, уровни, результаты (на примере идентитарных исследований) // *Политическая наука*. 2020. № 1. С. 201–220.
- Castells M. *L'ère de l'information. Le pouvoir de l'identité*. Paris, Fayard, 1999.
- Touraine A. *Production de la société*. Paris, 1973.

References

- Castells, M. (1999). *L'ère de l'information. Le pouvoir de l'identité*. Paris, Fayard, 1999. (In French).
- Drobizheva, L.M. (2020b). All-Russian national identity: Searching for definition and distribution dynamics. *Sotsiologicheskie issledovaniya [Sociological Studies]*, 8, 37–50. (In Russian).
- Drobizheva, L.M., & Ryzhova, S.V. (2021). All-Russian identity in the sociological dimension. *Bulletin of Russian nation*, 1–2, 39–52. (In Russian).
- Drobizheva, L.M. (2020a). The meanings of All-Russian civic identity in Russian mass consciousness. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*, 4, 480–498. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.4.1261>. (In Russian).
- Fadeeva, L.A., & Nazukina, M.V. (2020). Institutionalization of political science in Russia: Factors, levels, results (on the example of identitarian studies). *Political science (RU)*, 1, 201–220. DOI: <http://www.doi.org/10.31249/poln/2020.01.08> (In Russian).
- Grechko, P.K. (2015). We are a multinational people, or does the people have a nation? *Personality. Culture. Society*. XVII, 3–4 (87–88), 8–20. DOI: 1606=951X.2015.2.2079 (In Russian).

- Malakhov, V.S. (1998). Inconveniences with identity. *Voprosy Filosofii [Problems of Philosophy]*, (2), 43–53. (In Russian).
- Malakhov, V.S. (2001). Identity. In *New Philosophical Encyclopedia* (p. 78). Vol. 2. Moscow. (In Russian).
- Mchedlova, M., & Kazarinova, D. (2020). The identity politics: competition of new theoretical meanings and political strategies. *Political science (RU)*, (4), 13–35. DOI: <http://www.doi.org/10.31249/poln/2020.04.01> (In Russian).
- Mchedlova, M.M. (2016). Sociocultural meanings of politics: New logic of interpretation and religious references. *Polis. Political Studies*, (1), 157–174. <https://doi.org/10.17976/jpps/2016.01.11> (In Russian).
- Mosca, G. (1994). The ruling class. *Sotsiologicheskie issledovaniya [Sociological Studies]*, (10), 187–198. (In Russian).
- Sarkisyan, H. (2019). On the compatibility of the “global nation” model with the national State project (on the example of Armenia and the Armenians). In O.V. Gaman-Golutvina et al. (Eds.), *Trajectories of Russia's Political Development: Institutes, projects, actors: materials of the All-Russian Scientific Conference RAPS* (pp. 354–355). Moscow: MPSU. (In Russian).
- Sarkisyan, H.L., & Dunamalyan, N.A. (2020). The dynamics of civil identity transformation in modern Armenia: Factors and subjects. *Polis. Political Studies*, (2), 53–72. <https://doi.org/10.17976/jpps/2020.02.05> (In Russian).
- Semenenko, I.S. (2016). Identity politics and identities in politics: Interethnic perspectives in a European context. *Polis. Political Studies*, (4), 8–28. <https://doi.org/10.17976/jpps/2016.04.03> (In Russian).
- Tishkov, V.A. (2013). *The Russian people. The History and meaning of national identity*. Moscow: Nauka. (In Russian).
- Tishkov, V.A., & Pivneva, E.A. (Eds.). (2018). *Historical Memory and Russian Identity*. Moscow: RAS. (In Russian).
- Touraine, A. (1973). *Production de la societe*. Paris. (In French).

Сведения об авторах:

Мchedлова Мария Мирановна – доктор политических наук, профессор, заведующая кафедрой сравнительной политологии Российского университета дружбы народов, главный научный сотрудник Центра «Религия в современном обществе» Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук (e-mail: mchedlova-mm@rudn.ru) (ORCID: 0000-0002-4635-1741)

Саркисян Ованес Лаврентьевич – кандидат философских наук, доцент, заведующий кафедрой политологии Российско-Армянского университета (e-mail: hovhannes.sargsyan@rau.am) (ORCID: 0000-0001-5912-7936)

About the authors:

Maria M. Mchedlova – Doctor of Science in Political Science, Professor, Head of the Department of Comparative Politics of RUDN University, Chief Researcher in the Center “Religion in Contemporary Society” of the Federation Institute of Sociology – Branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences (e-mail: mchedlova-mm@rudn.ru) (ORCID: 0000-0002-4635-1741)

Hovhannes L. Sargsyan – PhD in Philosophy, Associate Professor, Head of the Department of Political Science in Russian-Armenian University (e-mail: hovhannes.sargsyan@rau.am) (ORCID: 0000-0001-5912-7936)

ИДЕНТИЧНОСТЬ В ЕВРОПЕ И ЕЕ АКТОРЫ IDENTITY IN EUROPE AND ITS ACTORS

DOI: 10.22363/2313-1438-2021-23-4-659-674

Научная статья / Research article

Политика памяти о Второй мировой войне в бывших республиках социалистической Югославии: символические и коммеморативные аспекты

И.А. Помигуев^{1, 2, 3}, Э.Р. Салахетдинов^{4, 5}

¹Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»,
Москва, Российская Федерация

²Институт научной информации по общественным наукам РАН,
Москва, Российская Федерация

³Финансовый университет при Правительстве РФ, Москва, Российская Федерация

⁴Институт Африки РАН, Москва, Российская Федерация

⁵Университет Южной Африки (Unisa), Претория, Южно-Африканская Республика

Аннотация. В статье анализируется политика памяти о Второй мировой войне (ВМВ) в социалистической Югославии и сравниваются соответствующие коммеморативные практики в постъюгославских республиках. В фокусе внимания находится область конструирования праздников и памятных дат, отражающих символические и ценностные ориентиры общества, а также траектории национально-государственного строительства. Процесс формирования государственного метанарратива в послевоенной Югославии был тесно связан с монополизацией коммунистами роли лидеров национально-освободительной войны, объединивших южнославянские народы в борьбе против немецко-фашистских захватчиков. Из истории сопротивления иностранным оккупантам и внутренним врагам властями были выведены государственные праздники и памятные дни, призванные легитимизировать и укрепить торжество нового социалистического порядка. Альтернативные югославские некоммунистические движения, прежде всего усташи и четники, способные составить конкуренцию на символическом поле, были объявлены классовыми врагами, реакционными элементами и коллаборантами. По мере нарастания дезинтеграционных процессов в социалистической Югославии были предприняты попытки ревизии ее идеологических установок и символического наследия. Однако, как показывает исследование, попытки ревизии итогов ВМВ стали скорее маргинальным явлением, а большинство постъюгославских государств, хоть и в деидеологизированном виде, но сохранили символические практики предыдущего периода.

Ключевые слова: политика памяти, праздники, памятные дни, символическая политика, ревизия итогов Второй мировой войны, усташи, четники, социалистическая Югославия, республики бывшей Югославии

© Помигуев И.А., Салахетдинов Э.Р., 2021

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

Для цитирования: Помигуев И.А., Салахетдинов Э.Р. Политика памяти о Второй мировой войне в бывших республиках социалистической Югославии: символические и коммеморативные аспекты // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2021. Т. 23. № 4. С. 659–674. DOI: 10.22363/2313-1438-2021-23-4-659-674

The Memory Policy of the Second World War in the Post-Yugoslav Republics: Symbolic and Commemorative Aspects

I.A. Pomiguyev^{1, 2, 3}, E.R. Salakhettidinov^{4, 5}

¹HSE University, Moscow, Russian Federation

²Institute of Scientific Information for Social Sciences of the RAS, Moscow, Russian Federation

³Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow,
Russian Federation

⁴The Institute for African Studies of the RAS, Moscow, Russian Federation

⁵University of South Africa (Unisa), Pretoria, The Republic of South Africa

Abstract. The paper analyses the politics of memory of the World War II (WWII) in socialist Yugoslavia and compares the corresponding commemorative practices in the post-Yugoslav republics. The focus is on the design of holidays and memorial dates that reflect the symbolic and valuable attitudes of society, as well as the trajectory of nation-building. The formation of the state metanarrative in post-war Yugoslavia was closely related to the monopolisation of the leadership roles of the national liberation war by the communists, who united the six South Slavic nations in their struggle against the Nazi invaders. The state holidays and memorial days were derived from the history of resistance to foreign occupiers and internal enemies in order to legitimise and strengthen the triumph of the new socialist order. Alternative Yugoslavian non-communist movements, especially the Ustash and Chetniks who were potentially capable of competing in the symbolic field, were declared class enemies, reactionary elements, and quislings. As the processes of disintegration increased in socialist Yugoslavia, there were several attempts to revise its ideological attitudes and symbolic heritage of WWII. Nevertheless, as the study shows these attempts became, rather, a marginal phenomenon, and most post-Yugoslav states retained the commemorative, albeit de-ideologised, practices of the previous period.

Keywords: politics of memory, holidays, memorial days, symbolic politics, revision of the results of World War II, Ustaša, Chetniks, socialist Yugoslavia, the republics of the former Yugoslavia

For citation: Pomiguyev, I.A., & Salakhettidinov, E.R. (2021). The memory policy of the Second World War in the post-Yugoslav republics: Symbolic and commemorative aspects. *RUDN Journal of Political Science*, 23(4), 659–674. (In Russian). DOI: 10.22363/2313-1438-2021-23-4-659-674

Введение

Память о Второй мировой войне (ВМВ) до сих пор является предметом серьезных внутри- и внешнеполитических споров во многих странах. Распад социалистической системы и возникновение новых независимых государств в Европе обострили ревизионистские настроения, связанные с трактовками

событий ВМВ¹. Независимые государства бывшей Социалистической Федеративной Республики Югославия (СФРЮ) в этом плане не исключение: они хоть и отличаются друг от друга по ряду параметров, но до сих пор объединены общими проблемами, связанными с нерешенностью задач по формированию нации, опытом совместного существования в составе больших политических и ностальгией части населения по прошлым временам [Мелешкина 2018; Ефременко, Мелешкина 2020].

Именно поэтому не теряет своей актуальности вопрос изучения в постъюгославских республиках политики памяти как «деятельности государства и других акторов, направленной на утверждение тех или иных представлений о коллективном прошлом и формирование поддерживающих их культурной инфраструктуры, образовательной политики, а в некоторых случаях – еще и законодательного регулирования» [Малинова 2018:33].

Методологической основой представленной работы послужили базовые постулаты, используемые в исследованиях коллективной памяти (*memory studies*) и заложенные еще в начале XX в. М. Хальбваксом, А. Варбургом и др. [Erl1 2011:4; Хальбвакс 2005]. Эти идеи получили развитие и в трудах российских ученых: А.И. Миллера, О.Ю. Малиновой, Д.В. Ефременко и др. [Методологические вопросы изучения политики памяти 2018; Джонсон, Малинова 2020; Ефременко 2018].

В данной работе предлагается исходить из того, что коллективная память – это коллективно разделяемая репрезентация прошлого, которая определяет особенности восприятия исторических событий индивидами [Хальбвакс 2005]. В свою очередь, индивиды, которые принимают общие идеи и смыслы, формируют «воображаемое сообщество», выступающее одной из основ государственности [Андерсен 2016].

Сложный этнический состав постъюгославских государств не позволяет говорить о гомогенности и единстве проживающих там сообществ, что определяет необходимость конструирования общенациональной идентичности², в том числе посредством мобилизации этнических сообществ в таких государствах [Понамарева 2019]. В этих условиях коллапс надэтнической системы югославской идентичности и уход с политической сцены поддерживавшей ее социальной группы [Ефременко 2018] вынуждает власти молодых политий искать новые символы политики памяти, в том числе в травмирующих событиях ВМВ, что роднит их с республиками бывшего Советского Союза.

В данной статье предлагается сфокусироваться на государственных праздниках³, которые выступают «зеркалом» символических и коммеморативных

¹ См., например: *Образы войны в исторической памяти* // Российская газета. 08.05.2020. URL: <https://rg.ru/2020/05/08/obrazy-vojny-v-istoricheskoy-pamiaty.html> (accessed: 01.12.2020).

² Все это можно реализовывать в рамках политики памяти. См. подробнее: [Джонсон, Малинова 2020:20–22].

³ *Государственными праздниками* в данной статье мы называем законодательно установленные выходные праздничные дни. *Памятными днями (Memorial Days)* являются дни, законодательно установленные с целью увековечивания памяти о событии или явлении, которые, однако, в отличие от государственных праздников, являются рабочими.

характеристик официальной политики памяти и являются публичным результатом борьбы существующих политических сил за интерпретацию прошлого [Ефремова 2013].

Исторический контекст политики памяти о Второй мировой войне в социалистической Югославии

В 1945 г. победившими во Второй мировой войне (ВМВ) партизанами-коммунистами во главе с Иосипом Броз Тито образована Федеративная Народная Республика Югославия (ФНРЮ, с 1963 г. – Социалистическая Федеративная Республика Югославия, СФРЮ). С целью преодоления резко обострившихся в ходе ВМВ межэтнических конфликтов новое руководство страны приступило к политике конструирования коллективной памяти и формирования югославской идентичности [Jović 2004, 2009], объединяя его рамками общего югославского метанарратива [Ефременко, Мелешкина 2020]. События ВМВ играли ключевую роль в государственном строительстве новой республики, которое опиралось на миф о «братстве и единстве» (*bratstvo i jedinstvo*) южнославянских народов и их совместной борьбе за освобождение от нацизма и фашизма (*narodnooslobodilačka borba*) [Milošević, Touquet 2018]. Государственный нарратив гласил: партизанское движение, состоящее из боснийцев, македонцев, сербов, словенцев, хорватов и черногорцев, под руководством коммунистической партии выиграло освободительную войну против немецких, итальянских, болгарских и венгерских оккупантов, а также внутренних врагов, что привело к торжеству социалистической революции в Югославии.

Вклад каждого из шести славянских народов в освобождение страны подчеркнуто признавался равным, при этом главными внутренними врагами и коллаборантами были названы, в первую очередь, хорватские усташы и сербские четники. Так, Тито в мае 1945 г. объявил: «Если у хорватов были усташы, то у сербов были четники. Какая разница между ними?» (цит. по: [Djokić 2002:132]). Дихотомия югославского исторического нарратива преднамеренно симплифицировала сложность и неоднозначность позиций каждой из противоборствующих сторон. Как верно отмечал Джокич, в официальной югославской политике памяти существовало только одно измерение – «национально-освободительная война и социалистическая революция (*narodnooslobodilački rat i socijalna revolucija*)» [Djokić 2002:132]. В этой незамысловатой исторической картине не оставалось места для обсуждения причин кровавых межэтнических конфликтов, произошедших в Югославии во время ВМВ. В итоге отсутствие публичной рефлексии и искусственное подавление противоречий приведет к их резкому обострению в конце 1980-х – начале 1990-х гг.

В области политики памяти руководство СФРЮ стремилось создать объединяющие символы и церемониальные практики. Высокая популярность партизанского движения и лично Тито позволили коммунистам после ВМВ фактически с нуля создать новую символическую парадигму. Неудивительно, что большинство из новосозданных праздников были посвящены

героической партизанской борьбе коммунистов, возглавляемых «отцом нации» и маршалом Югославии. Следует отметить, что это произошло не только в силу стремления режима Тито «правильно» интерпретировать историю для придания большей легитимности своему правлению, но и во многом из-за отсутствия альтернативных нарративов, способных объединить страну после *bellum omnium contra omnes*⁴.

Государственные праздники в новообразованной после ВМВ югославской федеративной республике как на общегосударственном, так и республиканском уровнях были приурочены либо к заседаниям комитетов антифашистского сопротивления, либо к датам восстаний каждой из шести славянских этнических групп. На республиканском уровне также отмечались даты освобождения крупных городов: Белграда (12–20 октября 1944 г.), Сараево (5 апреля 1945 г.), Любляны и Загреб (8 и 9 мая)⁵. Нередко праздник совмещал в себе несколько событий, произошедших в один день, но в разные годы, например общегославский *День республики* (29 ноября)⁶.

Еще одним общенациональным праздником в стране являлся *День бойца* (*Dan borcev*), введенный 26 июня 1956 г. и отмечавшийся 4 июля. Его называли также «праздником восстания народа Югославии» (годовщина заседания Политбюро ЦК КПЮ⁷), где было принято решение поднять вооруженное восстание. В Хорватии этот праздник был отменен в 1989 г., в остальных республиках – после получения независимости, и лишь в Сербии он сохранялся до 2001 г.⁸

Другим федеральным праздником, посвященным ВМВ, стал *День победы*. В 1965 г. руководство Югославии установило 9 Мая государственным праздником совместно с СССР в честь двадцатой годовщины победы над гитлеровской Германией. Интересно, что эта дата сохранилась, несмотря на последующее заметное ухудшение советско-югославских отношений, и в большинстве своем после развала социалистической Югославии в новых независимых государствах. Каждая из республик социалистической Югославии также имела один или два праздника, посвященных истории антифашистского сопротивления⁹.

На современном этапе развития постъюгославских стран в их новых границах часть символов и церемониальных практик послевоенной Югославии

⁴ Война всех против всех (пер. с лат.).

⁵ На пути к новым смыслам. 9 мая на Балканах // РСМД. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/na-puti-k-novym-smyslam-9-maya-na-balkanakh/> (дата обращения: 30.11.2020).

⁶ *Подробнее*: Remembering 29 November, Dan Republike (Day of the Republic) // Remembering Yugoslavia. URL: <https://rememberingyugoslavia.com/dan-republike/> (accessed: 15.11.2020).

⁷ Центральный комитет Коммунистической партии Югославии.

⁸ Dan borca. URL: https://sh.wikipedia.org/wiki/Dan_borca (accessed: 01.12.2020).

⁹ Авторами статьи составлена сводная таблица праздников и памятных дат СФРЮ и независимых государств, образованных после ее распада, которые посвящены событиям ВМВ. С таблицей можно ознакомиться по ссылке: Помигуев И. Праздничные дни и памятные даты в СФРЮ и постъюгославских республиках, посвященные Второй мировой войне // Harvard Dataverse, V1. DOI: <https://doi.org/10.7910/DVN/CPGVOD>

сохранилась. Так, например, партизанские песни времен ВМВ имеют большую популярность и исполняются по сей день¹⁰. Иначе обстоит ситуация с праздниками: они хоть полностью и не исчезли, но подверглись серьезной переоценке и смысловой трансформации.

Распад Югославии и ревизия социалистической исторической парадигмы

Глобальный кризис социалистической системы и растущий запрос наций на самоопределение на рубеже 80-90-х гг. XX в. поставили под вопрос будущее ряда крупных политий, таких как СССР, Чехословакия и Югославия. Однако если советская и чехословацкая партийные номенклатуры перед лицом этого вызова приняли решение о добровольном самороспуске в рамках существующих границ (за некоторыми исключениями), то в Югославии стремление сохранить федерацию и попытки изменить существовавшие границы между республиками привели к гражданской войне, этническим чисткам и геноциду в Сребренице¹¹.

В процессе государственного и национального строительства новых государств, образованных после распада СФРЮ, образ югославского социалистического прошлого до сих пор представляет собой поле символической внутри- и внешнеполитической борьбы, отличающейся значительной вариативностью от страны к стране [Мелешкина 2018; Ефременко, Мелешкина 2020].

На современном этапе национального и государственного строительства республик бывшей Югославии наиболее выражено наблюдались две доминирующие тенденции в политике памяти о событиях ВМВ.

1. Нивелирование идеологических различий внутри этносов при усилении межэтнического дистанцирования. Процесс «перестройки» Югославии сопровождался активным публичным обсуждением необходимости национального примирения бывших идеологических врагов, таких как четники и сербские партизаны, усташы и хорватские коммунисты. В то же время необходимость межэтнического примирения на официальном уровне практически не обсуждалась¹². Как верно отмечал Джокич, «в Югославии на рубеже 80–90-х гг. XX в. большинство сербов стремились к примирению не с хорватами, а с другими сербами иного идеологического толка, и наоборот – правые хорваты стремились гармонизировать отношения с левыми хорватами, а не с сербами в целом или, по крайней мере, с сербским меньшинством Хорватии» [Djokić 2002:130].

¹⁰ Подробнее об этом см.: [Hofman 2021].

¹¹ События в Сребренице были признаны Международным трибуналом по бывшей Югославии (МТБЮ) и Международным судом ООН геноцидом. Сербия отказывается квалифицировать резню в Сребренице как геноцид, однако в резолюции 2010 г. парламент страны осудил массовое убийство боснийских мусульман и принес извинения семьям погибших.

¹² Возможно, создание специальной комиссии для расследования и оценки обоюдных преступлений во время ВМВ (аналога Комиссии правды и примирения, созданной в ЮАР после крушения системы апартеида), могло бы способствовать урегулированию ситуации. Однако такого органа создано не было.

2. **Апроприация и деидеологизация югославской истории ВМВ.** Большинство республик бывшей СФРЮ отчасти сохранили и/или вернулись к югославской интерпретации истории ВМВ, но очистили ее от коммунистических идеологических догматов, в первую очередь пересмотрев роль коммунистов как единственной силы сопротивления на югославском пространстве.

В Боснии и Герцеговине, где доминирует деидеологизированная югославская интерпретация истории ВМВ, прошлые праздники были упразднены, за исключением 9 Мая, – *День победы* продолжает иметь государственный статус¹³ в первую очередь из-за сложности управления, поскольку Республика Сербская категорически против его отмены.

Македония сохранила *День восстания народа* в неизменном виде, а 2 августа (*Первая сессия Антифашистского собрания по народному освобождению Македонии*) стал *Днем республики* с сохранением смыслового содержания¹⁴. В Словении социалистический *День восстания народа* отменен, а на его место пришел государственный праздник *День восстания против оккупации* (27 апреля), заменивший, в свою очередь, социалистический *День освободительного фронта* при том же содержании. Кроме того, еще досоциалистический праздник *День всех святых* стал во времена СФРЮ *Днем мертвых*, а в современной Словении получил название *День памяти погибших*. Название меняется, а содержание остается.

В Черногории *День восстания народа* (13 июня) сохранился как *День восстания*, но празднуется в государственном статусе совместно с *Днем государственности* – годовщиной Берлинского конгресса 1878 г., впервые признавшего независимость страны.

Таким образом постъюгославские государства, кроме Хорватии и Сербии, «весьма однозначно смотрят на события тех лет»¹⁵, сохраняя основные положения о национально-освободительной борьбе против внешних и внутренних врагов, но без социалистического флера (например, практически повсеместно убрали из названия производные от слова «народ»). Это может быть связано с тем, что четыре республики бывшей Югославии исторически не имели альтернативных полюсов, сопоставимых по масштабам с коммунистическим¹⁶. Это позволило указанным странам избежать конкуренции за память и во многом сохранить прежнюю интерпретацию исторических событий ВМВ с поправкой на современные условия.

Драйверами процесса исторического ревизионизма в бывшей СФРЮ выступили Сербия и Хорватия, что было обусловлено наличием у них конкурирующих идей и интерпретаций в рамках исторической памяти о наследии

¹³ Если приходится на рабочий день.

¹⁴ В память об Илинденском восстании 1903 г. против власти Османской империи.

¹⁵ «Борьба за освобождение»: как меняется восприятие Второй мировой войны на Балканах // Евразия эксперт. URL: <https://eurasia.expert/kak-menyayetsya-vospriyatye-vtoroy-mirovoy-voyny-na-balkanakh/> (дата обращения: 26.11.2020).

¹⁶ Во время ВМВ в Югославии только движения коммунистов, четников и усташей имели численность сопоставимую или превышающую 100 тыс. человек.

четников и усташей. По мере нарастания кризиса идей социализма в Югославии вклад этих движений в национальную историю обеих стран подвергался переосмыслению. Для лучшего понимания причин, стоявших за стремлением к исторической ревизии событий ВМВ в Хорватии и Сербии, рассмотрим отдельно два этих кейса.

Хорватия: интеграция с ЕС и проблемы нового дискурса о Второй мировой войне

Курс на интеграцию с ЕС, взятый балканскими государствами после распада Югославии, обнажил проблему интерпретации отдельных событий национальной истории и их согласованности с общеевропейским историческим метанарративом, долгое время служившим инструментом успешной интеграции западноевропейских стран в общеевропейское пространство [Миллер 2016]. Конфликт, в первую очередь, возникал при даче оценок повстанческим движениям, в годы ВМВ сотрудничавших с режимами Гитлера и Муссолини. Перед вступлением в ЕС аналогичную задачу решали многие восточноевропейские государства, чей опыт был, несомненно, учтен в постъюгославских республиках. В данном разделе основной фокус сделан на Хорватии как стране с наиболее релевантным опытом политики памяти, позволившим осуществить интеграцию с ЕС.

Первым президентом независимой Хорватии Франьо Туджманом (1990–1999) был взят курс на национальное примирение хорватского общества. С этой целью была предложена новая интерпретация ВМВ, согласно которой как хорватские партизаны-антифашисты, так и их противники усташа преследовали одну цель – достижение национальной свободы для хорватов [Durasković 2016:776]. Вклад партизан и усташей в создание национального государства был признан одинаковым, а ветераны обоих движений уравнины в правах.

Оценки тем или иным историческим явлениям давались властями якобы сквозь призму интересов хорватской государственности, поэтому сербы или коммунисты, которые якобы мешали созданию Хорватии, объявлялись врагами, а нацистское марионеточное Независимое государство Хорватия считалось при этом выражением исторических устремлений хорватского народа [Durasković 2016:772].

Хорватский дискурс тех лет попал в классическую ловушку национального ресентимента, когда ответственность за собственные исторические ошибки переносилась на внешних врагов. Специалист по хорватской истории ХХ в. С. Корен отмечала, что хорватская парадигма в 1990-е гг. была «основана на [хорватской] национальной самодостаточности, в то время как отношения с соседними народами были представлены в основном через конфликты, сопротивления [их] агрессии и попыткам разрушить хорватскую национальную идентичность («мы» – жертвы «других») [Koren 2001:183]. В практическом плане это, в частности, выразилось в стремлении к оправданию и занижению числа погибших в концлагере Ясеновац в Независимом государстве Хорватия во время ВМВ.

Однако национальный ресентимент и попытки реабилитации нацистского прошлого были в большинстве своем маргинализированы после ухода Туджмана. Пришедшее к власти в 2000 г. социал-демократическое правительство Хорватии во главе со Степаном Месичем (2000–2010) взяло курс на сближение с ЕС, для которого антифашизм является одной из фундаментальных ценностей. Новое хорватское руководство безоговорочно признало преступления, совершенные хорватским нацистским режимом во время ВМВ, в том числе прямое участие усташей в холокосте и преступлениях против человечности, отмечая, что их жертвами были и хорваты тоже [Cvijić 2008]. Отметим, что холокост был безоговорочно признан как Хорватией, так и Сербией, в отличие от военных преступлений и этнических чисток, совершенных во время ВМВ на территории Югославии. Эти события продолжают оставаться проблемным полем политики памяти обоих государств и поводом для взаимных обвинений сербов и хорватов.

В настоящее время в Хорватии как государственный праздник отмечается *День антифашистской борьбы* – 22 июня. Он посвящен созданию хорватскими коммунистами в 1941 г., после объявления нацистской Германией войны СССР, Сисакского народно-освободительного партизанского отряда как первой организации хорватских (по другим мнениям – югославских) партизан. Хорваты, установив эту дату, фактически получили право называться первой страной в границах Югославии, сформировавшей свой партизанский отряд, таким образом отобрав у Сербии символическое первенство¹⁷.

День победы (9 мая) в Хорватии остается памятной датой, по югославской традиции, совмещения праздников объединенной с *Днем Европы*¹⁸. Однако до сих пор со стороны левого политического фланга Хорватии высказываются мнения, что *День победы* оттеняется не только празднованием европейского единства, но и мероприятиями в память о погибших близ Блайбурга¹⁹.

«Резня в Блайбурге» (*Pokolj u Bleiburgu*) является памятной датой²⁰ и считается одним из ключевых событий в исторической памяти хорватов. В мае 1945 г. хорватское ополчение, состоявшее из усташей и антикоммунистов, вместе с гражданскими лицами отступало в сторону австрийского города Блайбург, чтобы сдаться британским войскам. Союзное командование отказалось признать их капитуляцию, и они были переданы партизанам Тито,

¹⁷ Zaboravljeni odred: I u Vrgorcu je 22. lipnja 1941. godine osnovana prva partizanska grupa. Lupiga. URL: <https://www.lupiga.com/vijesti/zaboravljeni-odred-i-u-vrgorcu-je-22-lipnja-1941-godine-osnovana-prva-partizanska-grupa> (accessed: 20.11.2020).

¹⁸ 9 мая 1950 г. министр иностранных дел Франции Робер Шуман выступил с планом по объединению промышленности Франции и Западной Германии, что считается первым шагом на пути создания Европейского экономического сообщества (с 1993 г. – Европейского союза).

¹⁹ Stazić: Hrvatska neiskreno obilježava dan pobjede nad fašizmom // Tportal.hr. 09.05.2019. URL: <https://www.tportal.hr/vijesti/clanak/stazic-hrvatska-neiskreno-obiljezava-dan-pobjede-nad-fasizmom-20190509> (accessed: 20.11.2020).

²⁰ День памяти хорватских жертв в борьбе за свободу и независимость. Празнуется в воскресенье, ближайшее к 15 мая.

которые убили десятки тысяч пленных. Ежегодно в Хорватии на высоком уровне проводятся памятные мероприятия погибших при Блайбурге как жертв коммунистического режима.

Хорватия, в отличие от государств Балтии, предпринявших попытку реабилитации сотрудничавших с нацистами национально-освободительных движений, полностью осудила деяния усташей. В этом ключе следует рассматривать поминание погибших при Блайбурге, которое скорее носит антикоммунистический характер и возлагает на партизан Тито ответственность за резню мирного населения. Этим объясняется поддержка хорватским руководством антикоммунистической повестки восточноевропейских государств – членов ЕС, в частности подписание в 2008 г. положения Пражской декларации о европейской совести и коммунизме. В ней в равной степени были осуждены преступления нацистского и коммунистического тоталитарных режимов. С этой целью Хорватия ввела в национальный календарь *Европейский день памяти жертв сталинизма и нацизма*, отмечаемый в день подписания пакта Молотова–Риббентропа 23 августа, став единственной такой страной на постъюгославском пространстве²¹. Это примечательно еще и тем, что в отличие от Польши и стран Балтии, разделенных между нацистской Германией и СССР, Хорватия не являлась «жертвой» пакта.

Антифашизм и антикоммунизм стали двумя столпами политики памяти в современной Хорватии. Как верно отмечает С. Цвиджич, «не став поддерживать исторически проблемную стратегию реабилитации движения усташей, хорватское общество переживает процесс, который можно назвать национализацией антифашистской истории или „деидеологизацией“ коммунистической исторической парадигмы» [Cvijić 2008:719].

Республика Сербия: ревизионистские тенденции в политике памяти

Дезинтеграция Югославии стала катализатором роста националистических и великосербских настроений в Сербии на рубеже 1980–1990-х гг. XX в. На первых многопартийных выборах страны победила Сербская социалистическая партия (ССП), а ее лидер Слободан Милошевич стал президентом страны (1989–1997). При Милошевиче начался процесс ревизии итогов ВМВ и, в особенности, оценок четнического движения. Следует отметить, что многолетний партийный функционер коммунистической партии Милошевич скорее противостоял процессу ревизии вклада четников в историю страны, открыто поддерживая их идеологических противников – коммунистов.

С конца 1980-х гг. в Сербии, как и в остальных странах бывшей Югославии, наблюдался процесс нивелирования внутригосударственных идеологических различий при усилении межэтнического дистанцирования, в том

²¹ 8 августа 2012 г. правительство Словении приняло резолюцию о провозглашении 23 августа Европейским днем памяти жертв всех тоталитарных и авторитарных режимов, но как памятная дата или праздник в национальном календаре он не фигурирует.

числе за счет продвижения идей национализма и югославизма [Мелешкина, Помигуев 2019]. Так, события ВМВ получили новые интерпретации в школьном образовании [Ефременко, Мелешкина 2020], где вклад в национально-освободительную борьбу четников и коммунистов сначала был приравнен, а впоследствии на партизан-коммунистов был повешен ярлык идеологических фанатиков²².

Новая историография оправдывала сотрудничество четников с нацистами прагматичными причинами, дескать это делалось из-за стремления не допустить жертв среди мирного населения, при этом массовые убийства хорватов и бошняков забывались [Cvijić 2008:723]. Подобную избирательность можно встретить и в сербской политике памяти. С одной стороны, широко отмечаются события, посвященные памяти жертв лагеря смерти Ясеновац, где погибли десятки или даже сотни тысяч сербов, а также тысячи цыган и евреев. С другой стороны, в Сербии, к примеру, замалчивается роль четников в массовых убийствах боснийцев в восточной части Боснии в апреле-мае 1941 г., предшествовавших любым крупным операциям усташей, что с трудом можно объяснить ответными действиями на террор хорватских нацистов [Ноаге 2006:143].

В 2004 г. парламент Сербии уравнивал в правах партизан-коммунистов и четников, объявив оба движения антифашистскими²³. Закон был широко поддержан либеральными и монархическими политическими кругами, но осужден сербским коммунистическим движением и ветеранскими организациями, заявившими, что Сербия стала «первой страной в Европе, которая провозгласила движение коллаборантов освободительным и антифашистским» [Ramet 2010:299]. В 2011 г. с целью продвижения новых исторических оценок в Сербии были учреждены новые праздники: *День памяти сербских жертв Второй мировой войны* (21 октября) и *День памяти жертв Холокоста, геноцида и других жертв фашизма во Второй мировой войне* (22 апреля). Сербия таким образом попыталась поставить знак равенства между двумя указанными событиями, надеясь, что это будет способствовать признанию геноцида сербов на общеевропейском уровне.

Примечательно, что в отличие от Хорватии, где приход проевропейских политических сил ознаменовал конец попыток ревизии истории ВМВ и однозначное осуждение преступлений режима усташей, правящая с 2012 г. Сербская прогрессивная партия (СПП), ориентированная на интеграцию с ЕС, продолжает историческую ревизию наследия четников. Показательным фактом ревизионистских действий можно считать повторное рассмотрение дела Драголюбa Михайловича – предводителя четнического движения в годы ВМВ, расстрелянного по приговору Верховного суда Югославии в 1946 г. за военные преступления и сотрудничество с нацистами.

²² 60 godina od pobjede nad fašizmom // Regija. 06.05.2006. URL: <https://www.slobodnaevropa.org/a/845746.html> (accessed: 21.11.2020).

²³ Četnici – Partizani 12:5. 23.12.2004 // Vreme. URL: <https://www.vreme.com/cms/view.php?id=400592> (accessed: 25.11.2020).

В 2015 г. Высший суд Белграда реабилитировал Михайловича, признав его невиновным по всем статьям обвинения. Хорватия резко осудила это решение, сравнив его с реабилитацией Гитлера и Муссолини²⁴. Следует отметить, что подобное сравнение не совсем корректно. Четники, в отличие от нацистов и фашистов, имели хорошие отношения с силами союзников, а Михайлович в 1942 г. даже стал лицом американского журнала *Time*²⁵. Во время Холодной войны Запад поддерживал четническое движение в эмиграции и их борьбу против коммунистического режима в Югославии [Subotić 2019]. По сей день сербская диаспора на Западе организует мероприятия в честь движения четников²⁶.

Обращает на себя внимание тот факт, что борьба Сербии с коммунистическим наследием ведется более скрыто, нежели это делает Хорватия. Причиной тому может служить высокий уровень евроскептицизма значительной части сербского населения и нежелание портить отношения с Россией, куда сербские лидеры периодически приезжают для участия в военном параде 9 Мая. В этом отношении интересно взглянуть на сербскую политику в области праздников как символических практик, отражающих ценности правящей элиты. Так, югославский *День восстания народа Сербии* против фашистских захватчиков (7 июля) был упразднен без замены его на другое событие. Фактически в Сербии сейчас нет ни одного выходного праздничного дня, посвященного ВМВ: даже *День победы*, хоть и обозначен в законе как государственный праздник, является рабочим днем. Кроме того, происходит смещение фокуса с событий ВМВ в сторону Первой мировой войны, оценки которой гораздо менее конфликтны в исторических трактовках сербов и ЕС²⁷.

Заключение

Однозначность в интерпретации исторических событий, их принятие и символическое признание травматического прошлого на государственном уровне способны существенно повлиять на процесс построения стабильных демократических государств [De Lue 2006]. В этой связи особенно важно понять, какие символические и коммеморативные аспекты политики памяти наблюдаются в настоящее время на постъюгославском пространстве.

Распад социалистической Югославии привел к попыткам ревизии югославской исторической парадигмы в новообразованных независимых государствах.

²⁴ В Сербии реабилитирован генерал Дража Михайлович // *Голос Америки*. 14.05.2015. URL: <https://www.golosameriki.com/a/serbia-mihailovic/2767529.html> (дата обращения: 30.11.2020).

²⁵ *Draja Mihailovich* // *Time*. May 25, 1942. URL: <http://content.time.com/time/covers/0,16641,19420525,00.html#:~:text=Draja%20Mihailovich%20%7C%20May%2025%2C%201942> (accessed: 25.11.2020).

²⁶ *Betrayal: RSL backs Nazi-aligned Serbian Chetniks* // *Independent Australia*. January 1, 2020. URL: <https://independentaustralia.net/politics/politics-display/betrayal-rsl-backs-nazi-aligned-serbian-chetniks,13505> (accessed: 30.06.2021).

²⁷ *На пути к новым смыслам. 9 мая на Балканах* // РСМД. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/na-puti-k-novym-smyslam-9-maya-na-balkanakh/> (дата обращения: 30.11.2020).

Однако проведенный анализ государственных праздников, посвященных памяти о событиях ВМВ, показал, что такие устремления являлись скорее маргинальным явлением. В Словении, Северной Македонии, Черногории, Боснии и Герцеговине основные югославские праздники, посвященные датам антифашистских восстаний и Дню Победы, были сохранены, хотя и с некоторыми идеологическими изменениями.

Подобная приверженность к сохранению югославской интерпретации событий ВМВ обусловлена отсутствием в истории этих стран массовых национальных движений, которые могли бы побороться с символическим значением и влиянием, которое было у коммунистов. В этих условиях оказалось более целесообразным видоизменить праздники и согласиться с югославской интерпретацией ВМВ, а не придумывать новые смыслы с нуля.

Иначе обстояла ситуация в Хорватии и Сербии, где присутствие в истории обеих стран крупных антикоммунистических движений привело к попыткам их реванша на символическом поле после распада Югославии. Хорватия и Сербия пошли на зеркальные шаги в стремлении «отбелить» историю усташей и четников соответственно, которые представлялись борцами за национальную независимость, вынужденно пошедшими на сотрудничество с нацистами и фашистами.

Однако, если Хорватия в начале 2000-х гг. прекратила «заигрывать» с националистическим наследием усташей, публично осудив их преступления, то значительная часть сербской элиты до сих пор не готова избавиться от сантиментов в отношении четников. При этом наиболее одиозные главы четнической истории, такие как участие в этнических чистках или сотрудничество с нацистами, «заматаются под ковер» исторической памяти. Неоднозначность трактовок событий ВМВ толкает политические элиты Сербии искать менее конфликтные памятные даты, как, например, события Первой мировой войны. Однако это скорее связано с политическим курсом Сербии на интеграцию с Западом, а не чувством «исторического раскаяния».

Таким образом, можно констатировать, что югославская политика памяти в отношении ВМВ, а также ее символические и ценностные аспекты оказались достаточно устойчивым конструктом, который на современном этапе служит одним из важных инструментов национально-государственного строительства на постъюгославском пространстве.

Поступила в редакцию / Received: 10.08.2021

Принята к публикации / Accepted: 15.08.2021

Библиографический список

- Андерсен Б.* Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма / пер. с англ. В. Николаева; вступ. ст. С.П. Баньковской. М.: Кучково поле, 2016.
- Джонсон Дж., Малинова О.Ю.* Символическая политика как предмет political science и Russian studies: исследования политического использования прошлого в постсоветской России // Политическая наука. 2020. № 2. С. 15–41. DOI: <http://www.doi.org/10.31249/poln/2020.02.01>

- Ефременко Д.В. Историческая память и наднациональная идентичность. Случай Европейского союза // Методологические вопросы изучения политики памяти: сб. научн. тр. / отв. ред. А.И. Миллер, Д.В. Ефременко. М.; СПб.: Нестор История, 2018. С. 110–126.
- Ефременко Д. В., Мелешкина Е. Ю. Югославский метанарратив и современная югоностальгия в странах Западных Балкан // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС. 2020. Т. 16. № 1. С. 78–100. DOI: 10.21638/spbu23.2020.105
- Ефремова В.Н. Государственные праздники как идеологическая конструкция // Политическая наука. 2013. № 4. С. 227–236.
- Малинова О.Ю. Политика памяти как область символической политики: методологические вопросы изучения политики памяти: сб. научн. тр. / отв. ред. А.И. Миллер, Д.В. Ефременко. М.; СПб.: Нестор История, 2018.
- Мелешкина Е.Ю. Память о социалистической Югославии в публичном пространстве бывших республик СФРЮ // Политическая наука. 2018. № 3. С. 265–289. DOI: 10.31249/poln/2018.03.11
- Мелешкина Е.Ю., Помигуев И.А. Идеи национализма и югославизма в политическом дискурсе Сербии // Русин. 2019. № 58. С. 306–321.
- Миллер А.И. Политика памяти в посткоммунистической Европе и ее воздействие на европейскую культуру памяти // Политика. 2016. № 1 (80). С. 111–121.
- Понамарева А.М. «Неудобное прошлое» Второй мировой войны в исторической политике Республики Хорватия // Вестник Московского университета. Серия 25: Международные отношения и мировая политика. 2019. Т. 11. № 4. С. 39–67.
- Сафронова Ю.А. Третья волна memory studies: Двадцать три года против шерсти // Политическая наука. 2018. № 3. С. 12–31. DOI: 10.31249/poln/2018.03.01
- Хальбвакс М. Коллективная и историческая память // Неприкосновенный запас. 2005. № 2–3 (40–41). URL: <https://magazines.gorky.media/nz/2005/2/kollektivnaya-i-istoricheskaya-pamyat.html> (дата обращения: 01.12.2020).
- Cvijic S. Swinging the Pendulum: World War II History, Politics, National Identity and Difficulties of Reconciliation in Croatia and Serbia // Nationalities Papers. 2008. Vol. 36. Is. 4. P. 713–740. DOI: 10.1080/00905990802230563
- De Lue S.M. The enlightenment, public memory, liberalism, and the post-communist world // East European politics and societies. 2006. Vol. 20, No. 3. P. 395–418. DOI: <https://doi.org/10.1177/0888325405275985>
- Djokic D. Coming to Terms with the Past: Former Yugoslavia // History Today. 2004. Vol. 54. Is. 6. P. 17–19.
- Djokić D. The Second World War II: Discourses of reconciliation in Serbia and Croatia in the late 1980s and early 1990s // Journal of Southern Europe and the Balkans. 2002. Vol. 4. Is. 2. P. 127–140. DOI: 10.1080/1461319022000021585
- Duraskovic S. National identity-building and the “Ustasa-nostalga” in Croatia: the past that will not pass // Nationalities Papers. 2016. Vol. 44, No. 5. P. 772–788. DOI: 10.1080/00905992.2016.1171301
- Erlil A. Travelling Memory // Parallax. 2011. Vol. 17, No. 4. P. 4–18. DOI: 10.1080/13534645.2011.605570
- Hoare M.A. Genocide and Resistance in Hitler’s Bosnia: The Partisans and the Chetniks 1941–1943. New York: Oxford University Press, 2006.
- Hofman A. “We are the Partisans of Our Time”: Antifascism and Post-Yugoslav Singing Memory Activism // Popular Music and Society. 2021. Vol. 44, No. 2. P. 157–174. DOI: 10.1080/03007766.2020.1820782
- Jović D. ‘Official memories’ in post-authoritarianism: An analytical framework // Journal of Southern Europe and the Balkans. 2004. Vol. 6, No. 2. P. 97–108. DOI: 10.1080/1461319042000242001
- Jović D. Yugoslavia: A State That Withered Away. West Lafayette: Purdue University Press, 2009.
- Koren S. Minorities in Croatian History and Geography Textbooks // International Textbook Research. 2001. Vol. 23, No. 2. P. 183–99.

- Milošević A., Touquet H. Unintended consequences: the EU memory framework and the politics of memory in Serbia and Croatia // *Southeast European and Black Sea Studies*. 2018. Vol. 18. Is. 3. P. 381–399. DOI: 10.1080/14683857.2018.1489614
- Ramet S. *Central and Southeast European Politics since 1989*. Cambridge: Cambridge University Press, 2010.
- Subotić J. *Yellow Star, Red Star: Holocaust Remembrance after Communism*. New-York: Cornell University Press, 2019.

References

- Andersen, B. (2016). *Imagined Communities. Reflections on the Origin and Spread of Nationalism*. Moscow: Kuchkovo pole. (In Russian).
- Cvijic, S. (2008). Swinging the Pendulum: World War II History, Politics, National Identity and Difficulties of Reconciliation in Croatia and Serbia. *Nationalities Papers*, 36(4), 713–740. DOI: 10.1080/00905990802230563
- De Lue, S.M. (2006). The enlightenment, public memory, liberalism, and the post-communist world. *East European politics and societies*, 20(3), 395–418. DOI: <https://doi.org/10.1177/0888325405275985>
- Djokić, D. (2002). The Second World War II: Discourses of reconciliation in Serbia and Croatia in the late 1980s and early 1990s. *Journal of Southern Europe and the Balkans*, 4(2), 127–140. DOI: 10.1080/1461319022000021585
- Djokic, D. (2004). Coming to Terms with the Past: Former Yugoslavia. *History Today*, 54(6), 17–19.
- Duraskovic, S. (2016). National identity-building and the “Ustasa-nostalga” in Croatia: the past that will not pass. *Nationalities Papers*, 44(5), 772–788. DOI: 10.1080/00905992.2016.1171301
- Efremenko, D.V. (2018). Historical memory and supranational identity. European Union case. In A.I. Miller & D.V. Efremenko (Eds.), *Methodological issues of studying the politics of memory: sat. scientific. tr*. Moscow, Saint Petersburg: Nestor Istorija. (In Russian).
- Efremenko, D.V., & Meleshkina, E.Yu. (2020). Yugoslav Metanarrative and Contemporary Yugonostalgia in Western Balkan Countries. *Political Expertise: POLITEX*, 16(1), 78–100. DOI: 10.21638/spbu23.2020.105 (In Russian).
- Efremova, V.N. (2013). Public holidays as ideological construction. *Political science (RU)*, 4, 227–236. (In Russian).
- Erl, A. (2011). Travelling Memory. *Parallax*, 17(4), 4–18. DOI:10.1080/13534645.2011.605570
- Hoare, M.A. (2006). *Genocide and Resistance in Hitler's Bosnia: The Partisans and the Chetniks 1941–1943*. New York: Oxford University Press.
- Hofman, A. (2021). “We are the Partisans of Our Time”: Antifascism and Post-Yugoslav Singing Memory Activism. *Popular Music and Society*, 44(2), 157–174. DOI: 10.1080/03007766.2020.1820782
- Johnson, J., & Malinova, O.Yu. (2020). Symbolic politics as a matter of political science and Russian studies: Studies of political uses of the past in post-Soviet Russia. *Political science (RU)*, 2, 15–41. DOI: <http://www.doi.org/10.31249/poln/2020.02.01> (In Russian).
- Jović, D. (2004). ‘Official memories’ in post-authoritarianism: An analytical framework. *Journal of Southern Europe and the Balkans*, 6(2), 97–108. DOI:10.1080/1461319042000242001
- Jović, D. (2009). *Yugoslavia: A State That Withered Away*. West Lafayette: Purdue University Press.
- Khal'bvaks, M. (2005). Collective and historical memory. *Emergency ration*, (2–3). Retrieved December 01, 2020, from <https://magazines.gorky.media/nz/2005/2/kollektivnaya-i-istoricheskaya-pamyat.html> (In Russian).
- Koren, S. (2001). Minorities in Croatian History and Geography Textbooks. *International Textbook Research*, 23(2), 183–99.
- Malinova, O.Ju. (2018). The politics of memory as an area of symbolic politic. In A.I. Miller & D.V. Efremenko (Eds.), *Methodological issues of studying the politics of memory: sat. scientific. tr*. Moscow; Saint Petersburg: Nestor Istorija. (In Russian).
- Meleshkina, E.Yu. (2018). Memory of socialist Yugoslavia in public sphere of the former SFRY republics. *Political science (RU)*, (3), 265–289. DOI: 10.31249/poln/2018.03.11 (In Russian).

- Meleshkina, E.Yu., & Pomiguyev, I.A. (2019). The ideas of nationalism and yugoslavism in Serbian political discourse. *Rusin*, (58), 306–321. (In Russian).
- Miller, A.I. (2016). The politics of memory in post-communist Europe and its impact on the European culture of memory, *Politia*, (1), 111–121. (In Russian).
- Milošević, A., & Touquet, H. (2018). Unintended consequences: the EU memory framework and the politics of memory in Serbia and Croatia. *Southeast European and Black Sea Studie*, 18(3), 381–399. DOI: 10.1080/14683857.2018.1489614
- Ponamareva, A.M. (2019). An inconvenient past of World War II in the historical policy of the republic of Croatia. *Moscow University bulletin of world politics*, 11(4), 39–67. (In Russian).
- Ramet, S. (2010). *Central and Southeast European Politics since 1989*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Safronova, Ju.A. (2018). The third wave of memory studies: Going against the grain for twenty-three years. *Political science (RU)*, (3), 12–31. DOI: 10.31249/poln/2018.03.01 (In Russian).
- Subotić, J. (2019). *Yellow Star, Red Star: Holocaust Remembrance after Communism*. New York: Cornell University Press.

Сведения об авторах:

Помигуев Илья Александрович – кандидат политических наук, доцент Департамента политики и управления факультета социальных наук Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» НИУ ВШЭ; научный сотрудник Отдела политической науки ИНИОН РАН; доцент Департамента политологии факультета социальных наук и массовых коммуникаций Финансового университета при Правительстве РФ (Москва, Россия) (e-mail: pomilya@mail.ru) (ORCID ID: 0000-0003-3068-5664)

Салахетдинов Эльдар Рустамович – кандидат исторических наук, научный сотрудник Центра социологических и политологических исследований Института Африки РАН (Москва, Россия); постдокторант Университета Южной Африки (Претория, Южно-Африканская Республика) (e-mail: e.salakhedinov@gmail.com) (ORCID ID: 0000-0002-3124-8928)

About the authors:

Ilya A. Pomiguyev – PhD in Political Sciences, Associate Professor at the School of Politics and Governance, Faculty of Social Sciences, HSE University; Research Fellow at the Institute of information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences; Associate Professor at the Department of Political Science, Faculty of Social Sciences and Mass Communication, Financial University under the Government of the Russian Federation (Moscow, Russia) (e-mail: pomilya@mail.ru) (ORCID ID: 0000-0003-3068-5664)

Eldar R. Salakhedinov – PhD in History, Research Fellow at the Institute for African Studies of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia); Postdoctoral Research Fellow at the University of South Africa (Unisa) (Pretoria, South Africa) (e-mail: e.salakhedinov@gmail.com) (ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-3124-8928>)

DOI: 10.22363/2313-1438-2021-23-4-675-691

Research article / Научная статья

The Role of Civic Identity in the Evolution of Relations Between Serbian and Croatian Civil Societies

A. Djokic¹, G. Pichelin^{1,2}

¹Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University), Moscow, Russian Federation

²Sciences Po Bordeaux, Bordeaux France

Abstract. For decades, Croats and Serbs lived together in a common political construction: Yugoslavia. It is difficult to date the appearance of animosity between Croats and Serbs. Nevertheless, two events proved particularly traumatic for their relations. The Second World War, when the Ustasha led a genocide against the Serbs, and the 1991–1995 war, when the two sides fought a merciless civil war. This article examines the evolution of relations between Serbian and Croatian civil societies from the beginning of the Yugoslavian project to 2021 and how the rise of civic identity in the future might help the process of reconciliation. The main hypothesis of the article is that the failure to construct a viable Yugoslavian civic identity in the past is the cause of ethnic tensions during the 90s. The article entails both qualitative and quantitative methods through which the authors offer explanations about the failure to construct a common Yugoslavian civic identity, how this failure impacted the relations between Serbian and Croatian civil societies, and, finally, what are the prospects of reconciliation and constructing civic identities in the newly formed countries of Serbia and Croatia. Today, relations between the two civil societies remain tense. Serbs in Croatia and Croats in Serbia are subject to unsystematic discrimination, which hinders exchanges between the two countries. This study shows that Serbian and Croatian citizens under 35 years of age, mainly agree that tensions exist. Nevertheless, two-thirds of those questioned in Serbia and three-quarters of those questioned in Croatia believe that reconciliation is possible. This reconciliation becomes even more realistic since an overwhelming majority in both groups want reconciliation.

Keywords: Ethnic conflict, civic identity, reconciliation, Serbia, Croatia, Balkans

For citation: Djokic, A., & Pichelin, G. (2021). The role of civic identity in the evolution of relations between Serbian and Croatian civil societies. *RUDN Journal of Political Science*, 23(4), 675–691. DOI: 10.22363/2313-1438-2021-23-4-675-691

Acknowledgements: The reported study was funded by RFBR and SC RA, project 20-511-05025 “The development of civic identity in the post-Soviet space: trends, challenges, risks (on the example of Russia and Armenia)”.

© Djokic A., Pichelin G., 2021

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

Роль гражданской идентичности в развитии отношений между сербским и хорватским гражданскими обществами

А. Джокич¹, Г. Пишлен^{1, 2}

¹Российский университет дружбы народов, Москва, Российская Федерация

²Институт политических исследований Сьянс По Бордо, Бордо, Франция

Аннотация. На протяжении десятилетий хорваты и сербы жили в общей политической конструкции – Югославии. Трудно датировать появление напряженности между этими народами. Тем не менее два события оказались особенно травматичными для их отношений: Вторая мировая война, когда Усташи устроили геноцид против сербов, и вооруженный конфликт 1991–1995 годов, когда обе стороны вели беспощадную войну. В статье исследуется эволюция отношений между сербским и хорватским гражданскими обществами с начала реализации югославского проекта до 2021 года и то, каким способом построение гражданской идентичности может помочь процессу примирения. Главная гипотеза исследования – неуспех в построении жизнеспособной югославской гражданской идентичности в прошлом является причиной межэтнической напряженности в 1990-е годы. Используются как качественные, так и количественные методы, с помощью которых авторы предлагают варианты объяснения неспособности построить общую югославскую гражданскую идентичность, а также того, как эта неудача повлияла на отношения между сербским и хорватским гражданскими обществами и, наконец, каковы перспективы примирения и построения гражданской идентичности в новообразованных странах Сербии и Хорватии. Сегодня отношения между двумя гражданскими обществами остаются напряженными. Сербь в Хорватии и хорваты в Сербии подвергаются бессистемной дискриминации, что затрудняет обмена между двумя странами. Это исследование показывает, что граждане Сербии и Хорватии в возрасте до 35 лет в основном согласны с существованием напряженности. Тем не менее две трети опрошенных в Сербии и три четверти опрошенных в Хорватии считают, что примирение возможно. Данное примирение становится еще более реалистичным, поскольку подавляющее большинство респондентов в обеих группах желает примирения.

Ключевые слова: этнический конфликт, гражданская идентичность, примирение, Сербия, Хорватия, Балканы

Для цитирования: *Djokic A., Pichelin G.* The role of civic identity in the evolution of relations between Serbian and Croatian civil societies // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2021. Т. 23. № 4. С. 675–691. DOI: 10.22363/2313-1438-2021-23-4-675-691

Благодарности: Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ и КН РА в рамках научного проекта № 20-511-05025 – арм_а «Развитие гражданской идентичности на постсоветском пространстве: тенденции, вызовы, риски (на примере России и Армении)».

Introduction

After the Holocaust, Europe thought that it would never witness such atrocities again. Nevertheless, people in Yugoslavia were discriminated against due to their nationalities in the late 80's. Concentration camps reappeared and thousands of mass graves were dug. The year 1991 marked a division between the Croats and the Serbs. These two peoples, although different, geographically nested for centuries,

shared the Serbo-Croatian language and common ethnic roots which were a symbol of their unification. The failure of the communist political project gave way to nationalist rhetoric from all sides. This led to the belief that the two peoples' differences had become too great to overcome. Therefore, the existence of a common political project could only lead to failure. The construction of a viable Yugoslavian civic identity failed to form during the communist regime which ruled Yugoslavia from 1945–1992 mainly because of the lack of a free and democratic political institutions and civil society. The Croats, who were Catholics and mainly spoke the Iekavian dialect of Serbo-Croatian, opposed the Serbs, who were Orthodox and mainly spoke the Ekavian dialect of Serbo-Croatian. The hope for the common political project ended when the Croats decided to declare their independence. Milosevic, then President of Serbia, presented himself as a defender of the Serbs of Croatia, who feared for their security. The once Yugoslav oriented state-media in Zagreb and Belgrade started to spread nationalist rhetoric which fueled distrust and hatred between Croats and Serbs. Fighting broke out between the two peoples. The Yugoslav army, mainly composed of Serbs, took sides with the Serbs, who wanted to remain in Yugoslavia. Old grudges resurfaced and nationalist militias emerged on both sides. The Croats were referred to by the Serbs as Ustasha, which was the fascist movement that actively collaborated with Hitler. In response, the Serbs were dubbed Chetniks, the Serbian nationalist forces during World War II.

Today the two sides disagree on the nature of the conflict. The Serbs refer to it as a civil war, while the Croats call it an international war. Surely, it is an inter-ethnic conflict. It can be defined as a localized conflict within a country between groups that “force the choice of those they consider to be its members” [Hobsbawm 1993]. A polarization is exercised so that group members are forced “to consider all members of all other groups as traitors or enemies” [Hobsbawm 1993]. As a consequence, they then perceive their own group as the only protection against threats.

After studying the tumultuous past, in order to understand the relations between the Croats and the Serbs, it will be appropriate to look at the results of a field survey conducted in both civil societies. The definition of civil society formulated by Jean Cohen and Andrew Arato, includes “families, informal groups, and voluntary associations whose plurality and autonomy allow for a certain variety of life forms” [Pirotte 2018]. This definition has the advantage of not giving too much importance to the State without putting it aside either. As Habermas explains, it will then come to “institutionalize the discussions (emanating from civil societies) that propose to resolve the problems that arise concerning subjects of general interest” [Pirotte 2018]. This object of study was prioritized over inter-state relations which do not always reflect the reality of the quality of exchanges between two peoples.

On the definition of civic identity – it involves formation and negotiation of personal and group identities as they relate to presence, role, and participation in

public life. Civic identity is a particularly important factor in civic engagement and participation in democratic deliberation [Jackson, Hogg 2010]. Civic identity is approached in this paper as a general identity through which the citizens of certain political structures (such as the state) consider themselves to be citizens of a certain nation, rather than putting their ethnic or religious identity at the forefront. The main premise of the article is that ethnic tensions were allowed to spread because of the failure to construct a shared Yugoslavian civic identity which ultimately led to a bloody breakup of the state and civil war. To this day the newly formed Western Balkan states that emerged from the ashes of Yugoslavia position themselves as nation-states and are thus unable to construct any viable form of civic identity. Nevertheless, as our field research goes to show, the younger generations of both Croats and Serbs aspire to reconciliation and peaceful coexistence between these two nations and ethnic groups.

History of Serbo-Croatian tensions

Between the 14th and 17th century the Ottoman expansion in the Balkans pushed many Serbs to cohabit with Croats. This cohabitation occurred in a buffer zone named “the military confines”. This zone lasted until 1878, the same year Serbia gained independence. During this period, although the two peoples lived together, they assimilated very little [Garde 1999]. During the 19th century, Croats and Serbs started to realize that they weren’t very different and considered the potential option of living under the same state. The Illyrian movement, quickly renamed Yugoslav, emerged. The main idea is that Croats and Serbs would mutually benefit from a common political construction. The Croats would be able to extricate themselves from the Austrian yoke and the Serbs would become part of a more powerful state, more capable of resisting its neighbors.

The supporters of the movement in both countries then operated a cultural rapprochement in particular thanks to linguistic reforms [Garde 1999]. In 1918, Croatia lost the First World War to the victorious Serbia which had suffered many losses. The two states decided to concretize this Yugoslav project and unite in the “Kingdom of Serbs, Croats and Slovenes” under the monarchy of the Serbian king Karageorgevich. Very quickly, the Croats considered themselves disadvantaged by the new political construction. They demanded more decentralization in form of federalization. The Serbian political elite opposed this because it wanted to create a united Yugoslav civic identity, which could only be achieved by forming a unitary state. They legitimized the concentration of political power in Belgrade through appealing to numerous Serbian sacrifices during the First World War, which left a deep mark on their memories. Many dissenting voices were raised. Violent Albanian and Bulgarian independence movements were harshly repressed. The Communist Party was banned. The Croatian democrat and pacifist Stjepan Radic was shot dead by a member of the Serbian Radical People’s Party in the middle of parliament on 20th of June 1928. This murder provoked a shocked the Croatian population and aggravated tensions between the Croats and the Serbian leaders. At

this moment, the government retained power by using repression and corruption. In 1934, King Alexander Karageorgevich was assassinated as the result of a conspiracy between Croatian fascists (the Ustasha) and Bulgarian terrorists.

The regency was taken over by Prince Paul who had too little time to change the course of his predecessor, although the Croatian Banovina was formed prior to the outbreak of the war, which meant that Yugoslavia was set on the course of federalization and the construction of Yugoslavian civic identity was left behind in favor of ethnic identities [Garde 1999]. The Second World War was the first extensive trauma that deeply deteriorated relations between Serbs and Croats. The Kingdom of Yugoslavia was quickly defeated by the Germans. While Serbia saw the establishment of a government by collaboration of circumstance, the Independent State of Croatia was proclaimed by the Ustasha. It was led by Ante Pavelic who fully committed to collaboration with the Germans. At this moment, many Croats perceived the Germans as liberators of the Serbian yoke. Similar to other Nazi-occupied countries, a policy of discrimination against Jews and Gypsies was implemented. Nevertheless, the Ustasha decided to persecute the Serbs as well. The Cyrillic alphabet was banned and Serbs were no longer allowed in the army, to be politically involved or have certain professions. Numerous massacres were perpetrated by Ustasha units which rounded up hundreds of Serbian villages and executed the inhabitants after subjecting them to all sorts of humiliations and torture. Death camps were set up, such as the one in Jasenovac, even before the Nazi “final solution” appeared [Garde 1999].

Two groups of resistance fighters emerged, the Chetniks formally led by colonel, and later general, Dragoljub Mihailovic and the Partisans led by Josip Broz alias Tito. The Chetniks were actually a decentralized movement, at the top a Yugoslav nationalist group that actually supported the idea of a Yugoslav civic identity, and at the bottom mostly a Serbian nationalist movement. While the top brass of the Chetniks did not approve of violence against the Croatian and Bosniak population, the bottom ranks that mostly operated independently responded to the massacres orchestrated by the Ustasha on Serbs with other massacres on Croatian and Bosniak populations. The Partisans, who were a multi-ethnic communist group, opposed both the Ustasha and Chetniks, but they were organized along class divisions and did not aspire to democratic political values. As Mihailovic gained Western support, the Chetniks were no longer actively fighting the Germans but only the Partisans. In 1944, when the British understood this, they stopped supporting the Chetniks and assisted Tito, who had about 300,000 fighters in his ranks. At the end of the war Tito’s fighters forced the prisoners (who had originally surrendered to the British in Bleiburg) to go on a long death march through all of Yugoslavia. According to Tito’s former lieutenant, Djilas, between 20,000 and 30,000 people died. The burden of the war was very heavy in the Balkans. The Jews were almost entirely exterminated and the conservative estimate of Serb victims counted approximately 315,000 dead (civilians and combatants) on the territory of the Independent State of Croatia [Kocovic 1985].

Tito's Partisans came to power in 1945 and revolutionized Yugoslavia. The increase in tensions between Serbs and non-Serbs was blamed on the political failure of the interwar period [Wachtel, Bennett 2009]. The old power was also accused of having tried to "Serbianize" the country [Wachtel, Bennett 2009]. The new Yugoslavia was organized as a federal state led by the Communist Party. It recognized six nations (Serbs, Croats, Slovenes, Macedonians, Montenegrins, and in 1968, Muslims) in six republics (Croatia, Slovenia, Montenegro, Macedonia, Bosnia-Herzegovina, Serbia). Nevertheless, the construction of a Yugoslav civic identity was a failure. At each political crisis, instead of uniting in difficulty to overcome their problems, citizens divided and withdrew into their respective ethnic communities [Wachtel, Bennett 2009]. Andrew Wachtel and Christopher Bennett explain this withdrawal by the nature of the social contract that bound citizens to the state: the state was constituted more on the basis of a people-state relationship than an individual-state one, which explains the failure to construct a civic identity through the lack of democratic political institutions. "In this context, personal and cultural realization was conceived as possible only within a national envelope. To be sure, the envelopes were more numerous than before, but the country was still oriented toward communitarian rather than individual values." Gradually, the federal structures of Yugoslavia weakened in favor of the ethnic republics, which began to behave as independent entities. In 1967, Croatia experienced the beginning of a nationalist cultural movement, the "Croatian Spring". In 1970, a conference of the movement was held and it was decided that it was necessary to reduce the number of Serbian authors in order to give a bigger place to Croatian national writers. The movement was repressed by the communist federal authorities in 1971 with the arrest of many intellectuals. This repression was perceived by the Croats as unjust and contributed to "delegitimize the Partisan legacy on which the postwar Yugoslav state was based" [Wachtel, Bennett 2009].

The death of Tito in 1980 aggravated the political and economic difficulties that Yugoslavia was already facing. The failure of the Yugoslav civic identity and state project is also characterized in the 1981 census, since only 5.4% of the population chose to define themselves as Yugoslavs. Nevertheless, it should be noted that this figure was increasing. Since, only 273,000 people (3.1%) declared themselves Yugoslavs in the 1971 census [Garde 1999]. The Communist Party faced a new challenge: to maintain popular support for the Yugoslav project at a time when the desire for a democratic society was emerging. To obtain this support, the younger communist leaders in the ethnic republics therefore turned to nationalism [Mujanovic 2018]. A Serbian nationalist discourse then developed around sacrifice and heroism, with some accounts going as far as the battle of Kosovo in 1389 [Ramet 2007]. Some Serbs then put forward the sacrifices they made during the Second World War and claimed that they had a disadvantaged position in Tito's Yugoslavia. They also accused the Croats of having orchestrated the massacre of hundreds of thousands of Serbs during the collaboration with the Nazis. On the other hand, some Croats considered the "colonization" of the Krajina

(by the Serbs) as illegitimate even though it dated back to the time of the military confines I the 17th century. They also downplayed, or even denied, the sacrifices that the Serbian people had made in earlier periods, and blamed the Serbs for having used the Kingdom of Yugoslavia to satisfy their hegemonic ambitions in the region. They minimized their collaboration with the Nazis and in response, pointed to the atrocities committed by the Chetniks.

Thus, each side criticized the previous exactions of the others. It should be noted that at this time the Serbs were the majority in the country since they constituted 36% of the population while the Croats were only the second nation in terms of population with 19.7% according to the census of 1981 [Garde 1999]. While Tito, often by force, silenced nationalist and particularist movements – Milosevic, then head of the Belgrade section of the Communist Party in 1984, encouraged them. First of all, he used the situation of the Serbs in Kosovo to arouse popular enthusiasm. This allowed him to condition the masses and to impose profound transformations on Serbia and several other federal entities. After having purged the Serbian Communist League [Wachtel, Bennett 2009] and getting a grip on the media [Stokes 2009], he became the President of the Central Committee of the League of Communists of Serbia. The 14th Congress of the Yugoslav Communist League held January 20–22 1990. This was a crucial step in the fall of Yugoslavia as Milosevic's actions were oriented towards the restoration of a centralized Yugoslavia, which other ethnicities were not willing to accept no matter what. It is worth noting that Milosevic had aspirations to retain Yugoslavia as a state, but he did not have any intentions of developing democratic institutions, which meant that the project of the Yugoslav civic identity was not a part of his agenda.

Slobodan Milosevic arrived with confidence at the Congress since he already controlled four of the eight administrative entities of the republics. He only needed to convince one republic to impose his policies on the others. Slovenia and Croatia continued to strongly oppose his policy. Both countries no longer wished to contribute to the development of the southern Yugoslavian republics and claimed a certain autonomy in order to benefit from their national income, they also, at this point, didn't even try to hide their separatist aspirations. On the other side, Milosevic and his numerous supporters maintained the need to recentralize Yugoslavia for its proper functioning. The parties were unable to reach an agreement at the Congress. Croatia and Slovenia left the Congress prematurely¹.

Parliamentary elections in May 1990 in Croatia brought the Croatian nationalist party Hrvatska Demokratska Zajednica (HDZ) to power as a result of rising inter-ethnic tensions and distrust of Yugoslav institutions. The few parliamentarians elected from the Srpska demokratska stranka movement were soon after threatened physically and verbally during a session of Parliament in Zagreb. The Croats criticized, among other things, an overrepresentation of Serbs and Montenegrins in the police & army and more generally in the institutions. Shortly afterwards, Franjo Tudjman of the HDZ was elected President of the Yugoslav Republic of Croatia.

¹ BBC, Yougoslavie “Suicide d’une nation européenne”, first episod, 1995, published on the 25.04.2013. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=I1oZc9oLNFc> (accessed: 20.09.2021).

Croats feared that a “state for all Serbs” would be created, a project promoted by some politicians such as Vojislav Seselj of the Serbian Radical Party. As a result, many Serbs were fired, especially in security-related jobs. The latter were represented in large numbers compared to the Croats since they constituted 57,1% of the Yugoslav officers whereas they were only 36,3% in Yugoslavia [Bjelajac, Žunec 2009]. The Serbs in Croatia reacted by feeling threatened by what they saw as a resurgence of an anti-Serb government – which they did not hesitate to compare to the fascist Ustasha regime of World War II [Stokes 2009]. As Gale Stokes explains, “At least some members of almost every ethnic group in the former Yugoslavia suddenly became frightened that they would be permanently relegated to the status of minority, outvoted in elections, pushed out of jobs, and otherwise discriminated against” [Stokes 2009]. It was in this context that the Serbs of Krajina seceded on April 1, 1991. Fighting quickly broke out between Croatian forces and Serbian paramilitaries.

The Jugoslovenska narodna armija (JNA) intervened several times in favour of the Serbs. On June 25, 1991, Croatia and Slovenia both declared their independence. A short war of a few days broke out in Slovenia. As Milosevic was ready to let this republic leave Yugoslavia, the conflict ended quickly. Meanwhile, the conflict in Croatia escalated. Joint JNA operations with Serbian paramilitary forces were conducted in Slavonia, Dalmatia and central Croatia. The city of Vukovar, inhabited both by Serbs and Croats became a central focus of the civil war and fell on 19 November 1991. One of the first atrocities of the conflict was committed that day when the 260 people in the hospital, mainly wounded and medical personnel, were executed in a field by Serbian paramilitaries with the complicity of the JNA².

At the beginning of the war, the Croatian forces were at a serious disadvantage, they were under-equipped, poorly structured and poorly coordinated in the face of the Serbian militias and the JNA³. For Croatia, the Serbian offensive resulted in the gradual loss of a third of its one hundred and fifteen municipalities [Garde 1999]. After the military operation in Slavonia, the paramilitary forces and the JNA began the expulsion of non-Serbs from the conquered areas. At the same time, the Croat side also engaged in ethnic cleansing of its territory from the Serbs. International observers begin to raise the notion of ethnic cleansing, which the UN defines as practices aimed at “making an area ethnically homogeneous by using force or intimidation to displace a particular ethnic or religious group from an identified area”⁴. On December 23, 1991, Germany and France recognized Croatia’s independence against the advice of the Badinter Commission. Two weeks later, a

² Central Intelligence Agency, *Balkan Battlegrounds: A Military History of the Yugoslav Conflict, 1990–1995*. Washington: CIA Office of Public Affairs. 2002. URL: <https://www.loc.gov/item/2010588135/> (accessed: 20.09.2021).

³ Ibid.

⁴ United Nations Security Council, *Final Report of the United Nations Commission of Experts Established Pursuant to SCR 780 (1992), S/1994/674, 27 May 1994; Annex IV: The Policy of Ethnic Cleansing, S/1994/674/Add. 2 (Vol. I), 28 December 1994*. URL: https://www.icty.org/x/file/About/OTP/un_commission_of_experts_report1994_en.pdf (accessed: 20.09.2021).

cease-fire agreement was signed under American pressure. The Vance Plan, which provided for the dispatch of 14,000 UN peacekeepers, was put in place in February. The soldiers of the United Nations Protection Force (UNPROFOR) were then deployed in Croatia in the Serb majority regions [Calic 2009].

In the meantime, the conflict had spread to Bosnia, where the distribution of Bosniaks, Croats and Serbs was very scattered. As the war progressed, the Croats allied themselves with the Bosniaks in order to support an independent Bosnian state “which they considered the best guarantee for the survival of their communities” [Tanner 2001]. The Serbs also refused to be a minority in Bosnia. They seized many towns including the outskirts of Sarajevo, which was to undergo a 43-month blockade while most of the Serb inhabitants of the city were expelled. On 7 April 1992, the Republika Srpska (RS) officially declared its independence. From 1992 to 1994, fighting continued in Bosnia and Croatia. It was not until December 1994 that a real turnaround in the war occurred. Operation Flash allowed the Croats to reconquer the whole of Slavonia and to inflict a major defeat in less than a week. As a result, Serbian forces were demoralized and the ensuing fighting turned against them. On August 2, 1995, Croatian forces recovered the entire Krajina during Operation Storm. During these offensives, numerous acts of violence were committed against civilian Serb population in retaliation for what the Croats considered retribution for the crimes they had previously suffered. Most Serbs from Croatia preferred to flee the country for fear of persecution [Tanner 2001].

The war ended on December 14, 1995 with the signing of the Dayton Agreement. Croatia recovered its entire territory while Bosnia was divided into two entities, on one side the Muslim-Croat Federation and on the other the Republika Srpska. In Croatia, the conflict cost the lives of 15,000 Croats and 7,000 Serbs, including 400 civilians on both sides [Mitrović 2003]. In total, the Hague tribunal estimated the number of refugees to be around 150–200,000. The Croatian Helsinki Committee for Human Rights estimated that 22,000 houses were burned [Calic 2009]. After the war, although political agreements were signed for the reintegration of Serbs, especially in Slavonia, the role of Serbs in Croatian society was drastically reduced. In Bosnia, where ethnic cleansings were more frequent, the number of deaths was substantial. According to Tokaca’s research which was confirmed by the Demographic Unit of the ICTY about 100.000 people died [Calic 2009]. There were “64,036 Bosniaks, 24,905 Serbs, 7,788 and 478 others or unknown” [Calic 2009]. According to the Human Rights Institute of the University of Chicago, approximately 1,100 cases of rape wererecorded in 162 detention facilities [Mitrović 2003]. The Camp Inmates Association estimated that approximately 200,000 civilians were imprisoned in 650 camps⁵. Among them, 30,000 were killed and 25,000 women were raped. More generally, the Serbo-Croat-Bosnian conflict caused the uprooting of more than 2 million people

⁵ Final Report of the United Nations Commission of Experts, Annex IX: Rape and Sexual Assault, S/1994/674/Add.2 (Vol. V), 28 December 1994, p. 7, para. 4. URL: http://www.law.depaul.edu/institutes_centers/iharli/_downloads/ANNEX_IX.pdf (accessed: 20.09.2021).

according to the United Nations High Commissioner for Refugees. Trials will take place much later targeting Serb, Bosnian and Croat politicians and military officers.

Evaluation of current tensions between young people under 35 years old in Croatia and Serbia

First, the collecting of witnesses confirmed the existence of current tensions. They expressed positive or negative experiences they have been through. Adriane, a French teacher, saw her entire class mocking a pupil, who was talking about her vacation at her grandmother's in Serbia. Miroslav, a 29-year-old French-Serbian, was confronted by two men in Zagreb. They told him that he was "talking like a moron" and that he should not "speak Serbian here". Bruna, a 23-year-old Croatian, explains that she regularly sees videos on social networks of Serbs burning Croatian flags. She also says that there are almost systematic clashes between fans of Croatian and Serbian teams in sports matches. However, it should be noted that such discrimination is not systematic, as Serbian citizens have also had positive experiences. Marko, a 34-year-old Serbian, admitted that he had great encounters in Zadar even though he was afraid of encountering difficulties if he were to speak Serbian. The parents of Lea, a 20-year-old Serbian, were worried about potential discrimination four years ago when they went to Croatia for the first time. Now, they go every summer to the Adriatic coast. It is difficult to quantify the number of "bad experiences" of Serbs in Croatia. It is undeniable that they exist and contribute to spreading the idea that it can be dangerous for a Serb to come to Croatia. Aleksandar, 24-year-old Serbian would like to visit a friend in Croatia but is afraid of being beaten up in the street. Irena, 22 years old, Serbian, is afraid that her car will be vandalized or burned while she dreams of visiting the Croatian beaches. Jelena, a 23 years old Serbian, heard that Serbs are not welcome but still wants to come. Nina, a 22-year-old Serbian, would go to Croatia if "people didn't become unpleasant as soon as you address them in Serbian". All these testimonies show that there are tensions between Serbian and Croatian civil society. It is quite easy to find people of Serbian nationality who had problems in Croatia and much more difficult to find Croats who had problems in Serbia. There are several reasons for this. First of all, Croatia being in the European Union, Croats tend to go to European countries rather than to Serbia. Second, the proportion of Croats in Serbia is lower than the proportion of Serbs in Croatia. There were 57,900 Croats in Serbia in 2011 which represented 0.8% of the population⁶ while there were 186,633 Serbs in Croatia, which represented 4.4% of the population⁷. Since the war took place on Croatian territory and not on Serbian territory, Croats were more impacted by the events than Serbs.

⁶ Archives of the Republic of Serbia. URL: <https://archive.is/20130416163334/http://webrzs.stat.gov.rs/WebSite/Public/ReportResultView.aspx?rptId=1216> (accessed: 20.09.2021).

⁷ Croatian Central Bureau of Statistics. URL: https://www.dzs.hr/Eng/censuses/census2011/results/htm/E01_01_04/e01_01_04_RH.html (accessed: 20.09.2021).

In order to evaluate the quality of current relations between Croats and Serbs, fieldwork was carried out for 5 months in Croatia and 3 months in Serbia. During the fieldwork, a 13-question survey (see Table) was distributed among two groups, one Serbian and one Croatian, consisting of people under the age of 35.

This survey targeted youth. As youth is not an objective period, it is difficult to define. It starts after adolescence, when the individual is growing and developing, and ends with the passage to adulthood defined “by the conquest of a place, professional and social, and the acceptance of the responsibilities that go with it”⁸. In France, the National Institute of Statistics and Economic Studies defines youth as 15–29 years old⁹. However, this delimitation is different in each country. In the Balkans, young people tend to need more time to definitively emancipate themselves from family support. They study and stay with their parents longer than in Western Europe¹⁰.

Table

Questionary

No.	Questions	Answers
1	Are you?	A man / A woman
2	What is your nationality?	Croatian / Serbian
3	How old are you?	– 18 y.o. – 18–25 y.o. – 26–35 y.o. – +36 y.o.
4	What is your socio-professional category?	– Student – High school graduate – University graduate – Unemployed – Retired
5	From what city do you come from?	-----
6	In what city do you live?	-----
7	Do you have Serbian/Croatian roots or Serbian/Croatian family in Serbia/Croatia?	Yes / No
8	Do you agree with this affirmation: “From the 1991–1995 war, tensions still occur between Croats and Serbs”	– Totally agree – Rather agree – Rather disagree – Disagree – Don’t know
9	Do you think reconciliation between Croatia and Serbia is possible?	Yes / No
10	Why?	-----
11	Do you wish for reconciliation between Croatia and Serbia?	Yes / No
12	Why?	-----

Source: made by the authors.

⁸ CREDOC, “Today’s youth: what society for tomorrow?”, Cahier de recherche N°C292, December 2012. URL: <https://www.credoc.fr/publications/les-jeunes-daujourd'hui-quelle-societe-pour-demain> (accessed: 20.09.2021).

⁹ CREDOC, “Today’s youth: what society for tomorrow?”, Cahier de recherche N°C292, December 2012. URL: <https://www.credoc.fr/publications/les-jeunes-daujourd'hui-quelle-societe-pour-demain> (accessed: 20.09.2021).

¹⁰ Ibid.

Therefore, it is possible to match this period to the age range 18–35, used in the field survey.

Youth is a key element of the population as it represents a force for change in society. This 18–35 generation is relevant to study because it will become the part of the working population in society that will be in charge of making decisions in both the public and private sectors in the next 25 years. A total of 104 people under the age of 35 responded to the survey.

In Croatia, the survey shows that there is undeniable tension between Serbs and Croats, with 90.8% of respondents agreeing on this point (Fig. 1).

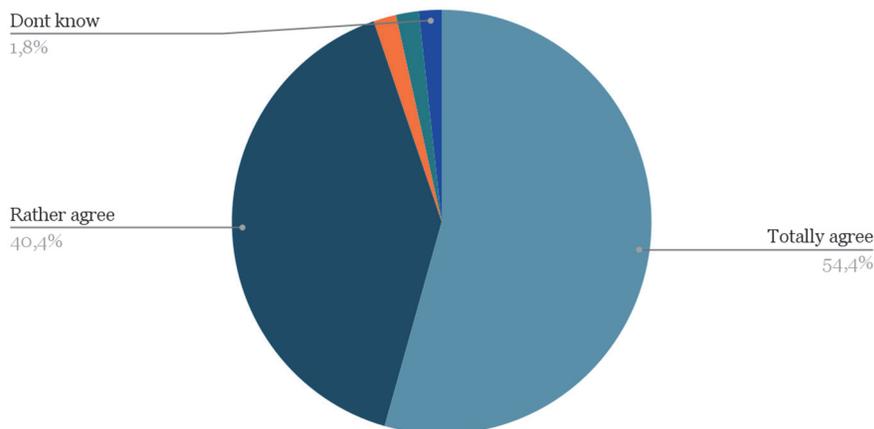

Fig. 1. Croatian answers on Question 8 – Do you agree with the following sentence: “Since the end of the war in 1995, tensions still exist between Serbs and Croats?”
Source: made by the authors.

When asked about the possibility of reconciliation, it appears that all respondents with family in Serbia or with Serbian origins (12%) answered that reconciliation was possible. It should be noted that a quarter (24.6%) of the respondents believe that reconciliation is not possible. The reasons given were mainly the consequences of the war (66.7%) and the presence of interethnic hatred (33.3%). Those who believe that reconciliation is possible mainly cite the need to move on and move forward at 50%. However, 20.9% conditioned their positive response on a need for change (Fig. 2).

The region of origin of the people surveyed also appears to be an important criterion in the choice of response. Indeed, people from regions strongly affected by the war are more likely to suggest that reconciliation is not possible. This is the case for people from Slavonia, where 9 out of 18 people think that reconciliation is not possible. People from regions less affected by the war tend to think that reconciliation is possible. In central Croatia, 18 out of 19 people consider it possible. In contrast, it appears that people from Bosnia are more likely to believe that reconciliation is possible (4 out of 5). It is interesting to note that the vast majority of respondents want reconciliation (94.9%). It should be noted that among the 5.1% who are opposed to it, the majority also come from areas heavily affected by the war.

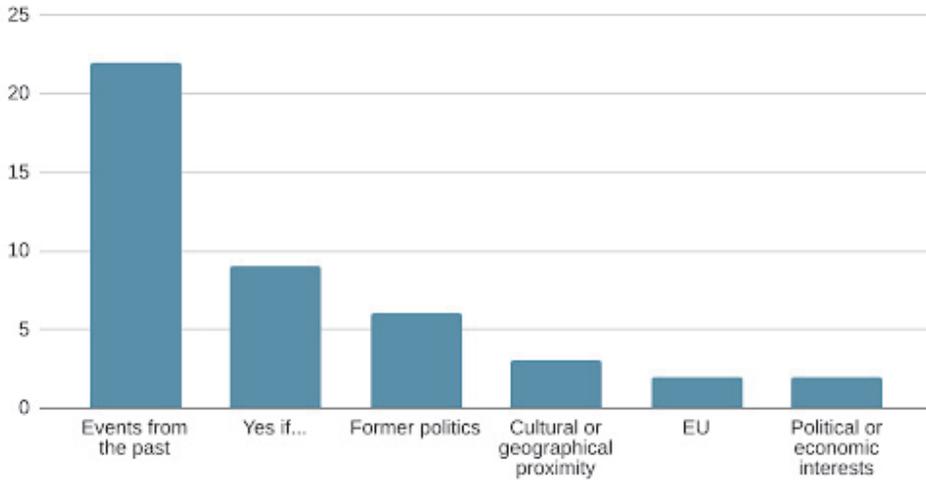

Fig. 2. Croatian answers to the question “Why is reconciliation possible between Croatia and Serbia?”
Source: made by the authors.

In Serbia, the survey shows that there are tensions between Serbs and Croats, with 80% of respondents agreeing on this point (Fig. 3).

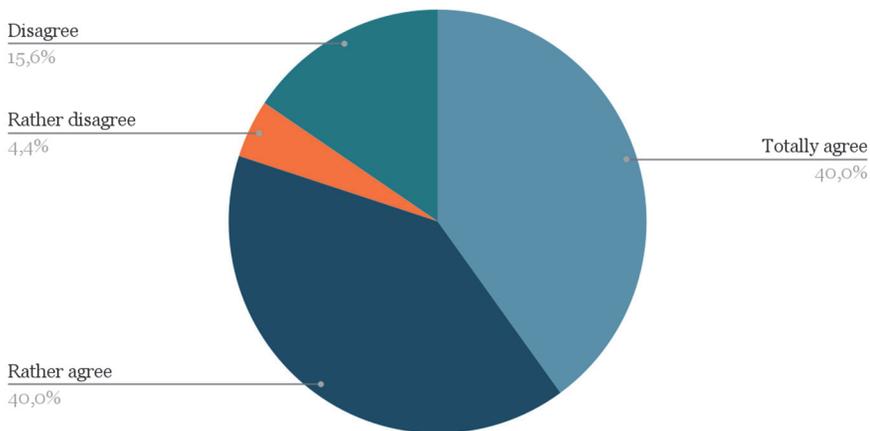

Fig. 3. Serbian answers on Question 8 – Do you agree with the following sentence: “Since the end of the war in 1995, tensions still exist between Serbs and Croats?”
Source: made by the authors.

However, 15.6% of the respondents did not know how to answer this question. When asked about the possibility of reconciliation (Fig. 4), 66.7% of Serbs believe it is possible. It should be noted that people aged 26–35 are more pessimistic (60%) about the possibility of reconciliation than people aged 18–25 (25.7%). Also, having family in Croatia or Croatian origins does not appear to be a major criterion in this decision. However, one third of the respondents (33.3%) believe that reconciliation between Croatia and Serbia is not possible. The reasons given were mainly the consequences of the war (69.2%) and the presence of interethnic hatred (23.1%). Those who believe that reconciliation is possible, mainly cite the need to

move on and move forward at 30.4%. However, 21.7% of Serbians still condition their positive response on a need for change.

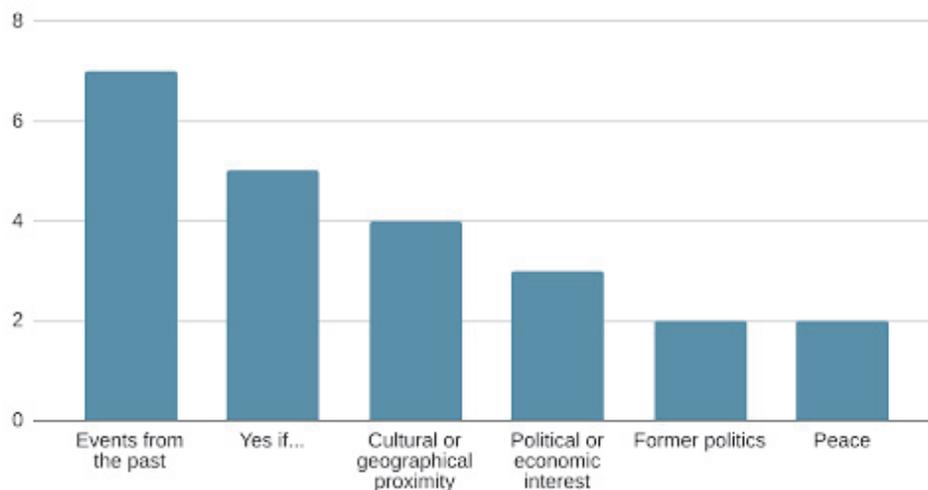

Fig. 4. Serbian answers to the question “Why is reconciliation possible between Croatia and Serbia?”
Source: made by the authors.

It is interesting to note that the vast majority of the people surveyed, want reconciliation (97.8%). Since only one person is opposed, it seems difficult to determine a general trend.

The survey of persons under 35 years old in Croatia and Serbia yielded several findings. First, the share of people with family or origins in Serbia for Croats, and Croatia for Serbs is similar; 21.1% of Croats have family in Serbia or Serbian origins and 17.8% of Serbs have family in Croatia or Croatian origins.

When it comes to the existence of tensions between the two peoples, Serbs are less categorical than Croats. Only 40% “Strongly agree” among Serbs while 54.4% agree among Croats. Also, while only one person answered “don’t know” in Croatia, 15.6% answered “don’t know” in Serbia. This can probably be explained by the fact that the war took place on Croatian territory and not on Serbian territory. The lack of exchanges between the two countries could be an explanation for the lack of knowledge of the situation among young Serbs.

When reconciliation is mentioned, Croats are more likely to consider it than Serbs. About 75% of Croats think it is possible, compared to 66.6% of Serbs. In Croatia, having family in Serbia or having Serbian origins contributes very strongly to thinking that reconciliation is possible. 100% of Croats with family in Serbia or Serbian origins believe it is possible. In Serbia, on the other hand, this tendency is not true, since out of the 8 persons who have family in Croatia or Croatian origins, three believe (37,5%) that reconciliation is not possible. In Serbia, people aged 26–35 are more pessimistic about the possibility of reconciliation, whereas in Croatia, age does not appear to be a determining factor in the possibility of reconciliation.

In both groups, people who believe that reconciliation between Croatia and Serbia is possible mention the same arguments. The importance of forgetting the

traumatic events of the past is the first reason in both surveys (50% of responses in Croatia and 30.4% in Serbia). A conditional affirmative answer is also given in equal proportions in both surveys (20.5% in Croatia and 21.7% in Serbia). Those who believe that reconciliation is not possible also mention the same arguments and in similar percentages. 66.7% of Croatian respondents and 69.2% of Serbs attribute the impossibility of reconciliation to the consequences of the war. While Croats attribute this solely to the events of the 1991–1995 war, Serbs attribute it to both the 1991 war and the Second World War. Both surveys also show that both Croats (33.3%) and Serbs (23.1%) believe that the presence of interethnic hatred does not allow for this reconciliation.

Therefore, the study concludes that an overwhelming majority wants reconciliation in both countries (94.9% in Croatia and 97.8% in Serbia) (Fig. 5). Among Serbs and Croats who want reconciliation, the same reasons are given but in a different priority order.

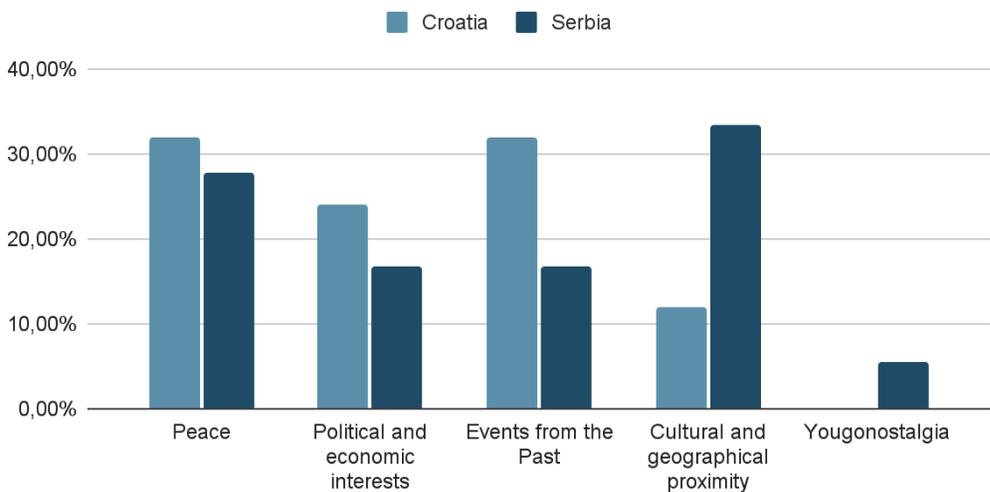

Fig. 5. Croatian and Serbian answers to the question “Why do you wish for reconciliation between Croatia and Serbia?”
Source: made by the authors.

Cultural and geographical proximity is the reason that should allow this reconciliation for 12.5% of Croats and 33.3% of Serbs. It is interesting to note here that Serbs feel closer to Croats than the Croats do to Serbs. Both groups give almost equal importance to living in peace (32% in Croatia and 27.8% in Serbia). However, Croats (24%) place more importance on economic and political interests in reconciliation than do Serbs (16.7%). The need to move beyond the events of the past, not to harbor grudges and to make room for the younger generation is much more important in Croatia (32%) than in Serbia (16.7%). It is interesting to note that “Yugo-nostalgia” is mentioned in 5.6% of the responses in Serbia, while it is not mentioned in Croatia. Among Croats and Serbs who do not want reconciliation, the same reasons are given, namely the impossibility of forgiving the atrocity of past events.

Conclusion

The appearance of real tensions between Serbs and Croats corresponds to the first attempt to build a common political project, the Kingdom of Slovenes, Croats and Serbs in 1918 that had the aims of creating a common civic identity for both Serbs and Croats. The first real trauma occurred during the Second World War when the Ustasha brutally and systematically persecuted the Serbs in the entire territory of the Independent State of Croatia. A return to calm was imposed by the arrival to power of Tito, even if he failed at the end to build a true Yugoslav identity because the communist regime was not oriented towards democracy and civil society. As the State had addressed itself directly to the communities and not to the individuals, it created a fertile ground for community with drawal and nationalist desires. Meanwhile, Yugoslavia was going through political and economic difficulties in the 1980s. The republics no longer shared the same goals and political tensions began to develop in civil society. Milosevic was the first to use these tensions for his personal political gain and then it was the turn of Tudjman and Izetbegovic. In the spring of 1991, war broke out and ultranationalist militias emerged on both sides, causing numerous atrocities. The 1991–1995 war was the second trauma in relations between Serbs and Croats. People who were once neighbors, cousins, friends killed each other. Thousands of people were uprooted, persecuted, killed for their community affiliation.

Today, relations between Croatian and Serbian civil societies remain strained and civic identity isn't the goal of both countries (a united civic identity is completely unattainable without a common state). Those who agreed to share their testimonies with the authors as researchers witnessed the existence of non-systematic presence of discrimination of Serbs in Croatia and Croats in Serbia. These discriminations are always directly linked to the nationality of the person or to the language (dialect) he or she speaks. It strongly influences travel plans between the two civil societies and slows down cultural exchange. The results of a survey of people under 35 years old in Croatian and Serbian civil society shed more light on these tensions. A large majority in Croatia and Serbia agree on the existence of tensions between the two peoples. Reconciliation seems possible for three quarters of Croats and two thirds of Serbs surveyed. This reconciliation seems necessary since there are still links between the two peoples, as about one in five people have family ties in the other country. Those who do not believe that reconciliation is possible cite the consequences of the war as the main obstacle, followed by the presence of interethnic hatred as the second reason. Thus, the survey demonstrated the existence of a genuine desire for reconciliation between civil societies.

Therefore, even if relations between Serbs and Croats are still complicated 25 years after the Dayton Peace Agreement, reconciliation does not seem impossible either. The new generations that have not experienced the war are more in favor of reconciliation and the majority of them consider it possible. Since civil societies should not hinder a process of improving relations between the two countries, the success of this reconciliation will therefore depend on political relations between Croatia and Serbia and especially on the institutional choice of these two states. Unfortunately, it is becoming more and more evident that both the political elites

of Croatia and Serbia are disinterested in opting for civic identity as opposed to ethnic policies they currently adhere to. Meanwhile, the redefinition of the European integration process of the Western Balkans and Serbia's efforts to apply for EU membership suggest that relations between the two countries will improve in the coming years.

Received / Поступила в редакцию: 20.09.2021

Accepted / Принята к публикации: 01.10.2021

References

- Beljo, A. (1985). *Yugoslavia, genocide, a documental analyses*. Sudbury (Conn.), Northern Tribune, 49–65.
- Bjelajac, M., & Žunec, O. (2009). The War in Croatia, 1991–1995. In C. Ingrao & T.A. Emmert (Eds.), *Confronting the Yugoslav controversies: A scholars' initiative* (pp. 231–270). Central European Studies Series Purdue University Press.
- Calic, M. (2009). Ethnic cleansing and war crimes, 1991–1995. C. Ingrao & T.A. Emmert (Eds.), *Confronting the Yugoslav controversies: A scholars' initiative* (pp. 115–151). Central European Studies Series Purdue University Press.
- Garde, P. (1999). *Life and Death of Yugoslavia*. Fayard. (In French).
- Hobsbawm, E. (1993). What is an ethnic conflict? *Actes de la recherche en sciences sociales*, 100, 51–57. (In French).
- Jackson, R.L., & Hogg, M.A. (2010). *Encyclopedia of identity*. SAGE Publications.
- Kocovic, B. (1985). *Victims of World War II in Yugoslavia* (pp. 31–41). Biblioteka Nase delo, Londres, Sarajevo. (In Serbian).
- Mitrović, M. (2003). Ethnic cleansing of Serbs from Zagreb 1992–1994 – according to oral history. *Tokovi istorije*, (3–4), 89–98. (In Serbian).
- Mujanovic, J. (2018). *Hunger and fury: The crisis of democracy in the Balkans*. Oxford University Press.
- Pirotte, G. (2018). *Definition of civil society*. Paris: La Découverte, Repères. (In French).
- Ramet, S. (2007). The Dissolution of Yugoslavia: Competing Narratives of Resentment and Blame. *Südosteuropa*, 55, 30–40.
- Stokes, G. (2009). Independence and the fate of minorities, 1991–1992. In C. Ingrao & T.A. Emmert (Eds.), *Confronting the Yugoslav controversies: A scholars' initiative* (pp. 83–112). Central European Studies Series Purdue University Press.
- Tanner, M. (2001). *Croatia: A nation forged in War*. New Haven, CT: Yale University Press.
- Wachtel, A., & Bennett, C. (2009). The Dissolution of Yugoslavia. In C. Ingrao & T.A. Emmert (Eds.), *Confronting the Yugoslav controversies: A scholars' initiative* (pp. 12–47). Central European Studies Series Purdue University Press.

About the authors:

Aleksandar Djokic – MA in Political Sciences, Lecturer Assistant of the Department of Comparative Politics, Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University) (e-mail: dzhokich_a@pfur.ru) (ORCID ID: 0000-0003-1897-5642)

Guillaume Pichelin – MA in Political Sciences, Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University) and Sciences Po Bordeaux (e-mail: pichelin.guillaume@gmail.com) (ORCID ID: 0000-0001-8679-9391)

Сведения об авторах:

Джокич Александр – магистр политических наук, ассистент кафедры сравнительной политологии Российского университета дружбы народов (e-mail: dzhokich_a@pfur.ru) (ORCID ID: 0000-0003-1897-5642)

Пишлен Гийом – магистр политологии Российского университета дружбы народов и Института политических исследований Бордо (e-mail: pichelin.guillaume@gmail.com) (ORCID ID: 0000-0001-8679-9391)

DOI: 10.22363/2313-1438-2021-23-4-692-705

Научная статья / Research article

Не только ультраправые: какие партии занимают нишу культурного протекционизма в странах Евросоюза?

И.И. ПетровНациональный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва,
Российская Федерация

Аннотация. В фокусе внимания проблема межпартийной конкуренции в странах Европы на фоне подъема ультраправых партий. Целью исследования служит проверка гипотезы о том, что в европейской политике 2010-х многие партии умеренного толка стали использовать повестку ультраправых, конкурируя с ними на одном поле. Также мы хотели проверить, насколько профиль ультраправых един для стран ЕС. Для достижения цели исследования были использованы базы данных о позиционировании партий MARPOR (Comparative Manifesto Project) и CHES (Chapel Hill Expert Survey). В ходе исследования было выявлено, что консолидированное семейство ультраправых имеется лишь в странах Северо-Западной Европы, в то время как в странах Центрально-Восточной Европы повестка ультраправых и менее консолидирована, и регионально неоднородна. Среди мейнстримных конкурентов ультраправых в Северо-Западной Европе при этом доминировали консерваторы, в Центрально-Восточной – различные партии, включая социал-демократов. Полученные выводы подтвердили положения ряда исследований о серьезном влиянии ультраправых на мейнстримную политику. Одновременно с этим они ставят под сомнение традиционный подход, приписывающий ультраправый профиль лишь ультраправым партиям и игнорирующий как региональные различия, так и фактор пространственной конкуренции.

Ключевые слова: культурный протекционизм, ультраправые, партийные семейства, правый популизм, партийные размежевания, европейская политика, партийная конкуренция

Для цитирования: *Петров И.И.* Не только ультраправые: какие партии занимают нишу культурного протекционизма в странах Евросоюза? // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2021. Т. 23. № 4. С. 692–705. DOI: 10.22363/2313-1438-2021-23-4-692-705

Not the Far-Right Only: Which Parties Occupy the Niche of Cultural Protectionism in the EU Countries?

I.I. Petrov

HSE University, Moscow, Russian Federation

Abstract. In the 2010s many moderate parties in Europe began to use the agenda of the far-rights, competing with them on the same field. This article is devoted to the problem of inter-party

© Петров И.И., 2021

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

competition in European countries amidst the rise of far-right parties. We also intended to check if the far-right profile is the same for all EU countries. To achieve the goal of the study, we used two databases on party positioning – MARPOR (Comparative Manifesto Project) and CHES (Chapel Hill Expert Survey). The study revealed that the consolidated family of the far-rights exists only in the countries of North-Western Europe, while in the countries of East-Central Europe the agenda of the far-rights is less consolidated and regionally heterogeneous. The mainstream competitors of the far-rights included mostly conservatives in North-Western Europe, and various parties, including the Social Democrats, in East-Central Europe. The study confirmed the hypothesis about the serious influence of the far-rights on mainstream politics. At the same time, it questioned the traditional approach which attributes the far-right profile only to far-right parties and ignores both regional differences and the factor of spatial competition.

Keywords: cultural protectionism, far-right, party families, right populism, party cleavages, European politics, party competition, party systems

For citation: Petrov, I.I. (2021). Not the far-right only: Which parties occupy the niche of cultural protectionism in the EU countries? *RUDN Journal of Political Science*, 23(4), 692–705. (In Russian). DOI: 10.22363/2313-1438-2021-23-4-692-705

Введение

На протяжении двадцатого века социально-экономическое право-левое размежевание играло ключевую роль в определении позиций партий относительно друг друга. С конца 1960-х, однако, сначала культурная трансформация в сторону открытых ценностей [Inglehart, Norris 2016], а позже и глобализация торговли [Hooghe, Marks 2018] внесли в структуру размежеваний, описанную в классических трудах Липсета и Роккана [Lipset, Rokkan 1967], ряд качественных изменений. Упадок классового и этноконфессионального голосования [Dalton 1996], сопровождавшийся ростом мобильности и преобразованием вертикальной структуры классов [Kitschelt, Rehm 2015], имел прямое воздействие на партийные системы стран Запада, толкая их к «разморозке».

Одним из последствий данных сдвигов, наблюдаемым на современном этапе, является возвышение партий с повесткой культурного протекционизма [Norris 2005] – защиты статус-кво национально-индустриального общества с уклоном в изоляционизм, популизм и возрождение архаичных дискурсов. Выразителем идей культурного протекционизма в политике стран Европы выступает семейство, обычно именуемое правопопулистами, но мы будем настаивать на определении ультраправых (far-right) в силу: а) отличия популизма как парадигмы борьбы «истинного народа» с «коррупцированной элитой» [Mudde 2013] от правого профиля [Макаренко 2018], характеризующегося национализмом [Осколков, Тэвдой-Бурмули 2018]; б) нишевого статуса данных партий, структурно отличающего их от партий правого мейнстрима.

Нишевой статус партии, характеризующийся опорой на радикального избирателя узкого профиля [Alzheimer 2009], дает возможность расшатывать имеющиеся коалиции через радикализацию политики [Abou-Chadi 2016], но в целом не позволяет подняться выше альянсов с мейнстримными партиями, находящимися в выгодном для сотрудничества [Vale 2003]. Проблема, к которой мы хотим обратиться далее, связана с явным разрывом между скромными

электоральными успехами ультраправых как главных носителей культурного протекционизма и очевидным подъемом правопопулистской риторики в 2010-е, захватывавшим крупные партии [Mudde 2019], но, вопреки последнему, не отражавшимся на повестке парламентов [Green-Pedersen 2019].

Традиционное объяснение, даваемое теорией пространственной конкуренции, исходит из того, что партии мейнстрима, становясь более консервативными под давлением миграционного кризиса, делают это лишь для защиты от ультраправых, и, идя на отказ от непопулярных решений, в целом выстраивают линию с расчетом на демонстрацию управленческой компетентности с опорой на традиционного избирателя [Adams et al. 2006]. Однако, если мы признаем рождение нового размежевания, объяснение может быть не таким простым – впрочем, для начала следует установить сам масштаб изучаемого феномена.

Гипотезы и общий дизайн исследования

Целью данной статьи служит проверка гипотез о том, что в европейской политике 2010-х многие партии умеренного толка стали прямо конкурировать с ультраправыми в использовании повестки культурного протекционизма. Для этой цели мы проанализируем данные о позиционировании партий 25 стран Евросоюза в поле нескольких размежеваний, выделим региональные паттерны ультраправых, а затем выясним, профили каких партий мейнстрима имеют заметное пересечение с данными паттернами.

Первая гипотеза нашей статьи, таким образом, заключается в том, что нишевые ультраправые партии будут демонстрировать качественные отличия от партий иных семейств относительно ряда параметров, связанных с культурным протекционизмом.

Чтобы проверить правильность первой гипотезы мы обратимся к данным MARPOR (Comparative Manifesto Project) – базе информации о позиционировании партий, основанной на контент-анализе их программ [Volkens et al. 2013]. Чтобы выразить нужные характеристики партий в MARPOR, мы создали несколько тематически репрезентативных индексов на основе его многочисленных переменных, включая индексы, отражающие частоту обращения к определенным темам в программе (табл. 1).

Культурный протекционизм в данных индексах выражен через профиль ультраправых партий, который, по мнению ведущих исследователей, должен включать в себя а) негативное отношение к евроинтеграции и миграции, положительное отношение к традиционализму и национализму; б) относительно слабое внимание к социально-экономическим вопросам при относительно сильном внимании к проблемам «культурного протекционизма». Следуя данной логике, мы сделали описательную статистику по данным параметрам для партий, отмеченных в MARPOR как ультраправые, после чего сравнили ее с результатами иных партийных семейств с целью подтвердить, что именно ультраправые – оплот культурного протекционизма в Европе.

Вторая гипотеза нашей статьи предполагает, что характеристики ультраправого профиля как маркера культурного протекционизма могут отличаться для разных европейских регионов. Чтобы проверить правильность второй гипотезы, мы разделили выборку стран по пяти субрегионам Европы – Северу, Западу, Югу, Востоку и Балканам. Данное разделение было проверено на валидность, по результатам чего число регионов сократилось до двух – Север–Запад–Юг и Восток–Балканы.

Третья гипотеза нашей статьи состоит в том, что, отталкиваясь от найденных региональных и страновых паттернов ультраправых, можно будет сформировать перечень умеренных партий, стоящих на позициях культурного протекционизма, приравняв к таковым партии, чей профиль пересекается с профилями ультраправых.

Таблица 1

Индексы MARPOR, использованные в анализе, и их аналоги в CHES

Индексы	MARPOR	CHES
EU	per108 – per110	eu_position
Right-Left	per401 + per402 + per407 + per414 + per505 – per403 – per404 – per406 – per412 – per413 – per504 – per701	irecon
Nationalism	per601 + per302 + per608 – per301 – per602 – per607	galtan, nationalism, ethnic_minorities, regions, multiculturalism
Migration	per602_2 + per607_2 – per601_2 – per608_2	galtan, immigrate_policy
Tradition	per603 – per604	galtan, social_lifestyle, religious_principles

Источник: составлено автором.

Table 1

Indexes of MARPOR used in the analysis and their analogy in CHES

Indexes	MARPOR	CHES
EU	per108 – per110	eu_position
Right-Left	per401 + per402 + per407 + per414 + per505 – per403 – per404 – per406 – per412 – per413 – per504 – per701	irecon
Nationalism	per601 + per302 + per608 – per301 – per602 – per607	galtan, nationalism, ethnic_minorities, regions, multiculturalism
Migration	per602_2 + per607_2 – per601_2 – per608_2	galtan, immigrate_policy
Tradition	per603 – per604	galtan, social_lifestyle, religious_principles

Source: made by the author.

Выборка и методология исследования

Для достижения цели исследования были использованы базы данных о позиционировании партий MARPOR (Comparative Manifesto Project) и CHES (Chapel Hill Expert Survey): определив контуры ультраправого профиля для нескольких регионов Европы путем сравнения описательных статистик, корреляционного и кластерного анализа, мы выделили 39 партий мейнстрима,

чь программы установки пересекаются с профилем ультраправых их региона. Объем выборки при этом составил 205 партий 25 стран Евросоюза в период с 2016 по 2019 год.

Методология исследования базируется на сочетании дедуктивных и индуктивных стратегий. Понятие культурного протекционизма с его отображением в пяти индексах MARPOR – EU integration, right-left, nationalism, traditionalism, migration, – является примером дедуктивного определения ультраправого профиля (табл. 1). В основе нашего метода, однако, лежит иной взгляд: стремление выявить схожесть позиций партии с профилем партий, маркированных в MARPOR как ультраправые, в конкретном регионе. Чтобы подтвердить, что за описательной статистикой стоят структурные связи, мы провели корреляционный и факторный анализы для выборок ультраправых по ключевым индексам. Также в качестве альтернативного метода классификации выборки мы применили иерархический кластер-анализ. Кластеризация полной выборки по дедуктивно выведенным индексам позволила удостовериться в валидности классификации партийных семейств MARPOR, а также выявить страновую специфику внутри регионов.

Выборка исследования включила в себя порядка 205 партий, из которых 24 были изначально отмечены как ультраправые, а 39 – выделены нами как конкурирующие с ультраправыми за одного избирателя (табл. 2).

Основным источником данных о партиях для нас выступил MARPOR. Между тем, поскольку методология контент-анализа, лежащая в его основе, не лишена недостатков [Benoit, Laver 2006], валидность результатов была также проверена через обращение к альтернативному проекту – CHES (Chapel Hill Expert Survey), построенному на методе экспертного опроса [Bakker et al. 2010] (табл. 1). Как итог, подобное сравнение позволило не только подтвердить валидность данных MARPOR, но и расширить список партий, тяготеющих к культурному протекционизму. Обратных случаев, когда данные CHES требовали исключения партии из списка, при этом не наблюдалось.

Результаты исследования

Основным результатом исследования стало формирование списка из 39 партий мейнстрима, конкурирующих с ультраправыми за одного избирателя, а также выделение западного и восточного типов ультраправого профиля (табл. 2).

А. Региональные профили ультраправых

В ходе исследования мы подтвердили, что повестка культурного протекционизма наиболее четко и системно выражается в профилях ультраправых, при том что четкий ультраправый профиль, описанный в литературе, имеется лишь в странах Северо-Западной Европы. Напротив, в Центрально-Восточной Европе данное партийное семейство неоднородно и продолжает эволюционировать, при этом в нем можно выделить две неравные группы партий. Первая из них примерно соответствует ультраправым Северо-Западной Европы, другой же тип отличают специфические региональные черты.

Таблица 2

Список партий (2016–2019), включающий ультраправых начальной выборки и партии мейнстрима, отмеченные как имеющие близость к ультраправому профилю (двух типов), кластер = схожесть позиций партий по MARPOR на основании кластер-анализа

Страна	Партии	Ультра-правые	Конкурирующие с ультра-правыми (западный тип)	Конкурирующие с ультра-правыми (восточный тип)	Кластер (MARPOR)
SW	Шведские демократы	+			5
	Умеренная коалиционная партия (кон)		+		5
	Партия центра (агр)		+		5
	Христианские демократы (хри-дем)		+		5
	Социал-Демократическая партия (соц-дем)		+		4
DEN	Датская народная партия	+			1
	Новые правые (5%<)	+			
	Либералы (либ)		+		5
	Консервативная народная партия (кон)		+		3
	Социал-демократы (соц-дем)		+		4
FN	Истинные финны				3
BE	Фламандский интерес				2
NE	Партия свободы	+			1
	Форум за демократию (5%<)	+			
	Народная партия за свободу и демократию (либ)		+		5
	Христианско-демократический призыв (хри-дем)		+		5
FR	Национальный фронт	+			3
	Республиканцы (кон)		+		5
IT	Лига Севера	+			5
	Вперед, Италия (кон)		+		5
SP	Вокс	+			2
	Народная Партия (кон)		+		5
GR	Независимые греки	+			5
	Золотая заря	+			5
	Новая демократия (кон)		+		5
POR	Снега (5%<)	+			
GER	Альтернатива для Германии				2
AUS	Австрийская партия свободы	+			1
	Австрийская народная партия (хри-дем)		+		5
UK	Укiр (5%<)				
	Консервативная партия (кон)		+		5
BUL	Объединенные патриоты	+			2
	Коалиция за Болгарию (соц-дем)			+	4
CRO	Мост независимых списков (кон)	+			
	Хорватское демократическое содружество (хри-дем)		+		

Окончание табл. 2

Страна	Партии	Ультра-правые	Конкурирующие с ультра-правыми (западный тип)	Конкурирующие с ультра-правыми (восточный тип)	Кластер (MARPOR)
CZ	Свобода и прямая демократия	+			4
	Коммунистическая партия Чехии и Моравии (лев)			+	4
	Чешская социал-демократическая партия (соц-дем)			+	4
	Гражданская демократическая партия (кон)			+	5
	ANO 2011 (либ)			+	5
	ХДС-ЧНП (хри-дем)			+	5
EST	Консервативная народная партия Эстонии	+			5
	Партия реформ (кон)		+		5
	Отечество (либ)		+		5
HUN	Фидес	+			1
	Йоббик	+			4
	Венгерская социалистическая партия (соц-дем)			+	4
LAT	Национальный альянс	+			5
	Кому принадлежит страна ?	+			5
	Новая консервативная партия (кон)		+		5
	Союз зеленых и крестьян (агр)		+		5
LITH	Порядок и справедливость	+			5
	Социал-демократическая партия Литвы (соц-дем)			+	4
	Избирательная акция поляков Литвы (этно)			+	4
POL	Право и справедливость	+			5
	Польская крестьянская партия (агр)		+		5
ROM	Партия народного движения (хри-дем)		+		5
	Социал-демократическая партия (лев)			+	4
SL	Мы – семья	+			5
	Народная партия – Наша Словакия	+			4
	Словацкая национальная партия	+			5
	Свобода и солидарность (либ)		+		5
	Курс – социальная демократия (соц-дем)			+	4
	Обычные люди (кон)			+	5
SLE	Национальная партия Словении (5%<)	+			
	Новая Словения (хри-дем)	+			
	Словенская демократическая партия (кон)	+			

Примечание. Плюсами отмечены характеристики соответствующих партий.

Источник: составлено автором.

Table 2

List of parties (2016–2019), including the far right parties of initial sample and the mainstream parties, appealing to the far right profile (two types), cluster = likeness of party position by MARPOR-based cluster-analysis

Country	Parties	Far right	Competing with far right (western pattern)	Competing with far right (eastern pattern)	Cluster (MARPOR)
SW	Sweden Democrats	+			5
	Moderate Coalition Party (con)		+		5
	Centre Party (agr)		+		5
	Christian Democrats (chr-dem)		+		5
	Social Democratic Labour Party (soc-dem)		+		4
DEN	Danish People's Party	+			1
	The New Right (5%<)	+			
	Liberals (lib)		+		5
	Conservative People's Party (cons)		+		3
	Social Democratic Party (soc-dem)		+		4
FN	True Finns				3
BE	Flemish Interest				2
NE	Party of Freedom	+			1
	Forum for Democracy (5%<)	+			
	People's Party for Freedom and Democracy (lib)		+		5
	Christian Democratic Appeal (chr-dem)		+		5
FR	National Front	+			3
	The Republicans (cons)		+		5
IT	League	+			5
	Go Italy (cons)		+		5
SP	Vox	+			2
	People's Party (cons)		+		5
GR	Independent Greeks	+			5
	Golden Dawn	+			5
	New Democracy (cons)		+		5
POR	Chega (5%<)	+			
GER	Alternative for Germany				2
AUS	Austrian Freedom Party	+			1
	Austrian People's Party (chr-dem)		+		5
UK	Ukip (5%<)				
	Conservative Party (cons)		+		5
BUL	United Patriots	+			2
	BSP for Bulgaria (soc-dem)			+	4
CRO	Bridge of Independent Lists (cons)	+			
	Croatian Democratic Union (chr-dem)		+		
CZ	Freedom and Direct Democracy	+			4
	Communist Party of Bohemia and Moravia (left)			+	4

The end of the table 2

Country	Parties	Far right	Competing with far right (western pattern)	Competing with far right (eastern pattern)	Cluster (MARPOR)
	Czech Social Democratic Party (soc-dem)			+	4
	Civic Democratic Party (cons)			+	5
	ANO 2011 (lib)			+	5
	Christian and Democratic Union – Czech People’s Party (chr-dem)			+	5
EST	Conservative People’s Party of Estonia	+			5
	Estonian Reform Party (cons)		+		5
	Pro Patria and Res Publica Union (lib)		+		5
HUN	Fidesz	+			1
	Jobbik	+			4
	Hungarian Socialist Party (soc-dem)			+	4
LAT	National Alliance	+			5
	Who owns the state?	+			5
	New Conservative Party (con)		+		5
	Greens’ and Farmers’ Union (green)		+		5
LITH	Order and Justice	+			5
	Lithuanian Social Democratic Party (soc-dem)			+	4
	Election Action of Lithuanian’s Poles (regional)			+	4
POL	Law and Justice (con)	+			5
	Polish Peasants’ Party (agr)		+		5
ROM	People’s Movement Party (chr-dem)		+		5
	Social Democratic Party (left)			+	4
SL	We Are Family	+			5
	Kotleba – People’s Party Our Slovakia	+			4
	Slovak National Party	+			5
	Freedom and Solidarity (lib)		+		5
	Direction-Social Democracy (soc-dem)			+	4
	Ordinary People (cons)			+	5
SLE	Slovenian National Party (5%<)	+			
	New Slovenian Christian People’s Party (chr-dem)	+			
	Slovenian Democratic Party (cons)	+			

Note. The pluses mark the characteristics of the respective parties.

Source: made by the author.

Таким образом, были подтверждены **первая** (показательность ультраправых в плане культурного протекционизма) и **вторая** (наличие весомых региональных отличий в ультраправом профиле) **гипотезы** нашего исследования.

Относительно профиля ультраправых Северо-Западной Европы нами было обнаружено, что лишь три из пяти исследованных параметров имеют сильную корреляцию между собой: национализм, антимиграционная повестка и неприоритетность экономических тем в программе. Наоборот, евроскептицизм и традиционализм являются хотя и важными, но не отличительными переменными для ультраправого профиля. Впрочем, при разложении традиционализма на переменные «религиозные принципы» и «стиль жизни» последний все же оказывается важным для ультраправых, в то время как первые – фундаментальны для их консервативных оппонентов.

Отличное от описанного выше содержание профиля ультраправых Центрально-Восточной Европы можно свести к сочетанию левой, реже – правоцентристской, социально-экономической повестки с выраженным национализмом. Ультраправые данного региона также несильно интересуются проблемой мигрантов и демонстрируют нейтралитет по отношению к ЕС, что, впрочем, никак не фиксируется на уровне корреляций.

Следует отметить, что для ультраправых Южной Европы, включенных в Северо-Западный кластер, была также выявлена общая черта с ультраправыми Востока – наличие обратной корреляции между их социально-экономической позицией и позицией парламентского большинства. Последнее, скорее всего, объясняется тем, что в этих регионах размежевания неэкономического характера еще недостаточно значимы, чтобы ультраправые могли обойтись без право-левой оппозиции традиционным правящим партиям.

Б. Страновые профили конкуренции с ультраправыми

Третья гипотеза, касающаяся тождественности списка партий, конкурирующих с ультраправыми за одного избирателя, с партиями, выражающими культурный протекционизм, заслуживает противоречивую оценку. Так, в Восточной Европе ряд левых партий, вступающих в конкуренцию с ультраправыми на экономической почве («восточный тип»), относится к культурному протекционизму нейтрально. Аналогично, многие консерваторы региона выражают культурный протекционизм не менее интенсивно, чем ультраправые, в отличие от Запада, где конкуренция ультраправых и консерваторов носит преимущественно пространственный характер [Шейн 2020].

Как показало исследование, набор партий, конкурирующих с ультраправыми, в Восточной Европе гораздо шире, чем в Западной (табл. 3), но необходимо отметить, что даже в рамках одного региона конфигурация отношений между ультраправыми и их конкурентами может весомо различаться от страны к стране [Сергеев 2020] (см. табл. 2).

Так, хотя в Северо-Западной и Южной Европе самой распространенной конфигурацией является конкуренция ультраправой партии с относительно близкими к ней консерваторами, в Нидерландах у ультраправых имеется два мейнстримных конкурента, в Швеции и Дании – три, включая социал-демократов, а в Бельгии, Германии и Финляндии – ни одного. Кроме того, следует помнить о том, что от усредненной повестки семейства могут иметься отличия в сторону правизны (Дания, Нидерланды, Австрия), левизны (Франция,

Финляндия), умеренности (Италия, Греция + страны Прибалтики) и радикализма (Швеция, Греция, Словакия). Большинство этих отклонений, однако, выражают именно страновую специфику, но не фундаментальные различия ультраправых [Правый популизм 2020].

Таблица 3

Распределение партий, обращающихся к повестке культурного протекционизма, между партийными семействами по субрегионам ЕС

Партийные группы	Субрегионы ЕС	
	Север, Запад, Юг	Восток и Балканы
Либералы	2 из 13	5 из 15
Консерваторы	6 из 9	5 из 10
Социал-демократы	2 из 15	6 из 13
Христианские демократы и аграрии	4 из 9	5 из 6

Источник: составлено автором.

Table 3

Redistribution of parties, appealing to the agenda of cultural protectionism, between the party families for the EU subregions

Party groups	The EU Subregions	
	North, West, South	East, Balkans
Liberals	2 of 13	5 of 15
Conservatives	6 of 9	5 of 10
Social democrats	2 of 15	6 of 13
Christian democrats and agrarians	4 of 9	5 of 6

Source: made by the author.

В Центрально-Восточной Европе, как мы считаем, единой конфигурации конкуренции между мейнстримными и ультраправыми партиями не существует. Так, распространенным вариантом является конкуренция ультраправой партии либо с социал-демократами (региональный тип), либо с правоцентристами (западный тип), при том что партий-конкурентов может быть несколько. Кроме того, для региона типичны заимствование ультраправого профиля мейнстримными правыми (Венгрия, Польша, Словения) и конкуренция между ультраправыми разного типа (Венгрия, Словакия) (см. табл. 2). Наконец, если для Северо-Западной Европы типично скорее отсутствие конкурентов у ультраправых (Германия), то для Центрально-Восточной – наличие мейнстримной партии с ультраправым креном без ультраправых конкурентов (Румыния).

Заключение

В данной статье мы постарались выяснить, действительно ли в 2010-е гг. многие европейские партии умеренного толка обратились к повестке культурного протекционизма, вступив в конкуренцию с ее основными носителями –

ультраправыми. В нашем исследовании мы обратились к теориям пространственной конкуренции и размежеваний, а также количественным методам с целью обойти ограничения описательного подхода, фиксирующегося на феномене правого популизма.

Как мы можем заключить, соответствующий сдвиг в 2010-е гг. действительно произошел, однако специфика региональных различий конкуренции с ультраправыми не позволяет нам сделать вывод, стоит ли за этим глобальный сдвиг размежеваний или пространственная конкуренция.

Так, в странах Северо-Западной Европы имеется четкий профиль ультраправых, оккупировавших поле культурного протекционизма, с которыми мейнстримные партии, очевидно, вынуждены вступать в пространственную конкуренцию. В странах Центрально-Восточной Европы, наоборот, семейство ультраправых находится в процессе эволюции: репрезентацию культурного протекционизма в них можно рассматривать и сквозь призму интеграции ценностного и право-левого размежевания [Hutter, Kriesi], и через центрально-периферийные отношения с ядром ЕС, способствовавшие заимствованию правопопулизма как технологии в условиях слабо консолидированной партийной системы [Макаренко 2015]. Только в Восточной Европе мы можем выделить крупные партии мейнстрима, по своему профилю максимально близкие к ультраправым Западной Европы: Мост Независимых Списков (Хорватия, консерваторы), Фидес (Венгрия, консерваторы), Право и Справедливость (Польша, консерваторы), Национальная Партия Словении (Словения, консерваторы) и Новая Словения (Словения, христианские демократы).

Также в ходе сравнения было обнаружено несколько стран, представляющих собой интересные аномалии: Швеция / Дания (почти все партии занимают националистические и антимигрантские позиции), Чехия (нечеткий профиль ультраправой партии делает ее конкурентами почти все партии), Словения (большинство партий – ультраправые), Румыния (нет ультраправых партий, но есть потенциальные конкуренты ультраправых), Испания (взлет ультраправой Вокс до уровня крупной партии за одни выборы).

Полученные выводы, таким образом, подтверждают положения ряда отечественных и зарубежных исследований о серьезном влиянии ультраправых на мейнстримную политику. Одновременно с этим они ставят под сомнение традиционный подход, согласно которому ультраправый профиль един, а ультраправые – монополисты в репрезентации TAN-ориентиров (традиционализм, авторитаризм, нативизм) [Hooghe, Marks 2018] в политике.

Поступила в редакцию / Received: 10.07.2021

Принята к публикации / Accepted: 15.08.2021

Библиографический список

Макаренко Б.И. Популизм и политические институты: сравнительная перспектива // Популизм как общий вызов / отв. ред.: Б.И. Макаренко, Н.В. Петров. М.: Политическая энциклопедия, 2018. С. 27–36.

Макаренко Б.И. Партии и партийные системы: современные тенденции развития. М.: Политическая энциклопедия, 2015.

- Осколков П.В., Тэвдой-Бурмули А.И. Европейский правый популизм и национализм: к вопросу о соотношении функционала // Вестник Пермского университета. Политология. 2018. № 3. С. 19–33.
- Сергеев Е.А. Экономические программы нидерландских правых популистов // Правый популизм: глобальный тренд и региональные особенности / отв. ред. Л.С. Окунева, А.И. Тэвдой-Бурмули. М.: Издательство «МГИМО-Университет», 2020. С. 104–121.
- Шейн С.А. Ответы европейского мейнстрима на вызовы правого популизма сквозь призму концепции стрессоустойчивости: случай Соединенного Королевства // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2020. Т. 22. № 1. С. 59–70.
- Правый популизм: глобальный тренд и региональные особенности / отв. ред. Л.С. Окунева, А.И. Тэвдой-Бурмули. М.: МГИМО-Университет, 2020.
- Abou-Chadi T. Niche party success and mainstream party policy shifts-how green and radical right parties differ in their impact // *British Journal of Political Science*. 2016. Vol. 46, No. 2. P. 417–436.
- Adams J. et al. Are niche parties fundamentally different from mainstream parties? The causes and the electoral consequences of Western European parties' policy shifts, 1976–1998 // *American Journal of Political Science*. 2006. Vol. 50, No. 3. P. 513–529.
- Arzheimer K. Contextual factors and the extreme right vote in Western Europe, 1980–2002 // *American Journal of Political Science*. 2009. Vol. 53, No. 2. P. 259–275.
- Bakker R. et al. Measuring party positions in Europe: The Chapel Hill expert survey trend file, 1999–2010 // *Party Politics*. 2015. Vol. 21, No. 1. P. 143–152.
- Bale T. Cinderella and her ugly sisters: the mainstream and extreme right in Europe's bipolarising party systems // *West European Politics*. 2003. Vol. 26, No. 3. P. 67–90.
- Benoit K., Laver M. Party policy in modern democracies. Routledge, 2006.
- Dalton R.J. Political cleavages, issues, and electoral change // *Comparing Democracies: Elections and voting in global perspective*. 1996. Vol. 2. P. 319–342.
- De Vries C.E., Hobolt S.B. When dimensions collide: The electoral success of issue entrepreneurs // *European Union Politics*. 2012. Vol. 13, No. 2. P. 246–268.
- Green-Pedersen C. The Reshaping of West European Party Politics: Agenda-Setting and Party Competition in Comparative Perspective. Oxford University Press, 2019.
- Hooghe L., Marks G. Cleavage theory meets Europe's crises: Lipset, Rokkan, and the transnational cleavage // *Journal of European Public Policy*. 2018. Vol. 25, No. 1. P. 109–135.
- Hutter S., Kriesi H. (Ed.). European party politics in times of crisis. Cambridge University Press, 2019.
- Inglehart R.F., Norris P. Trump, Brexit, and the rise of populism: Economic have-nots and cultural backlash, 2016.
- Kitschelt H., Rehm P. Party alignments. Change and continuity // *The politics of advanced capitalism*. Cambridge University Press, 2015. P. 179–201.
- Lipset S.M., Rokkan S. Cleavage structures, party systems, and voter alignments: an introduction. Free Press, 1967.
- Mudde C. Three decades of populist radical right parties in Western Europe: So what? // *European Journal of Political Research*. 2013. Vol. 52, No. 1. P. 1–19.
- Mudde C. The far right today. John Wiley & Sons, 2019.
- Norris P. et al. Radical right: Voters and parties in the electoral market. Cambridge University Press, 2005.
- Volkens A. et al. (Ed.). Mapping policy preferences from texts: statistical solutions for manifesto analysts. OUP Oxford, 2013. Vol. 3.

References

- Abou-Chadi, T. (2016). Niche party success and mainstream party policy shifts—how green and radical right parties differ in their impact. *British Journal of Political Science*, 46(2), 417–436.
- Adams, J. et al. (2006). Are niche parties fundamentally different from mainstream parties? The causes and the electoral consequences of Western European parties' policy shifts, 1976–1998, *American Journal of Political Science*, 50(3), 513–529.

- Arzheimer, K. (2009). Contextual factors and the extreme right vote in Western Europe, 1980–2002, *American Journal of Political Science*, 53(2), 259–275.
- Bakker, R. et al. (2015). Measuring party positions in Europe: The Chapel Hill expert survey trend file, 1999–2010, *Party Politics*, 21(1), 143–152.
- Bale, T. (2003). Cinderella and her ugly sisters: the mainstream and extreme right in Europe's bipolarising party systems, *West European Politics*, 26(3), 67–90.
- Benoit, K., & Laver, M. (2006). *Party policy in modern democracies*. Routledge.
- Dalton, R.J. (1996). Political cleavages, issues, and electoral change, *Comparing Democracies: Elections and voting in global perspective*, 2, 319–342.
- De Vries, C.E., & Hobolt, S.B. (2012). When dimensions collide: The electoral success of issue entrepreneurs, *European Union Politics*, 13(2), 246–268.
- Green-Pedersen, C. (2019). *The Reshaping of West European Party Politics: Agenda-Setting and Party Competition in Comparative Perspective*. Oxford University Press.
- Hooghe, L., & Marks, G. (2018). Cleavage theory meets Europe's crises: Lipset, Rokkan, and the transnational cleavage, *Journal of European Public Policy*, 25(1), 109–135.
- Hutter, S., & Kriesi, H. (Eds.). (2019). *European party politics in times of crisis*. Cambridge University Press.
- Inglehart, R.F., & Norris, P. (2016). Trump, Brexit, and the rise of populism: Economic have-nots and cultural backlash.
- Kitschelt, H., & Rehm, P. (2015). Party alignments. Change and continuity. In P. Baramendi et al. (Eds.), *The politics of advanced capitalism* (pp. 179–201). Cambridge University Press.
- Lipset, S.M., & Rokkan, S. (1967). *Cleavage structures, party systems, and voter alignments: an introduction*. Free Press.
- Makarenko, B.I. (2015). Parties and party systems: modern tendencies of development. *Political encyclopedia*. (In Russian).
- Makarenko, B.I. (2018). Populism and political institutions: comparative perspective. Populism as common challenge. In B.I. Makarenko & N.V. Petrov (Eds.), *Political encyclopedia* (pp. 27–36). Moscow. (In Russian).
- Mudde, C. (2013). Three decades of populist radical right parties in Western Europe: So what? *European Journal of Political Research*, 52(1), 1–19.
- Mudde, C. (2019). *The far right today*. John Wiley & Sons.
- Norris, P. et al. (2005). *Radical right: Voters and parties in the electoral market*. Cambridge University Press.
- Okuneva, L.S., & Tevdoj-Burmuli, A.I. (Eds.). (2020). *Right populism: global trend and regional features*. Moscow: MGIMO-University. (In Russian).
- Oskolkov, P.V., & Tevdoj-Burmuli, A.I. (2018). European right-wing populism and nationalism: revisiting the correlation of features. *Bulletin of Perm University. Political Science*, 3, 19–33. (In Russian).
- Sergeev, E.A. (2020). Economic programs of Dutch right populists. In L.S. Okuneva & A.I. Tevdoj-Burmuli (Eds.), *Right populism: global trend and regional features* (pp. 104–121). Moscow: MGIMO-University. (In Russian).
- Shein, S.A. (2020). Responses of European mainstream to right-wing populism challenges from the perspective of the resilience concept: Case of the United Kingdom. *RUDN Journal of Political Science*, 22(1), 59–70. (In Russian).
- Volkens, A. et al. (Eds.). (2013). Mapping policy preferences from texts: statistical solutions for manifesto analysts. *OUP Oxford*, 3.

Сведения об авторе:

Петров Иван Игоревич – аспирант аспирантской школы по политическим наукам Национального исследовательского университета Высшая школа экономики (e-mail: iip95@yandex.ru) (ORCID 0000-0003-3856-2503)

About the author:

Ivan I. Petrov – postgraduate at the Postgraduate School of Political Science in HSE University (e-mail: iip95@yandex.ru) (ORCID 0000-0003-3856-2503)

DOI: 10.22363/2313-1438-2021-23-4-706-718

Научная статья / Research article

Трансформация партийной идентичности немецких правых радикалов: в поисках «женской поддержки»

Е.С. Бурмистрова

Пермский государственный национальный исследовательский университет, Пермь,
Российская Федерация

Аннотация. Изменение политического ландшафта современной Германии проявилось в активизации праворадикальных организаций, ставшей результатом кризисных явлений начала XXI века. Можно говорить о том, что правые радикалы в своей партийной идентичности трансформируются: от маргинальных националистических антимигрантских сил, противоречащих демократической культуре Германии, до движений, выступающих в защиту идентичности и прав, в том числе женщин. Таким образом, правые радикалы Германии претендуют на то, чтобы стать частью гражданской культуры, включающей права на критику и несогласие с политикой властей. В статье на примере деятельности «Альтернативы для Германии» рассматривается проблема взаимодействия праворадикальных партий с женским электоратом. На основе анализа политической программы, интервью с представителями партии и материалов СМИ выделены основные направления деятельности «Альтернативы для Германии» по привлечению женских голосов. Среди них ориентация на социально-экономическую проблематику, волнующую женщин, рассмотрение мигрантской проблемы сквозь призму угрозы со стороны приезжающих мусульман по отношению к женщинам, защита интересов консервативно настроенных женщин, привлечение женщин в качестве главных лиц, отвечающих за повестку партии. Особое внимание уделено праворадикальным активисткам как самостоятельным акторам в политической жизни Германии. На примере кейсов Беаты Цшепе, Франциски Берит и кампании #120db были выделены основные интересы активисток: противостояние гендерному мейнстримингу, угрожающему традиционному семейному укладу, и противостояние исламу как источнику насилия по отношению к женщинам. Основные усилия «Альтернативы для Германии» направлены на укрепление своих позиций среди всех женщин, чьи права являются неотъемлемой частью европейской идентичности, следовательно актуализация вовлечения женщин в движение становится не только инструментальной, но и ценностной. Активистки, которые ориентированы более радикально, оказываются вовлеченными в европейское движение идентитаристов.

Ключевые слова: правый радикализм, гендер, Альтернатива для Германии, идентитаристы, женский активизм, женские права, гражданская культура

Для цитирования: Бурмистрова Е.С. Трансформация партийной идентичности немецких правых радикалов: в поисках «женской поддержки» // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2021. Т. 23. № 4. С. 706–718. DOI: 10.22363/2313-1438-2021-23-4-706-718

© Бурмистрова Е.С., 2021

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

Благодарности: Исследование выполнено в рамках проекта РФФИ 21-011-31794 «Мобилизация vs самоорганизация: кросснациональный анализ факторов и векторов женского участия в политике».

Transforming the Party Identity of German Radical Right: In Search of Female Support

E.S. Burmistrova

Perm State University, Perm, Russian Federation

Abstract. The crises of the beginning of the 21st century changed the political landscape of modern Germany, which was manifested in increasing right-wing radicalism. As the party identity of the far-right transforms, they shift from being marginal nationalist anti-migrant forces, contradicting the democratic culture of Germany, to movements which defend identity and rights, including women's rights. Thus, the far-right in Germany claim to become a part of the civic culture that includes the right to criticize and disagree with the government's policies. The article examines how far-right parties interact with the female electorate on the example of the Alternative for Germany party. The study highlights the main activities of the Alternative for Germany in attracting women's votes, based on the analysis of the party's political program, interviews with party members and media materials. These activities include the orientation towards the socio-economic issues, concerning women, the consideration of the migrant problem through the prism of the Muslim threat towards women, the protection of the interests of conservative women, the attraction of women as party leaders. The author pays a special attention to female right-wing activists, as independent actors in the political life of Germany. Based on the cases of Beate Zschäpe, Francisca Berit and #120db movement, the following interests of female activists were determined: opposing to gender mainstreaming, which threatens the traditional family structure, and opposing to Islam as a source of violence against women. Alternative for Germany aims at strengthening its positions among all women, whose rights are an integral part of European identity, therefore, the actualization of women's involvement in the movement becomes not only instrumental, but also of value nature. More radically oriented female activists get involved in the European Identitarian movement.

Keywords: right-wing radicalism, gender, Alternative for Germany, identitarians, women's activism, rights of women, civic culture

For citation: Burmistrova, E.S. (2021). Transforming the party identity of German radical right: In search of female support. *RUDN Journal of Political Science*, 23(4), 706–718. (In Russian). DOI: 10.22363/2313-1438-2021-23-4-706-718

Acknowledgements: The reported study was funded by the Russian Foundation for Basic Research (RFBR) 21-011-31794 «Mobilization vs self-organization: cross-national analysis of factors and vectors of female participation in politics».

Введение

Правый поворот, выразившийся в широком распространении праворадикальных идей, в Германии нашел отражение в создании широкой сети праворадикальных организаций: от партий типа «Альтернативы для Германии» до низовых организаций типа ПЕГИДА и объединений идентитаристов. В кризисных условиях в Германии возникло внутренне разделенное движение, характеризующееся несогласованными стратегиями и отсутствием четкого лидерства.

Принимая во внимание тот факт, что традиционные гендерные различия в участии в голосовании в последние десятилетия уменьшились во многих пост-индустриальных странах¹, следует обратить внимание на тенденцию, согласно которой все больше женщин отдают предпочтение праворадикальным организациям и партиям. Вследствие этого возникает вопрос, каким образом ведущая праворадикальная партия страны «Альтернатива для Германии» выстраивает отношения с женским электоратом и насколько их позиция по женскому вопросу соотносится с интересами низовых праворадикальных активисток.

Правый поворот и женское участие в политике в контексте немецкой политической культуры

Исследуя политическую культуру демократии, Габриэль Алмонд и Сидней Верба сформулировали категорию гражданской культуры, под которой понимается политическая активность граждан, достаточная для выражения собственных интересов и критики неэффективных решений власти, таким образом, являющаяся необходимым элементом существования гражданского общества. В рамках исследования они отмечали, что немцы характеризуются осознанием «важности политической жизни, местных властей и правительства, а также хорошо информированы о них. Множеством самых разнообразных способов они принимают участие в политической системе» [Алмонд, Верба 2020:411]. Еще одной важной чертой немецкой политической культуры является высокая степень ее прагматичности – «бесстрастно отрешенной, практичной и почти циничной установкой применительно к политической жизни» [Алмонд, Верба 2020:412]. Представляется, что по мере постепенного роста популярности праворадикальных идей в немецком обществе их носители вполне успешно стали претендовать на включение в гражданскую культуру Германии за счет инструментализации протестных настроений общества.

Рост популярности праворадикальных партий, характерный для европейского пространства с 1980-х гг., долгое время не влиял на немецкую политическую жизнь. Помимо исторического опыта страны, усложняющего распространение праворадикальных идей в силу их стигматизации со стороны общественности и средств массовой информации из-за нацистского прошлого страны, важную роль сыграли и ключевые игроки на политической арене ФРГ. Дэвид Арт, размышляя о причинах неудачи праворадикальной партии Республиканцев, созданной в 1983 г., отмечал, что ключевым фактором для успешного существования праворадикальной партии становится отсутствие противодействия ей со стороны основных политических сил (выражающимся либо в сотрудничестве, либо в игнорировании), благодаря чему такая партия получает электоральную силу и легитимность, в дальнейшем превращаясь в постоянную силу в партийной системе [Art 2007:332]. Франк Дэкер также

¹ Women in politics in the EU // European Parliament Briefing. URL: [https://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/BRIE/2021/689345/EPRS_BRI\(2021\)689345_EN.pdf](https://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/BRIE/2021/689345/EPRS_BRI(2021)689345_EN.pdf) (accessed: 15.08.2021).

относил к причинам, затормозившим рост популярности новых правых в немецкой жизни, наличие элемента популизма в деятельности основных политических партий и СМИ Германии, а также отсутствие харизматических лидеров среди правых [Decker 2008:133]. Тем не менее финансовый кризис 2008 г. и неспособность основных политических акторов Европы справиться с его последствиями привели к росту популярности праворадикальных идей «даже в тех странах, которые, казалось бы, были к нему невосприимчивы» [Albertazzi, Mueller 2013:344]. Последовавший же за ним миграционный кризис только закрепил этот эффект. Решение Ангелы Меркель временно приостановить действие Дублинского соглашения способствовало тому, что миграционная проблема стала неотъемлемой частью политической повестки Германии. В результате «Альтернативе для Германии» (АдГ), праворадикальной партии, созданной в 2013 году как ответ на кризисные явления в стране, удалось занять успешные позиции и к своим вторым выборам в 2017 году стать третьей по численности партией в Бундестаге.

Осознание значимости женщины в политической системе проделало долгий путь от понимания женщины как аполитичного существа к современному его пониманию. Так, Г. Алмонд и С. Верба еще в 1989 г. приходили к выводу о том, что «политические характеристики женщин воздействуют на то, каким образом семья выполняет свою функцию политической социализации», а также, что «проблемы семейной жизни, а также потребности женщин и детей более прямо и эффективно передаются в политику через политически открытую семью» [Алмонд, Верба 2020:440]. Современные исследователи сходятся во мнении, что, «используя такие традиционные формы политического участия, как лоббирование конституционных изменений, борьба за право голоса и избрание на выборные должности, а также менее традиционные методы, включая работу в организациях вне правительства и протесты против неравенства в государственном и частном секторах», женщинам удалось получить доступ к публичной сфере и улучшить качество своей жизни [Ford 2018:31]. Включение женской проблематики в партийную повестку становится необходимым залогом успеха на выборах, так как в современных условиях партии «добиваются наибольшего успеха, когда могут заявить, что могут повести за собой женщин-избирателей» [Campbell 2016:594]. Более того, широкое распространение «женской повестки» приводит к тому, что партийные элиты также сами часто заинтересованы в максимальной репрезентативности своих партийных списков, поэтому они сознательно выдвигают женщин в качестве кандидатов [Celis, Erzeel 2017].

ФРГ также является частью этого общего тренда. В начале XXI века доля женщин в Бундестаге значительно увеличилась, хотя при этом сохранялась ситуация, в которой женщины гораздо реже, чем мужчины, занимали отдельные руководящие должности, например, министров и председателей партий [Мскау 2004:76]. Инструментом расширения женского участия в немецкой политической жизни становится квотирование, которое добровольно было принято такими партиями, как ХДС, СДПГ, Левая и Союз 90/Зеленые. Расширение

женского участия в политике привело к тому, что на выборах в Бундестаг 2013 г. количество избранных женщин составило 36%, на выборах 2017 г. – 31%, при том что показатель явки среди женщин на обоих выборах составил 32%². Завоевание женских голосов становится для немецких партий необходимостью, поэтому даже консервативно ориентированные партии оказываются вынужденными включать в свою повестку женскую проблематику и задумываться о том, как привлечь на свою сторону женский электорат.

В данных условиях можно говорить о том, что партийная идентичность правых радикалов значительно трансформировалась на современном этапе. Если в конце XX в. партии правого толка не могли добиться успеха, оставаясь представителями маргинальных националистических антимигрантских сил, то на современном этапе партийные правые в Германии превращаются в движение, выступающее за защиту идентичности и прав, в том числе женщин, что позволяет им влиться в демократическую культуру Германии. Это также позволяет правым радикалам претендовать на то, что все их действия обусловлены тем, что они являются частью гражданской культуры, с ее акцентом на активности граждан и их правом на критику и несогласие с политикой властей.

«Альтернатива для Германии» в поисках женской поддержки

Общий уровень разочарованности действиями правительства в кризисных ситуациях и активно пропагандируемая правыми силами угроза европейскому обществу со стороны мигрантов привели к тому, что уровень поддержки праворадикальных партий повысился не только со стороны мужчин, но и со стороны женщин. Несмотря на то что традиционный разрыв в голосовании между мужчинами и женщинами за правые партии в Европе сохраняется, «вопреки расхожему мнению, этот пробел кажется относительно небольшим (в электоральном выражении, самое большее, примерно 4–5%)»³. Нил Спирингс и Андрей Заслоув в своем исследовании отмечают, что более 40% голосов за правых популистов принадлежат женщинам. Женщины стали более активными в радикально-правых движениях, чем когда-либо прежде [Spierings, Zaslove 2015].

Исследование под руководством Карстена Виппермана 2016 г. показало, что наиболее важными проблемами для молодых женщин Германии являются равная оплата труда, равные возможности в профессиональной жизни, а также качественный и бесплатный уход за детьми⁴. Также команда исследователей

² Heft 4: Wahlbeteiligung und Stimmabgabe der Frauen und Männer nach Altersgruppen // Der Bundeswahlleiter. URL: <https://www.bundeswahlleiter.de/bundestagswahlen/2017/ergebnisse/repraesentative-wahlstatistik.html> (accessed: 15.08.2021).

³ Barisione M., Mayer N. The transformation of the Radical Right Gender Gap: The case of the 2014 EP Election. 4ème European Conference on Politics and Gender, Jun 2015, Uppsala University, Sweden. P. 18.

⁴ New flagship study is out: “What young women want” // Friedrich-Ebert-Stiftung. November 21, 2016. URL: <https://connect.fes.de/trending/new-flagship-study-is-out-what-young-women-want/> (accessed: 15.08.2021).

пришла к выводу о том, что отсутствие справедливости в вопросе оплаты труда является основной причиной отказа от традиционных гендерных ролей для немецких женщин. В попытках расширить женский электорат правые партии ориентируются именно на эти женские интересы в политике и экономике. В русле этой тенденции АдГ в своей программе предлагает пересмотреть систему социального страхования и, создав более комфортные экономические условия для семей с детьми, «выразить как морально, так и материально признательность родителям за их труд»⁵.

Основной целью для АдГ при этом становится «закрытие разрыва между желанием иметь детей, которое выражают 90 процентов молодых немцев, и низким коэффициентом рождаемости»⁶. Говоря о «женской повестке» АдГ в целом, следует отметить, что из 17 упоминаний женщин большая часть связана с вопросами материнства и защиты детства и вопросами, касающимися женской занятости (которую АдГ рассматривают в русле необходимости отказа от гендерных квот).

Еще одним способом завоевать доверие женщин для АдГ становится эксплуатация страха перед мигрантами как источниками сексуального насилия. Женщинам настойчиво прививают идеи о том, что их безопасность находится под угрозой, когда мигрантам, особенно из мусульманских стран, разрешается пересекать границу. В условиях, когда немецкое правительство оказывается неспособным защитить простых немцев от угроз со стороны мигрантов, АдГ называют себя «единственной партией в Германии, которая действительно борется за права женщин»⁷ и призывает ужесточить миграционную политику.

Исследуя визуальную репрезентацию мигрантов в риторике АдГ, Николь Дорр отмечает, что «профессиональное сочетание дискурсивных и визуальных риторических стратегий позволяет партии высмеивать, а также стыдить мусульманские меньшинства и осуждать их „инаковость“, а также присваивать феминистские и ЛГБТ-нормы гендерного равенства и сексуальной свободы» [Doerr 2021]. При этом в программе партии отдельное внимание уделяется вопросу о парандже, которая понимается как «религиозно-политический символ подчинения мусульманских женщин мужчинам, несовместимый с интеграцией и равноправием женщин и девушек, а также со свободным развитием личности»⁸, и следовательно, должна быть запрещена, с тем чтобы мусульманским женщинам было легче существовать в немецком обществе.

Любопытно, что тактикой правых радикалов в деле завоевания женской поддержки становится переопределение термина «феминизм». АдГ в своей

⁵ Programm für Deutschland // Alternative für Deutschland. P. 40. URL: <https://www.afd-bgl.de/wp-content/uploads/2017/01/afd-grundsatzprogramm.pdf> (accessed: 10.08.2021).

⁶ Ibid. P. 45.

⁷ From Le Pen to Alice Weidel: how the European far-right set its sights on women // The Guardian. 29 January, 2019. URL: <https://www.theguardian.com/lifeandstyle/2019/jan/29/from-le-pen-to-alice-weidel-how-the-european-far-right-set-its-sights-on-women> (accessed: 15.08.2021).

⁸ Programm für Deutschland... P. 55.

программе указывает на то, что феминизм в современном обществе «неправильно понят»⁹, а потому жертвами этого недопонимания становятся женщины, выбирающие путь матерей и домохозяек. Также АдГ призывает отказаться от «проекта “гендерного мейнстриминга”, подрывающего семейные ценности»¹⁰. Главной целью общества, по мнению АдГ, вновь должно стать реальное равенство мужчин и женщин. АдГ также стремится увеличить долю женских голосов, отдаваемых за партию, с помощью увеличения доли женщин, представляющих партию. «До того, как я присоединилась к партии, бесчисленное множество раз совершая покупки на рынке в моем родном городе, я не подходила к информационной стойке АдГ, потому что там были только мужчины. Как только появились женщины, я инстинктивно пошла к ним»¹¹, – заявляла депутат АдГ Николь Хехст. Такая партийная позиция соотносится с трендом, отмеченным исследователями, согласно которому некорректно продолжать считать праворадикальные партии исключительно «мужскими», так как эти партии представляют интересы женщин, хотя и придерживаются традиционных гендерных и антифеминистских позиций [Spierings, Zaslove 2017:839]. При этом, несмотря на то что среди первых лиц партии довольно часто встречаются яркие женщины, такие как бывшие лидеры партии Фрауке Петри и Алис Вайдель, или депутат Бундестага от АдГ Беатрис фон Шторх, новостная повестка партии большей частью формируется мужчинами.

Привлечение женщин стало для АдГ важной составляющей на пути к тому, чтобы претендовать на роль «народной» партии. В целом можно говорить о том, что такая политика приносит определенные результаты: так, на выборах 2013 г. АдГ набрала в свою поддержку 3,6% женских голосов, а уже к выборам 2017 г. им удалось увеличить этот показатель до 9,2%¹². Провозглашая себя главными защитниками женщин на политической арене Германии, АдГ ориентируется, прежде всего, на интересы «усредненной» женщины, стоящей на умеренно консервативных позициях.

Праворадикальный женский активизм в сетях идентитаризма

Современные праворадикальные партии пытаются найти подход к налаживанию отношений с женщинами, исходя из традиционных представлений о низкой политической активности женщин и их консервативной политической ориентации. Традиционно считалось, что женщины не стремятся поддерживать правые идеи «самостоятельно»; в исследованиях, посвященных правым, такие женщины, как правило, рассматривались как спутницы жизни правых радикалов, попавшие под их влияние. В последнее время такая точка

⁹ Programm für Deutschland... P. 44.

¹⁰ Ibid. P. 44.

¹¹ From Le Pen to Alice Weidel...

¹² Heft 4: Wahlbeteiligung und Stimmabgabe der Frauen und Männer nach Altersgruppen // Der Bundeswahlleiter. URL: <https://www.bundeswahlleiter.de/bundestagswahlen/2017/ergebnisse/representative-wahlstatistik.html> (accessed: 15.08.2021).

зрения была подвергнута критике. Говоря о праворадикальных террористических группировках Германии, Барбара Манте отмечает, что положение женщин в таких организациях носит двойственный характер. С одной стороны, многие женщины-представительницы правых радикалов могут оказаться частью поддерживающей и стабилизирующей среды, часто вступая в отношения с мужчиной-активистом. С другой стороны, праворадикальные женщины также занимают лидирующие позиции на неонацистской сцене, несмотря на проблемы, существующие изнутри¹³.

Примером вовлеченности немецких женщин в праворадикальную террористическую деятельность может служить пример правоэкстремистской террористической группировки «Национал-социалистическое подполье». Группировка начала свою деятельность в 1998 г. и была раскрыта в 2011 г. В ходе судебного процесса наибольшую заинтересованность в СМИ вызывал тот факт, что в ядро группы, помимо Уве Мундлоса и Уве Бенхардта, входила женщина – Беате Цшепе. Исследование, проведенное Ульрихом Овердиком, показало, что в ходе судебного процесса и освещения его в СМИ одним из основных вопросов являлось то, могла ли Беате Цшепе напрямую участвовать в серьезных преступлениях расистского характера, таких как убийства и нападения со взрывчатыми веществами, потому что ее недооценивали как женщину. Он также отмечает важность стереотипа о «мирных и аполитичных» женщинах, который выступал для организации в качестве «буржуазного фасада» для маскировки самой террористической деятельности¹⁴. 22 августа 2021 г. было принято судебное решение о виновности Цшепе и наказании ее пожизненным заключением без права досрочного освобождения.

С начала XXI века женщины все больше вовлекаются в праворадикальные движения за счет интернета: создавались сайты сторонниц превосходства белой расы, сочувствующие подобным идеям женщины занимали свои определенные ниши в цифровом пространстве¹⁵. В условиях существования множества социальных сетей женщины получили больше возможностей быть вовлеченными в деятельность праворадикальных организаций и смогли стать важной частью нового праворадикального бренда. Мужская и женская поддержка праворадикальных партий объясняется одними и теми же причинами: нетерпимостью к иммигрантам, евроскептицизмом, позицией правого толка, низким уровнем образования и экономической незащищенностью [Mayer 2015:407]. Говоря о вовлеченности женщин Германии в праворадикальную повестку, исследование, проведенное в 2016 году, показало, что женщины

¹³ Manthe B. Germany: the role of women in radical right terrorism // OpenDemocracy. URL: <https://www.opendemocracy.net/en/countering-radical-right/germany-role-women-radical-right-terrorism/> (accessed: 15.08.2021).

¹⁴ Cognitive deficits in the perception of female right-wing terrorists // Amadeu Antonio Stiftung. URL: <https://www.amadeu-antonio-stiftung.de/en/cognitive-deficits-in-the-perception-of-female-right-wing-terrorists-26657/> (accessed: 15.08.2021).

¹⁵ Women Extremist Organizations Stake their Claim on the Web // Intelligence Report. Summer Issue, 1999.

значительно более склонны отдавать предпочтение правам коренных европейцев, чем мужчины, и немного более склонны сочувствовать взглядам новых правых [Zick, Krause, Kupper 2016]. Подспорьем для распространения праворадикальных идей выступают многочисленные случаи насилия по отношению к женщинам со стороны мигрантов, активно тиражируемые в СМИ и праворадикальными организациями, среди которых особо выделяется случай массовых нападений мигрантов на женщин, совершенных в канун нового 2016 г. в Кельне, вызвавший широкий общественный резонанс. Отсутствие реакции со стороны властей, угроза сексуального насилия вкупе с угрозой потери рабочих мест – все это заставляет немецких женщин обратить внимание на праворадикальную идеологию.

В современном праворадикальном ландшафте Германии особого внимания заслуживает кампания #120db (#120децибел), которая стала реакцией на возросшее количество случаев насилия со стороны мигрантов в адрес немецких женщин и либеральное движение #MeToo. Основной целью этой кампании стало «инициирование беспристрастного движения, направленного на то, чтобы охватить весь опыт женщин, связанных с мигрантской преступностью, и сделать его достоянием общественности»¹⁶. Активистки движения активно критиковали бездействие правительства и говорили о том, что в противовес движению #MeToo, необходимо выступать с реальными действиями: митингами, демонстрациями, воздействием на политиков и СМИ, в случаях, когда насилие со стороны мигрантов замалчивается с их стороны.

Несмотря на то, что сторонники #120db стремились выступать с профеминистских позиций, они были обвинены в том, что являются группой «белых ксенофобов и расистов, замаскировавшихся под феминисток»¹⁷. Анализ ресурсов Джулии Эбнер и Джейкоба Дейви, проведенный на материалах социальной сети Twitter, показал, что кампания, используя популярный хэштег #metoo, распространяла антиисламские идеи. Хэштег #120db также сочетался с хэштегами, используемыми в контексте кампаний по расширению прав и возможностей женщин, такими как #frauengegengewalt (#женщиныпротивнасилия). Примечательно, что, несмотря на акцент на правах женщин, около 67 процентов твитов с хэштегом # 120db были размещены мужскими аккаунтами [Ebner, Davey 2019:36]. В дальнейшем были раскрыты связи этой кампании с движением идентитаристов, группы правых, чьи действия направлены, прежде всего, на взаимодействие с молодежью и создание образа новых правых как интеллектуалов.

Среди женщин, ставших рупорами #120db, следует особо выделить Франциску Берит, выступающую против «гендерной мафии» активистку, автора праворадикального блога «Радикальная женственность». Франциска также близка к движению Идентитаристов: в своих социальных сетях (на настоящий

¹⁶ Wer sind wir? // 120 Dezibel. URL: <http://120db.info/> (accessed: 15.08.2021).

¹⁷ #120db, le #MeToo raciste de l'ultra-droite allemande // Le Temps. URL: <https://www.letemps.ch/opinions/120db-metoo-raciste-lultradroite-allemande> (accessed: 15.08.2021).

момент заблокированных) она часто репостила записи движения Идентитаристов и Мартина Селлнера, являющегося лидером австрийской ветки движения. Основное содержание блога сводилось к тому, что система партнерских отношений между мужчиной и женщиной, домашнее хозяйство и все общество в целом находятся в «ловушке феминизма»¹⁸. Еще одним важным посылом блога являлось сосредоточение на роли женщины как жены, домохозяйки и матери и необходимость защиты такой роли. Женщины «все больше и больше пытаются взять на себя роль мужчины в своем поведении и быстро понимают, что это невозможно»¹⁹, – писала Франциска в блоге. Таким образом, «Радикальная женственность» должна была стать тем средством, которое поспособствует возвращению к гармоничному взаимоотношению мужчин и женщин и консервативному пониманию семьи.

Среди активисток правых радикалов по частоте упоминания в интернете и социальных сетях стоит выделить также Паулу Винтерфельдт, активно продвигающую идеи «импорта насилия» со стороны «мультикультуралистов» в ходе митингов правых радикалов, и Алину фон Раухенек, продвигающую в своих социальных сетях идею о том, что современным немецким женщинам чужды «гендерное безумие и истерия феминизма»²⁰. Следует отметить, что эти активистки также тесно связаны с движением Идентитаристов, активно приглашающим девушек на свои мероприятия. Рикарда Дрюке и Элизабет Клаус отдельно отмечают важность цели гендерного равенства для движения Идентитаристов в рамках их антимигрантской кампании [Drüeke, Klaus 2019: 95]. Специалистка по изучению правого экстремизма Хайке Радван также отмечает, что движение идентитаристов, используя «стереотипное представление о женщинах как о миролюбивых и аполитичных членах общества, активно стремится использовать их, чтобы придать своему движению безобидный имидж»²¹.

Молодые женщины, придерживающиеся правых взглядов, получают большие возможности для выражения своих идей онлайн. Можно говорить о том, что в среде низового правого активизма женщины придерживаются весьма радикальных позиций. Они выступают за защиту женщин от угрозы насилия со стороны мигрантов, прежде всего исповедующих ислам, и за защиту Европы от внешних угроз. Сторонницы идей правых готовы защищать свои позиции не только в своих профилях в Инстаграме и Твиттере, но и выходить на улицы, что активно используется движением Идентитаристов, создающих прочные связи с такими женщинами. Придерживающиеся антимигрантских позиций

¹⁸ Was ist radikal feminin? // radikal feminin. URL: <https://radikalfeminin.wordpress.com/was-ist-radikal-feminin/> (accessed: 15.08.2021).

¹⁹ Wer steckt hinter radikal feminin? // Radikal feminin. URL: <https://radikalfeminin.wordpress.com/wer-steckt-hinter-radikal-feminin/> (accessed: 15.08.2021).

²⁰ #protectEurope (feat. Alina von Rauheneck) // Youtube. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=mZ7h1IDi264> (accessed: 15.08.2021).

²¹ Цит. по: Rechte Schwestern ganz vorn. URL: <https://www.tagesspiegel.de/themen/agenda/frauen-bei-der-identitaeren-bewegung-rechte-schwester-ganz-vorn/21005940.html> (accessed: 15.08.2021).

идентитаристы, стоящие на более радикальных, чем АдГ, позициях также активно инструментализируют женскую поддержку, вовлекая женщин в свое движение.

Выводы

Рост праворадикальных настроений в обществе, подстегнутый финансовым и миграционным кризисами, способствовал возрастанию женской значимости в политической жизни. Праворадикальные партии, традиционно игнорировавшие женский вопрос и отводившие женщинам второстепенное значение в своих предвыборных обещаниях, были вынуждены пересмотреть свою повестку. Курс на защиту идентичности и прав, в том числе прав женщин, позволяет правым радикалам Германии инкорпорироваться в демократическую культуру Германии и претендовать стать частью гражданской культуры, тем самым получая полное право на критику политического курса страны.

АдГ, будучи достаточно молодой партией, смогла быстро пересмотреть свои позиции касательно «женской повестки», что привело к росту ее популярности среди женского электората. В тактике АдГ по отношению к завоеванию женского интереса можно выделить следующие позиции: ориентация на социально-экономическую проблематику, волнующую женщин, рассмотрение мигрантской проблемы сквозь призму угрозы со стороны приезжающих мусульман по отношению к женщинам, защита интересов консервативно настроенных женщин, привлечение женщин в качестве главных лиц, отвечающих за повестку партии. Рассмотрев программу АдГ, можно заключить, что в целом она направлена на завоевание интереса среднестатистической женщины, что особенно касается социально-экономических мер и противодействия мигрантам как главным источникам насилия по отношению к женщинам. Актуализация вовлечения женщин в движение становится не только инструментальной, но и ценностной, позволяя АдГ стать полноправной частью политической культуры Германии, поддерживая основы европейской идентичности, к которым относятся права женщин.

Главной нишей для низового женского активизма стало онлайн-пространство, в рамках которого женщины, даже крайне консервативных и ксенофобских взглядов, получили платформу для высказывания своих идей. Двумя основными проблемами для таких женщин являются распространение гендерной идеологии, расшатывающей традиционные устои семьи, и ислам, представляющий угрозу для женщин в силу своей патриархальной направленности. Несмотря на то что эти позиции вполне соотносятся с программными обещаниями АдГ, праворадикальные активистки прежде всего оказываются вовлеченными в сети движения Идентитаристов, которые также действуют в интернете и, не являясь легально существующей партией и не будучи скованными возможной реакцией со стороны общественности и политических оппонентов, способны более быстро реагировать на появление новых активисток в социальных сетях. Таким образом, идентитаристы, которые стремятся создать образ «новых интеллигентных правых», все больше в своей задаче

преуспевают, поскольку поддержка со стороны женщин традиционно воспринимается как символ безобидности партии. Кроме того, низовые правые активистки часто призывают к радикальным мерам, в то время как АдГ стремится оставаться в рамках «обеленного» имиджа партии, защищающей интересы всего населения, а не отдельных его групп, чем может объясняться отсутствие закреплённых отношений между партией и активистками.

Поступила в редакцию / Received: 07.08.2021

Принята к публикации / Accepted: 15.08.2021

Библиографический список

- Алмонд Г., Верба С. Гражданская культура. Политические установки и демократия в пяти странах. Litres, 2020. 499 с.
- Albertazzi D., Mueller S. Populism and liberal democracy: Populists in government in Austria, Italy, Poland and Switzerland // *Government and Opposition*. 2013. Vol. 48, No. 3. P. 343–371. DOI: 10.1017/gov.2013.12
- Art D. Reacting to the radical right: Lessons from Germany and Austria // *Party Politics*. 2007. Vol. 13, No. 3. P. 331–349. DOI: 10.1177/1354068807075939
- Campbell R. Representing women voters: The role of the gender gap and the response of political parties // *Party Politics*. 2016. Vol. 22, No. 5. P. 587–597. DOI: 10.1177/1354068816655565
- Celis K., Erzeel S. The complementarity advantage: Parties, representativeness and newcomers' access to power // *Parliamentary Affairs*. 2017. Vol. 70, No. 1. P. 43–61. DOI: doi.org/10.1093/pa/gsv043
- Decker F. Germany: right-wing populist failures and left-wing successes // *Twenty-First Century Populism*. London: Palgrave Macmillan, 2008. P. 119–134. DOI: 10.1057/9780230592100_8
- Doerr N. The Visual Politics of the Alternative for Germany (AfD): Anti-Islam, Ethno-Nationalism, and Gendered Images // *Social Sciences*. 2021. Vol. 10. P. 20. DOI: 10.3390/socsci10010020
- Drüeke R., Klaus E. Die Instrumentalisierung von Frauen* rechten in rechten Diskursen am Beispiel der Kampagne# 120db // *GENDER–Zeitschrift für Geschlecht, Kultur und Gesellschaft*. 2019. Vol. 11, No. 3. P. 84–99. DOI: 10.3224/gender.v11i3.06
- Ebner J., Davey J. How Women Advance the Internationalization of the Far-Right // *Perspectives on the Future of Women, Gender, and Violent extremism*, ed. Audrey Alexander. Washington, D.C.: George Washington University Program on Extremism. 2019. P. 32–39.
- Ford L.E. Women and politics: The pursuit of equality. Routledge, 2018. 446 p.
- Mayer N. The closing of the radical right gender gap in France? // *French Politics*. 2015. Vol. 13, No. 4. P. 391–414. DOI: 10.1057/fp.2015.18
- McKay J. Women in German politics: still jobs for the boys? // *German Politics*. 2004. Vol. 13, No. 1. P. 56–80. DOI: 0964400042000245398
- Spierings N., Zaslove A. Gender, populist attitudes, and voting: explaining the gender gap in voting for populist radical right and populist radical left parties // *West European Politics*. 2017. Vol. 40, No. 4. P. 821–847. DOI: 10.1080/01402382.2017.1287448
- Spierings N., Zaslove A. Gendering the vote for populist radical-right parties // *Patterns of Prejudice*. 2015. Vol. 49, No. 1-2. P. 135–162. DOI: 10.1080/0031322x.2015.1024404
- Zick A., Krause D., Küpper B. Rechtspopulistische und rechtsextreme Einstellungen in Deutschland // *Gespaltene Mitte-Feindselige Zustände: Rechtsextreme Einstellungen in Deutschland 2016* (hrsg. für die Friedrich-Ebert-Stiftung von Ralf Melzer). 2016. P. 111–142. DOI: 10.1007/978-3-531-19085-3_4

References

- Albertazzi, D., & Mueller, S. (2013). Populism and liberal democracy: Populists in government in Austria, Italy, Poland and Switzerland. *Government and Opposition*, 48(3), 343–371. DOI: 10.1017/gov.2013.12

- Almond, G.A., & Verba, S. (2020). *The Civic Culture: Political Attitudes and Democracy in Five Nations*. Litres, 2020.
- Art, D. (2007). Reacting to the Radical Right. *Party Politics*, 13(3), 331–349. DOI: 10.1177/1354068807075939
- Campbell, R. (2016). Representing women voters: The role of the gender gap and the response of political parties. *Party Politics*, 22(5), 587–597. DOI: 10.1177/1354068816655565
- Celis, K., & Erzeel, S. (2017). The complementarity advantage: Parties, representativeness and newcomers' access to power. *Parliamentary Affairs*, 70(1), 43–61. DOI: doi.org/10.1093/pa/gsv043
- Decker, F. (2008). Germany: right-wing populist failures and left-wing successes. In *Twenty-First Century Populism* (pp. 119–134). Palgrave Macmillan, London. DOI: 10.1057/9780230592100_8
- Doerr, N. (2021). The Visual Politics of the Alternative for Germany (AfD): Anti-Islam, Ethno-Nationalism, and Gendered Images. *Social Sciences*, 10(1), 20. DOI: 10.3390/socsci10010020
- Drücke, R., & Klaus, E. (2019). Die Instrumentalisierung von Frauen* rechten in rechten Diskursen am Beispiel der Kampagne# 120db. *GENDER–Zeitschrift für Geschlecht, Kultur und Gesellschaft*, 11(3), 84–99. DOI: 10.3224/gender.v11i3.06
- Ebner, J., & Davey, J. (2019). How Women Advance the Internationalization of the Far-Right. In *Perspectives on the Future of Women, Gender, and Violent extremism* (pp. 32–39), Washington, D.C.: George Washington University.
- Ford, L.E. (2018). *Women and politics: The pursuit of equality*. Routledge.
- Mayer, N. (2015). The closing of the radical right gender gap in France? *French Politics*, 13(4), 391–414. DOI: 10.1057/fp.2015.18
- McKay, J. (2004). Women in German politics: still jobs for the boys?. *German Politics*, 13(1), 56–80. DOI: 0964400042000245398
- Spierings, N., & Zaslove, A. (2015). Gendering the vote for populist radical-right parties. *Patterns of Prejudice*, 49(1–2), 135–162. DOI: 10.1080/0031322x.2015.1024404
- Spierings, N., & Zaslove, A. (2017). Gender, populist attitudes, and voting: explaining the gender gap in voting for populist radical right and populist radical left parties. *West European Politics*, 40(4), 821–847. DOI: 10.1080/01402382.2017.1287448
- Zick, A., Krause, D., & Küpper, B. (2016). Rechtspopulistische und rechtsextreme Einstellungen in Deutschland. In *Gespaltene Mitte-Feindselige Zustände: Rechtsextreme Einstellungen in Deutschland 2016* (hrsg. für die Friedrich-Ebert-Stiftung von Ralf Melzer). DOI: 10.1007/978-3-531-19085-3_4

Сведения об авторе:

Бурмистрова Екатерина Сергеевна – ассистент кафедры истории и археологии Пермского государственного национального исследовательского университета (e-mail: burmi-k@yandex.ru) (ORCID 0000-0002-4418-8557)

About the author:

Ekaterina S. Burmistrova – Assistant at Department of History and Archeology, Perm State University (e-mail: burmi-k@yandex.ru) (ORCID 0000-0002-4418-8557)

ДЛЯ ЗАМЕТОК

ДЛЯ ЗАМЕТОК
